

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 2(43)
 2019
XXI
 ВЕК

10
 ЛЕТ
 ЖУРНАЛУ

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Портрет современника
- Образование через искусство

Журнал приглашает
 к сотрудничеству организации
 и всех заинтересованных лиц

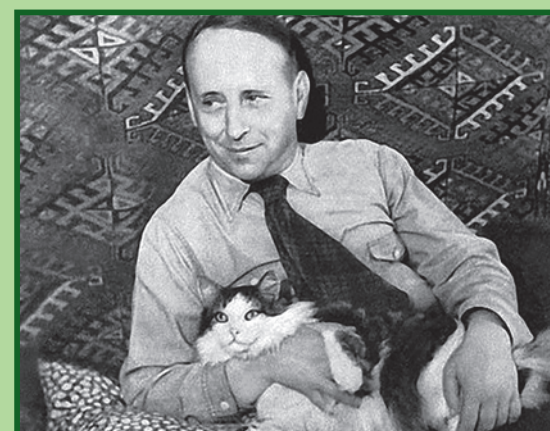
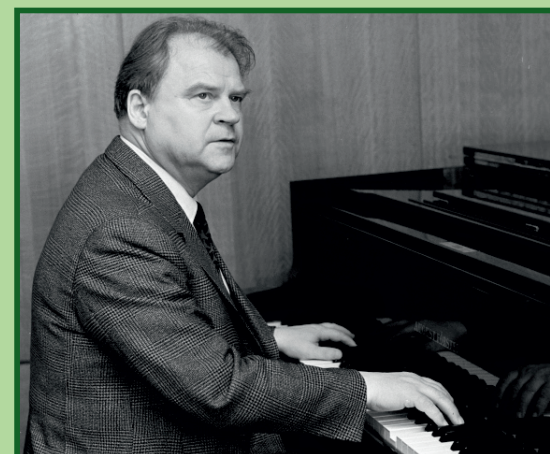
ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК 2 2019

10
 ЛЕТ
 ЖУРНАЛУ

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 2(43)
 2019

XXI
 ВЕК

- Творческие люди
- Три Марии
- Попутчики
- Обман
- Вольный человек
- Глючит!
- Подарочек...
- Зимняя заставка...
- Я погружаюсь в осень...
- Паганини
- Звук любви
- Черная свеча
- Учитель
- Память войны в детях ветеранов
- Творчество Тихона Хренникова
- Полет к реальности
- Орден творцов реальности

*«Лишь тот достоин жизни и свободы,
 Кто каждый день за них идет на бой».*

Гете «Фауст»

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Корректор — С. М. Ионова
Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ»

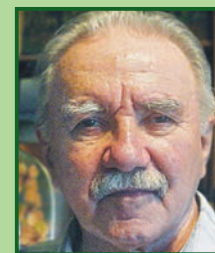
ISBN 978-5-6040867-2-8

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Журнал «Писатель. XXI век», 2019

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 28.05.19. Формат 70х100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт». 197183, Санкт-Петербург, ул. Сабиловская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

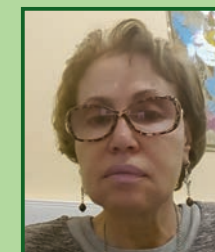
Н. В. Харитонов

Ева Талая

Ида Замирская

С. Б. Кузнецова

Андрей-Viktoria-Андреев

Н. В. Беланова

Л. Ф. Ларкина

А. М. Мецгер

В. А. Орлов

Л. В. Лесина

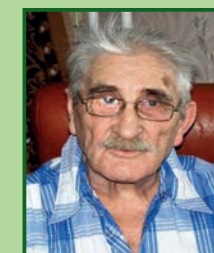
Е. М. Алексеева

Эдуард Дэлуж

Бах Ахмедов

М. М. Рыбаков

Булат Тугельбаев

Лидия Калашникова

Н. М. Ильенкова

М. Л. Дьяконова

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Ефим Роговер. Четыре чеховских рассказа рубежного 1894 года.....</i>	2
---	---

МАЛАЯ ПРОЗА

<i>Екатерина Алексеева. Творческие люди</i>	11
<i>Лидия Калашиникова. Три Марии.....</i>	14
Попутчики.....	18
Обман.....	27
<i>Михаил Рыбаков. Вольный человек.....</i>	31
Глючит!	37
Подарочек.....	38
Зимняя заставка.....	39
<i>София Кузнецова. Я погружаюсь в осень.....</i>	40
Долговременность сквозь мгновение.....	41
Паганини.....	42
Звук любви.....	43
<i>Александр Мецгер. Черная свеча</i>	45
<i>Булат Тугельбаев. Учитель.....</i>	53

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

<i>Андрей-Viktoria-Андреев, Эдуард Дэлуж, Бах Ахмедов, Ева Талая, Нонна Ильенкова, Нина Беланова.....</i>	59
---	----

ПЕРЕВОДЫ

<i>Ида Замирская. Переводы с английского.....</i>	80
---	----

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

<i>Любовь Ларкина. Память войны в детях ветеранов</i>	88
---	----

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОКА

<i>Ефим Роговер. Творчество Тихона Хренникова.....</i>	96
<i>Лариса Лесина. Музей Исаака Шварца в пос. Сиверский</i>	102

ПРОЗА XXI ВЕК

<i>Ева Талая. Полет к реальности.....</i>	108
<i>Мария Дьяконова. Орден творцов реальности</i>	131

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Валерий Орлов. Писатели Германии (18 в.) — Распе и Бюргер, И. Музеус, Гете, А. Тик, Шиллер, Лессинг.....</i>	146
---	-----

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ЧЕТЫРЕ ЧЕХОВСКИХ РАССКАЗА РУБЕЖНОГО 1894 ГОДА

(«ЧЕРНЫЙ МОНАХ», «СКРИПКА РОТШИЛЬДА»,
«СТУДЕНТ», «УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ»)

В конце 1880-х и начале 1890-х годов Чехов переживает определенный духовный кризис. Чтобы его преодолеть, писатель отправляется в поездку по Европе 17 марта 1891 года. Его сопровождает А. Суворин со своим сыном. Маршрут включал в себя посещение Вены, дорогу через Альпы в Венецию, поездку в Рим и Неаполь, осмотр Помпеи и Везувия, переезд в Ниццу и Монте-Карло, пребывание в Париже. Лето того же года Чехов проводит в имении Богимово, принадлежащем помещику Е. Балиму-Калисевскому. В 1891-1892 годах писатель был основательно занят помощью голодающим в связи с жестоким неурожаем. Захвачен он был и полевыми работами в приобретенном имении в Мелихово, вспашкой, заготовкой сена и закладом сада. Но душевный кризис не покидал Чехова. В одном из писем этой поры он жаловался на отсутствие «желания жить».

Спасения писатель искал не только в физическом труде, но и в медицине, в особенности в борьбе с холерой, эпидемией, разразившейся в центральной России. Чехов

планировал и очередное путешествие в Константинополь, и намечал самостоятельную поездку в Крым. В итоге книга о Сахалине долго не писалась, а интерес к театру был временно утрачен. Запас творческой энергии был истощен. В газету Суворина он не написал в эту пору ни строчки. Кризис продолжился до конца 1893 года.

Однако 1894 год стал очевидным рубежом, во время и после которого вновь раскрылся богатейший творческий потенциал Чехова. В этом году он пишет такие шедевры, как «Студент», «Учитель словесности», «Черный монах», «Скрипка Ротшильда» и такие рассказы, как «Бабье царство», «В усадьбе», «Рассказ старого садовника». Остановимся на четырех из них.

Рассказ «Черный монах» был напечатан в журнале «Артист» в январе 1894 года и знаменовал выход писателя из глубокого духовного кризиса. Хотя, по словам Чехова, образ черного монаха, несущегося полем, явился ему во сне, но содержание и проблематика произведения опирались на целый ряд философских и литературных источников.

Прежде всего, в рассказе отразился интерес Чехова к философии Марка Аврелия, а также Макса Нордау, выраженной в книге «Вырождение». Кроме того, в «Черном монахе» ощущались переключки с образом черного человека из «Моцарта и Сальери» Пушкина и его же «Пиковой дамой» [1], здесь сказывалась некоторая близость с гоголевскими «Записками сумасшедшего», «Сильфидой» В. Ф. Одоевского и «Призраками» Тургенева. Раскрывая тему смерти, писатель в определенной мере отталкивался от сцен «Братьев Карамазовых» Достоевского и «Смерти Ивана Ильича» Л. Толстого. Наконец, существовала некоторая параллель в интерпретации душевных болезней героя между «Черным монахом» и рассказом Гаршина «Красный цветок». Все эти источники говорят о тесной связи произведения Чехова с традицией русской и мировой литературы.

В своем рассказе Чехов противопоставляет манию величия, которая овладела магистром философии Ковриным, подлинному величию простых тружеников — старого садовода Егора Семеновича Песоцкого и его дочери Татьяны, одержимых возвышенной любовью к чудесному саду, созданному их усилиями и энтузиазмом. Этот конфликт раскрывается в рассказе при обрисовке его центральных героев.

Андрей Васильевич Коврин, увлеченный философской наукой, настолько расстроил свои нервы, что знакомый доктор настоятельно рекомендует ему провести лето в деревне. Магистр следует этому совету и отправляется в Борисовку к Песоцким. Здесь он чувствует себя превосходно и ощущает наполнен-

ность жизни высоким смыслом. Правда, его беспокоит легендарный образ черного монаха, блуждающего по вселенной и являющегося время от времени к нему, Коврину. Последний не может уяснить себе, реальны ли его встречи с этим монахом, одетым в черное, или это его бред и галлюцинации, возникающие на почве его душевной болезни. Так в рассказ вводится тема растущего безумия, и Чехов не случайно назвал свое произведение «рассказом медицинским», «*historia morbi*».

Коврин женится на Татьяне, переезжает с нею в город, но женщина начинает осознавать, что муж ее психически болен, недаром он разговаривает с невидимым ею монахом. Философ по настоянию жены проходит курс лечения, выздоравливает, но утрачивает радость жизни и ощущает себя посредственностью, обвиняя в этом Песоцких и порывая с ними. Через два года ученый получает кафедру, но живет теперь с другой женщиной — Варварой Николаевной. Он чувствует себя скверно, горлом у него идет кровь, он теряет ощущение избранности, жизнь его становится безрадостной, скучной и бесплодной. Явившийся ему перед смертью черный монах укоряет его за то, что он не поверил в свою гениальность. Такова фабула рассказа.

Как видим, только душевная болезнь Коврина оказывается источником его творчества и радости в жизни, тогда как здоровье превращает его в заурядного человека и становится основанием для страдания его самого и окружающих. Монах, вопреки символике его черного цвета, становится у Чехова

олицетворением света и вдохновения. Писатель решительно переосмысливает и мотив сумасшествия, освобождая его от привычной негативной окраски. Монах уверяет Коврина, что «здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди», безумцам же дана власть над творчеством, их душевная болезнь делает их одаренными свыше.

Как полагают отдельные исследователи рассказа, в нем намечаются некоторые признаки крепнущего символизма. Пауль Добречени (1993) видит в Коврине отражение облика и судьбы философа Вл. Соловьева, а также его идей из эссе «Смысл любви». С. Сендерович (1994) находит в «Черном монахе» отражение идей Дм. Мережковского. Он приводит отрывок из доклада Мережковского «О причинах упада и новых течений современной русской литературы», где говорится о Божественном духе, который идет по земле и оказывается сильнее смерти. Автор этого доклада не случайно ссылается на душевнобольного Вс. Гаршина и его творческие озарения [2].

Изображая Песоцких и ставя их на высокий нравственный пьедестал, окружая их чудеснейшим цветущим садом, созданным ими, Чехов не затушевывает их ограниченности и пассивности, что приводит к сломленности Татьяны и гибели Песоцкого, опекуна ученого. Однако, умирая, Коврин все-таки шепчет имя Тани и обращается мыслями к необыкновенному саду с его роскошными цветами, обрызганными росой, саду, с которым были связаны его лучшие годы.

Горячим поклонником чеховского рассказа был Лев Толстой, а сын

его — Лев Львович — позже создает пьесу «Призрак», в основании которой лежит инсценировка «Черного монаха». Еще позже по «Черному монаху» будет в 1983 году поставлен спектакль в Драматическом театре им. А.П. Чехова Таганрога (режиссер и автор инсценировки Г. Цветков). Другой спектакль по этому произведению будет осуществлен в Московском Драматическом театре им. А.С. Пушкина (реж. — Ю. Ермак) в 1992 году.

В «Черном монахе» часты музыкальные образы и ассоциации. Коврин с жадностью слушает музыку, игру на скрипке и пение, «изнемогая от них», серенада Брага разучивается в доме Песоцких; Таня исполняет арию сопрано; в Севастополе слышится чудесный романс о девушке. По музыкальным законам и построено это произведение. В рассказе есть своя экспозиция (1 глава), разработка (главы 2-8) и реприза (9 глава, где тонально объединяются главная и побочная партии). Совсем не случайно Дмитрий Шостакович нашел, что «Черный монах» Чехова создан в сонатной форме.

Рассказ «Скрипка Ротшильда» продолжил музыкальную тему предшествующего произведения. Он изображает семидесятилетнего Якова Иванова, прозванного Бронзой, гробовщика в маленьком провинциальном городке. Он умелый мастер своего дела; созданные им гробы всегда отличались своей прочностью. Дополнительный доход ему давала игра на скрипке. Исполнения на ней случались, когда его приглашали в еврейский оркестр, игравший на городских свадьбах. Но звали Иванова туда не часто,

поскольку музыканты ощущали его ненависть и презрение к исполнителям, особенно к худому и рыжему флейтисту Ротшильду, носившему — при его бедности — фамилию знаменитых европейских богачей. Столь же бесчеловечными были отношения Якова к жене Марфе: он видел в ней только грубую вещь, предмет, похожий на другие предметы в его доме.

Днем и ночью Яков поглощен меркантильными расчетами, размышлениями об убытках, которые он несет в этой жизни. Но когда Марфа заболевает опасным тифом и выясняется, что она скоро умрет, Бронза делает ей гроб еще при жизни больной женщины. При этом он вспоминает, что за всю жизнь ни разу не пожалел жену и постоянно набрасывался на нее с кулаками. В рассуждениях Якова начинают просвечиваться черты человечности. После похорон Марфы гробовщик предается философским соображениям и делает обобщения гуманного свойства: «Зачем люди вообще мешают жить друг другу? Если бы не было ненависти и злости, люди бы имели друг от друга громадную пользу». Яков теперь начинает стыдиться и того, что придирался и грубо обижал Ротшильда, который мучительно страдал от его издевок и нападок. Ведь на самом деле тот же флейтист всегда восхищался талантом Якова как скрипача, а на его последнюю мелодию Ротшильд откликнулся искренним восторгом. Найденная Бронзой изумительная по красоте печальная мелодия стала музыкальным выражением его новых размышлений о жестокой и безысходной трагедии человеческого существования и од-

новременно — просьбой о прощении за обиды, обращенные к Ротшильду, которого он мудро назвал своим братом.

Тяжело заболев и предчувствуя подступающую смерть, Яков исповедуется и завещает свою любимую скрипку, с которой не расставался даже ночью в постели, Ротшильду. Отныне тот, оставив свою флейту, играет только на струнном инструменте покойного Бронзы.

Рассказ Чехова строился на образных оппозициях: персонажей (Иванов — Ротшильд, Яков и его жена), прошлого и настоящего, убытков и пользы, дерева (гробы, барки, корпус скрипки, березняк) и металла (Бронзы, флейты). Эту семантическую эквивалентность подробно описал немецкий исследователь Вольф Шмид в своей интересной книге о прозе как поэзии [3]. По-иному содержательность формы чеховского рассказа раскрыла М. А. Семанова. Она показала и мастерство композиции «Скрипки Ротшильда», и весомость деталей этого рассказа [4], проникнутого гуманистической мыслью и интернациональным пафосом.

Музыкальность рассказа стала основой для создания оперы «Скрипка Ротшильда» (композитор В. Флейшман), поставленной сначала в уфимском Башкирском театре оперы и балета, и затем в московском театре «Геликон» (композитор В. Флейшман, оркестровка С. Гаврилова, 1991 год) и воронежском ТЮЗе (на музыку И. Стравинского, 1992 год).

Рассказ «Студент», напечатанный в газете «Русские ведомости», Чехов считал «самым любимым» [5] и наиболее отделанной вещью.

В основе произведения лежит случай, произошедший в жизни студента духовной академии Ивана Великопольского. Возвращаясь с тяги домой, он испытывает неприятные ощущения холода, мрака, пустынности и голода. Чтобы передать состояние студента особенно убедительно, писатель многократно повторяет упоминание о холоде, вечерней мгле, неуютности и нелюдимости в природе и вводит воспоминание юноши о бедном родительском доме дьячка, где по случаю сегодняшней страстной пятницы ничего не варили, и потому студенту мучительно хочется есть. Неприкаянность и ощущение ужаса побуждают Ивана к широкому обобщению, и он сравнивает нынешнюю непогоду и окружающую бедность с тем, что когда-то бывало в другие эпохи: при Рюрике, при Иване Грозном и при Петре. Аналогия ведет Великопольского к еще более широким выводам: все это уже было, есть и будет, и жизнь никогда не станет лучше.

Но вот происходит встреча на огородах с двумя женщинами-вдовами, греющимися у жаркого костра. Узнанный старшей из двух баб, студент излагает женщинам притчу о троекратном предательстве Христа его любимым учеником Петром. Чехов вводит в свое повествование известный евангельский эпизод, сопровождая его ассоциативными подробностями и символическими деталями, рождающими проекцию на нынешнюю реальную обстановку. В новозаветной ситуации, оказывается, так же сопрягались холод и тепло, мрак и свет, одиночество и окружение людьми, безнадежность и надежды,

безверие и вера, откровение и его оправдание. Вставная новелла воспроизводит еще один эпизод, случившийся в историческом прошлом. Душевные мучения, пережитые Петром, становятся отражением его духовного и нравственного возмужания. Злу, воплощенному в образах Иуды, первосвященника, мучителей Христа, поддерживающей их женщине, противостоит добро, представленное Христом и апостолами, а в реальном, современном мире — Василисой. Теперь бытовое время срастается с временем мифологическим, а картина из окружающей действительности — с историческими и религиозно-нравственными представлениями, на которых строится повествование студента. Благодаря таким связям рассказ «Студент» обретает глубочайший философский смысл и одновременно содержит широкое этическое содержание.

Мысль Ивана Великопольского охватывает эпохи и века человеческой мысли. Имена исторических персонажей (Рюрика, Иоанна и Петра), пространственные реалии (поля, огороды, костер) становятся звеньями сцеплений исторических и географических координат, благодаря которым формируется вывод: «Теперь так же, как и тогда». Жизненные явления прошлого и настоящего находятся в нерасторжимой связи. Исторический миг включается в безграничную временную протяженность, которую мы зовем вечностью.

Излагая библейский микросюжет, студент растрогал сердца двух крестьянских женщин, сидящих у костра, и потрясен их реакцией на его припоминание известной

истории предательства. Он убеждается в силе Божественного слова [6], которое способно так эмоционально воздействовать на души простых людей своей «правдой и красотой». При этом автор соотносит образ избиваемого Христа с Лукерьей, избивавшейся ее мужем, а образ Петра, наблюдающего за избиванием любимого человека и оказывающегося не в состоянии помочь ему, ассоциирует с Василисой, которая не может спасти свою дочь [7]. Соотнесены эти женщины и с родителями Ивана, с сидящей на полу босой матерью студента и лежащим на печи отцом.

Сам же Великопольский подан автором достаточно иронично, если не сказать — негативно. Реальный эпизод встречи с женщинами происходит в Великую пятницу, когда следует не только соблюдать пост, но и отказываться от различного рода развлечений. Между тем Иван грубо нарушает церковные запреты и позволяет себе охоту в дни Страстной седмицы. Кроме того, ему в тягость сам пост, бедный быт его родителей, и он убегает от бедствий своей семьи. Студент эгоистически сосредоточен на своих потребностях, на что обратил внимание немецкий исследователь Вольф Шмид. В рассказе Великопольского страдания Петра превышают даже страдания самого Христа [8].

Но в финале рассказа «Студент» его герой открывает для себя и для нас живые души простых крестьянок, сердца, откликнувшиеся на чужие страдания. Теперь тот же самый пейзаж, что был передан в начале произведения, рождает в Иване не тоску, отчаяние и страх, а нечто прекрасное. Появляется

и новое мироощущение. Раз прошлое и будущее связаны неразрывной цепью событий и строятся на основе причин и следствий, то жизнь не бессмысленна. Душа Ивана наполняется радостью, а мысль устремляется в будущее, согретое теплом и светом. Герой убеждается в неискоренимости правды и красоты. Не случайно А. П. Чехов упоминал рассказ «Студент» как свидетельство его оптимизма. Если в начале этого произведения настроение безысходности фонетически передавалась жалобным гудением («точно дуло в пустую бутылку»), то в финале рассказа ощутима совсем иная тональность. Ныне героем овладевает «сладкое ожидание счастья — таинственного счастья»).

Эволюцию мироотношения человека писатель прослеживает и в рассказе «Учитель словесности» (1894), напечатанном в «Новом времени» (1 глава) и в «Русских ведомостях» (2 глава). Первая глава имела название «Обыватели», а вторая была озаглавлена «Учитель словесности», дав позже название всему произведению.

Герой рассказа — Никитин — недавно приехал в провинциальный город, где развертывается излагаемая история, и поступил на службу в местную гимназию. Позади у него «сиротство, бедность, несчастное детство, тоскливая юность». Ныне он мечтает жениться на богатой и красивой Маше Шелестовой. Во время конной прогулки с главой семьи, стариком Шелестовым, и его двумя дочерьми восторженный герой рассказа принимает решение сегодня же объясниться с девушкой, в которую он влюбился и которая,

сидя на лошади мужского пола — Великан, — непрерывно и заинтересованно поглядывала на него. Никитин — учитель словесности (это отмечено уже заголовком рассказа), что должно характеризовать его как эмоционального и одухотворенного человека, склонного часто обращаться к письменной (дневниковой) форме выражения своих переживаний.

Сергею Васильевичу — так зовут героя — с тех пор, как он проявил интерес к Маше, все несказанно нравится у Шелестовых: и обширный сад, и богатый дом, и вечерний чай с гостями, и плетеные стулья. Правда, удручает обилие в их доме собак, кошек и египетских голубей, неприятный запах которых так отличается от аромата акаций, мимо которых недавно проезжала веселая кавалькада. Чеховский рассказ насыщается емкими и красноречивыми предметными и ситуативными деталями. Так, во время конной прогулки диссонансом к окружающей всадников красоте становится писк сусликов, карканье грачей, чернота бахчей, отцветающие яблони кладбища, бойни и мрачный пивоваренный завод. А в загородном саду героя рассердило «свинство» военного доктора, намеренно подчеркнувшего в Никитине его молодость, а значит, посчитавшего его «молокососом», поспешившим жениться.

Кроме выразительных деталей, Чехов сознательно и мастерски использует в рассказе частые повторы подробностей, свидетельствующие о тоскливом однообразии и банальности, царящих в жизни Шелестовых. Так, отец семейства повторяет «по обыкновению» свое словечко «хамство», его дочка Варя низмен-

но ведет споры, «всякий раз» ловя всех на слове, а гость Шебалдин, любитель сценического искусства, играет в спектаклях «всегда только одних смешных лакеев» и всегда имеет вид мумии. Примечательно, что еще не женившись, Никитин начинает свое воображаемое письмо к Маше словами: «Милая моя крыса»...

Общаясь с Манюней, герой рассказа «очутился в углу между шкапом и стеною, а она обвила руками его шею». Это зримый и многозначительный образ ловушки, в которой оказывается Никитин, ловушки, расставленной Машей: достаточно ловкой и активной девицей. Эта ситуация сопоставлена с историей штабс-капитана Полянского, который ухаживал за спорщицей Варей, но так и не женился на ней, удачливо и счастливо избежав возможной западни.

Вторая глава рассказа заполняется дневниковыми записями Никитина, в которых он повествует о своем венчании в церкви, рисует воздушный образ Маши и упивается «поэтически красиво» складывающейся семейной жизнью, своей обеспеченностью, избалованностью и богатым приданым («деньгами тысяч двадцать» и Мелитоневской пустошью со сторожкой, где обитает «множество кур и уток»). Записи учителя наполняются предметными деталями («новым кабинетом», «турецким диваном») и восторженным выражением «полного, разнообразного счастья». При этом герой сообщает о своем расслаблении, удобстве, изнеженности («я потягивался, развальясь у себя», «мне было мягко, удобно, уютно, как никогда в жизни»). Мы замечаем, как Ни-

китин все более «врастает в окружающую его обывательщину, серость и пошлость (Манюня, рассказывает автор дневника, завела уже от трех коров настоящее молочное хозяйство, и у нее в погребе было много кувшинов с молоком и горшочков со сметаной). Все, что резко расходилось с его убеждениями, было, по его мнению, «наивно и умирительно». Склонность к пошлости, живущая в душе Никитина, сходится с пошлостью окружающей его среды.

Когда умер, тяжело заболев, сосед Сергея Васильевича — Ипполит Ипполитович, Никитин хотел сказать на могиле товарища и коллеги теплое слово, но не сказал его, испугавшись осуждения со стороны директора гимназии, не любившего покойного. Словесник научился играть в винт, стал поздно возвращаться из клуба, где играли в карты, и ему казалось, что голова его стала громадной и пустой, как амбар. Одновременно от очарования и беззаботной влюбленности в Манюню Никитин переходит к острому чувству неприязни и даже ненависти к ней. Ведь он опустился уже до уровня провинциальных мещан-обывателей! По словам немецкого исследователя Маттиаса Фрайзе, в конце концов «все кажется Никитину вульгарным (пошлым), и его прозрение подготавливается практически всем предыдущим текстом, содержащим многочисленные детали, на которые может опереться читатель» [9].

Герой рассказа начинает думать о возможности другого мира, в который ему страстно захотелось попасть. «Тяжелая злоба, точно холодный молоток, повернулась

в его душе», — замечает Чехов. Никитин стал ходить на вокзал, чтобы увидеть уходящий почтовый поезд, на котором можно было бы уехать, убежать отсюда в Москву... Пошлость счастья, даром и незаслуженно доставшегося ему, все больше отторгалась им. «Как хорошо бы работать где-нибудь на заводе или в большой мастерской, говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать...», — такие думы овладевают Никитиным, такие проекты он строит.

Э. Полоцкая глубоко заблуждается, считая, что пора сонного мещанского счастья для Никитина кончилась навсегда, что он нашел свое подлинное место в жизни. Да, иллюзия счастья у героя рассказа иссякла, в момент просветления он очнулся от спячки, но дневниковая запись учителя, а значит, и сюжет неожиданно обрываются. Рассказ имеет открытый финал. Нам думается, что эта тоска по упорной работе на заводе, по лекциям на кафедре и писательскому труду такая же иллюзия и игра фантазии героя, как и его прежние убеждения в том, что именно он творец своего счастья. Он слишком погрузился в мир пошлой обывательщины, чтобы так легко из него выйти. Он оказался творцом иллюзии счастья, рожденной при случайных обстоятельствах, без личных волевых усилий, по прихоти богатой обольстительницы. Кроме того, весь текст рассказа не дает оснований увидеть в Никитине большого труженика, ученого, одаренного писателя, то есть те дары, на которые он мог бы опираться в будущем. Осознание им пошлости оказывается весьма относительным, а дневниковая запись

неожиданно обрывается только словом, но не делом, лишь намерением, но не поступком.

Рассказы Чехова 1894 года явились не просто решительным выходом из душевного кризиса писателя, но ярким проявлением его созревшего мастерства. Эти произведения

стали рубежом в творчестве блистательного новеллиста, позволившим ему оттолкнуться от созданных шедевров, чтобы двинуться дальше в своей творческой эволюции и перейти к глубоким и развернутым повестям «Три года» (1895) и «Моя жизнь» (1896).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: *Сахарова Е.М.* Пушкинские мотивы в «Черном монахе» // Чеховские чтения в Ялте, М., 1978.
2. *Сендерович С.* Чехов – с глазу на глаз, СПб, 1992. – с. 244.
3. *Шмид Вольф.* Проза как поэзия. СПб: Инапрес, 1998. – с. 278-294.
4. См.: *Семанова М.Л.* О содержательности формы рассказов А.П. Чехова («Горе», «Скрипка Ротшильда») // Поэтический мир Чехова. Волгоград, 1985. С. 12-23.
5. *Бунин И.А.* Собр. соч. 5-ти томах. М.: Правда, 1956. т. V. – с. 268.
6. *Пруайар Жаклин.* Антон Чехов и Библия // Чехов. Взгляды из XXI века. М.: Наука, 2011. – с. 99-100.
7. *Шталь Хенрике.* Нерассказанный рассказ, или Открытая тайна чеховского «Студента» // Образ Чехова и чеховской России в совершенном мире / Сб. статей. СПб: Петрополис, 2010. – с.118-126.
8. *Шмид Вольф.* Указ. соч. – с. 285-286.
9. *Фрайзе Маттиас.* Проза Антона Чехова. Монография. М.: Флинта, Наука, 2012. – с. 195.

*Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)*

ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ

Тяжело творческому человеку. У простого человека все понятно, жизнь четко спланирована. Утром встать рано, чтобы пойти на работу, заработать денег на жизнь. Работа может быть скучна и неприятна, но выбора у него нет. После работы простой человек пытается отдохнуть. Этот отдых тоже распланирован. В основном это просмотр фильмов, игры на компьютере или общение с друзьями. Все просто и ясно.

У творческого человека жизнь во всем неопределённа. Вставать рано утром творцу сложно. Он долго переваливает свое грузное тело с одного бока на другой, в его голове пустота, он не понимает, зачем должен вставать. Его акварели, разложенные для просушки на столе, стульях и даже на полу, могут подождать. Лекция о творчестве художников эпохи Возрождения, обещанная им к четвергу, тоже не требует немедленного вскакивания.

Только когда сестра Наташа начинает греметь тарелками на кухне и чувствуется аромат кофе, Толик отбрасывает одеяло. Он потирает пухлыми руками розовые щечки, двигает кустистыми бровями, выпуская губами легкие пузыри, нащупывает тапочки ногой.

Так сложилось, что из всех представителей женского пола Толик может терпеть рядом с собой только сестру Наташу, одинокую старую деву.

После завтрака сестра отправлялась на работу, а Толик впадал в тоску. Он никак не мог определить, чем заняться дальше, рисовать или готовиться к лекции. Эти тяжелые мысли валят большое тело Толика с ног. Он падает на любимый диван, в горизонтальном положении ему гораздо лучше. Мысли становятся неясными и постепенно исчезают совсем. Толик засыпает.

Проспав часа два, он опять встает. Сцепив руки за спиной Толик, медленно прохаживается, рассматривая свои акварели. Каждый лист находится в разной степени готовности, где-то вырисовываются контуры целой фигуры, где-то намечена только голова, а где-то неясный штрих то ли ноги, то ли носа.

Неожиданно один из рисунков его заинтересовал. Он хватается за сохшую кисть, обмакивает в грязный стаканчик, смешивает нужный цвет и грациозным движением дотрагивается до бумаги. Придирчиво рассмотрев рисунок, он кладет кисть на место. Последующие полчаса Толик ходит среди рисунков, о чем-то размышляя.

За работой подошло время обеда.

Послеобеденный отдых — это святое.

Очнувшись ото сна Толик, садится за письменный стол работать над лекцией. Полностью погруженный в эпоху Возрождения, он вздрагивает, услышав позвякивание ключей в замке. Это пришла с работы сестра.

Брат с сестрой ужинают, просматривая фильм, и ложатся спать.

Проходят дни.

Вот и четверг. Толика ждут в девятнадцать часов с лекцией в библиотеке. Выяснив у Наташи, где его чистая рубашка, он старательно одевается в старый, но еще приличный костюм. Пуговицы пиджака на животе уже не сходятся, но если ужаться, то еще вполне прилично выглядит. Зачесывая назад густые русые волосы, Толик любит свою внешность, не яркой, но приятно располагающей. В свои полвека он почти не имеет седых волос, зрение отличное, а на щеках свежий румянец.

В это же время на лекцию собиралась Люция Борисовна Черноусько. Эта высокая дама с фигурой и лицом борца-тяжеловеса обладала чуткой, творческой душой. Жизнь заставляла ее страдать. И если бы Люция вовремя не поняла, что она талантливая писательница и поэтесса, неизвестно что могло бы с ней приключиться. Страдания не переполняли ее восприимчивую душу, а выплескивались на страницы ее романов и стихов, заставляя страдать ее читателей.

Люция Борисовна не терпела равнодушия к своей особе. От мужчин она требовала возвышенного преклонения. И храни, создатель, того, в ком она не встретит почтительного обожания.

В молодости Люция была замужем за военным. Этот грубый, прямой человек, склонный называть вещи и людей своими именами, доводил до обмороков Люцию и ее мамочку. Но кто знает? Может быть, именно этот тяжелый опыт послужил источником писательского вдохновения.

Люция Борисовна любила посещать всевозможные выставки, собрания, лекции, семинары и тому подобное. Ее творческая натура требовала постоянного общения с людьми, ей необходимы зрители и слушатели. Без этого внимания она могла даже заболеть. Вот и сегодня, предвкушая интересный вечер, Люция Борисовна одела свою лучшую широкополую шляпу, удачно оттеняющую лицо, чтобы отправиться на лекцию Толика.

Необходимо отметить, что Толик был талантливым лектором. Слушатели волей неволей попадали под обаяние его вдохновенных речей. Им казалось, что он лично следил за работой Микеланджело и Леонардо да Винчи, сидел за одним столом с герцогами Медичи и Висконти, носил на стройном бедре рапиру, крушил врагов в междоусобных войнах, вел философские беседы с Данте. Но как только дело касалось женщин, его натура приходила в возмущение.

В разгар лекции, повествуя о действиях одной знатной дамы, участвующей в политических интригах, он несколько раз назвал ее теткой.

В этот момент стул под Люцией Черноусько скрипнул.

И каждый раз, когда Толик произносил слово «тетка», ему аккомпанировал стул Люции Борисовны.

Демонстрируя картину испанского художника Гойи «Маха», Толик позволил себе отметить, что груди натурщицы смотрят в разные стороны, а это считается признаком истеричности у женщин.

Услышав такое откровение, черное кружево на шляпке Люции Борисовны задрожало в негодовании, и она позволила себе перебить лектора.

Вопреки внешности голос Люции был нежных тонов.

— Уважаемый лектор! Позвольте сказать, что мне неприятно слышать, как вы постоянно называете женщин тетками! Я считаю, что женщины это

прекрасные, возвышенные создания. Мужчины всегда воспевали женщин в искусстве.

Красный лоб Толика покрылся мелкими капельками.

— Дело в том, что я называл тетками злобных и коварных женщин. Если бы я назвал их так, как они того заслуживают, это бы вам не понравилось еще больше!

— В той же Италии женщин обожествляют, а вы так грубо говорите — тетки! — стонала Люция Черноусько.

— Ваш вкус, уважаемая, воспитан на современных телепередачах, где слащаво воспеваются порочные отношения знатных особ со своими любовниками. Я не хочу называть этих женщин шлюхами, это было бы грубо, поэтому называю их тетками.

Черный пушок над губой Люции Борисовны зашевелился.

— Вы не уважаете женщин!

— А вы не способны воспринимать настоящее искусство! Мещанка!

Истеричная грудь Люции Борисовны заколыхалась в разные стороны, надвигаясь на возбужденного Толика. Эта грудь была настолько впечатляющей, что Толик почувствовал тревогу за свое здоровье. Он медленно начал отступать, потом отбросив церемонии, бросился бежать.

Сделав несколько бешеных кругов по аудитории, парочка выбежала на открытый балкон. Толик оказался в ловушке.

— Я тебе покажу — тетки!.. — женский кулак Черноусько достал до розового носика Толика. Удар был настолько силен, что его пухлое тело стало невесомым, вознеслось над перилами балкона и погрузилось в воду канала, расположенного рядом с библиотекой.

После падения Толик сильно изменился. Он начал пить и называть женщин жабами.

Тяжело творческому человеку.

Лидия Калашникова
(Россия, г. Барнаул)

ТРИ МАРИИ

Я шла по родному городу. День был чудесный. Солнце ярко освещало летнюю зелень, пышные цветы и травы, деревья и кусты. На голубом небе скользили лишь редкие облака. Птицы пели радостно свои песни, как гимн лету. На душе было тоже радостно от всего этого и от завершения трудного дела, которое состоялось сегодня. Я уже приближалась к дому в приподнятом настроении, чтоб поскорей увидеть любимую внучку Машеньку. Я называла ее Марьяшкой, очень любила и скучала по ней, с тех пор как она поступила в Новосибирский вуз и уехала из родного города. Таково было мое настроение, когда я увидела свою давнюю знакомую.

— Мария Владимировна, здравствуйте! Сколько лет, сколько зим! Как я рада вас видеть! — буквально завоскликала я при встрече.

— Как Георгий Николаевич? — продолжала я, спрашивая теперь уже о ее муже.

— Умер он, уже скоро год, — с горечью ответила мне моя знакомая, и ее улыбка, засветившаяся радостью нашей встречи, погасла.

Услышала эту грустную весть не только я, но похоже и солнышку тоже взгрустнулось, так как нашлось облачко, которое закрыло его, словно легкая грусть прошла и по небу.

Мы присели на стоящую неподалеку скамейку и заговорили. Вспоминали прошлое, свое и друг друга... Пережито было немало: и хорошего, и плохого; и любовь, и печаль; вспоминали наших общих знакомых, давно ушедшие годы и, конечно, ушедшего из жизни Георгия Николаевича.

Он встретил свою Машу, когда они оба еще имели свои семьи. Было им тогда лет по тридцать пять. Она со своим мужем, офицером, приехала в Бийск из Челябинска, а он с детства жил здесь, на Алтае.

Она работала тогда мастером производственного обучения в профтехучилище. Как-то ее подопечным учащимся задержали выплату зарплаты за практику на заводе, и пошла она с ними в юридическую консультацию. Прием вел стажер, недавний выпускник юрфака АГУ Георгий Соколов.

Между ним и Марией, смешливой, молодой и привлекательной девушкой, словно искра пробежала, но встреча была деловая и быстро закончилась. Ей эта встреча показалась мимолетной и ничего не значащей, она о ней вскоре забыла, но все оказалось не так.

До новой встречи прошло еще немало времени. Мария тоже окончила юрфак, где училась уже тогда, когда увидела его впервые. Так случилось, что направили ее по распределению работать в ту же юридическую консультацию, где когда-то они встретили друг друга впервые. Ей определили место за столом напротив стола, где работал Георгий. И, когда она его там увидела вновь, это была уже не просто искра... Ее как огнем опалил его взгляд, и из той первой искры вспыхнуло пламя, огонь которого

не затихал многие годы. Да и затих ли он сейчас, после его смерти... Как знать?

Как ни пытались Георгий и Мария скрывать свои чувства, взглянув им в глаза, нельзя было не заметить их любви, возникшей независимо от их воли. Любовь была сильнее долга, ответственности и всего того, что может удержать их семьи от развала.

Ох, как давно это было! В коллективе началась борьба за нравственность, ведь это было давнее советское время. В конце концов, ее уволили с работы. Так уж бывает, что чаще всего страдает женщина, но ведь сердцу-то не прикажешь.

Муж узнал все, но делал вид, что не знает, пытаясь сохранить семью и любимую женщину рядом. Просто он стал больше молчать. Но она все равно жить с ним больше не могла и они развелись. К тому времени один сын уже окончил школу, и у другого учеба подходила к концу.

Жена Георгия вела себя иначе. Именно ее поведение и привело к увольнению Марии с работы, ведь она бесконечно жаловалась, то в райком партии, то в президиум коллегии адвокатов... Добилась, однако, она не того, чего хотела. Его тоже уволили. Разводиться она не хотела, и только после увольнения испугалась содеянного самой и добилась его восстановления на работе, но при условии перевода в другую юридическую консультацию.

Коллеги сочувствовали и тому, и другому, но ничего поделать было нельзя. Борцы за укрепление семьи победили. В конце концов, восстановили на работе и Марию, но все разрешилось чуть иначе, чем хотелось жене Георгия.

Его послали в один из сельских степных районов края, при условии сохранения связи с семьей. Семья за ним в село не поехала. А ее послали в другой сельский очень удаленный от города район, в другой стороне большого края в горах. Между ними были сотни километров дорог. Он жил в райцентре в гостинице, и она занимала комнатку в общежитии. Так длилось несколько лет.

Несмотря на все это любовь меж ними не угасла. Ежедневно они звонили друг другу, только чтоб услышать любимый голос, а ей даже как-то удалось прилететь к любимому, чтоб видеть его хоть несколько часов. К счастью самолеты еще летали в сельские районы края. Лететь, конечно же, ей пришлось с пересадками. О прямом рейсе не могло быть и речи.

Спустя годы, считая, что любовь меж ними угасла, бывших влюбленных возвратили работать в город, вначале одного, потом другого. Но встречи их возобновились, независимо от того нравственны эти тайные встречи или безнравственны. Они по-прежнему любили друг друга.

Их дети к тому времени все уже стали взрослыми, но отношения влюбленных не менялись. Может, правду говорят психологи, что мужчина сам никогда не уйдет от жены. Для этого нужно постараться. Мария страдала, но изменить ничего не могла и не могла расстаться с Георгием, чтоб начать строить свою независимую от него жизнь.

Георгий ушел к своей Машеньке только после того, как жена довела его до инфаркта и ему установили инвалидность. Невольно задумался: сколько жить-то осталось? Может всего-то чуть-чуть, а любимая женщина все еще далеко... хоть и одна...

— Зачем было ждать столько лет! — досадовал он потом не раз, но время ушло, ушла молодость, ушли силы...

После того, как он ушел в Маше, жена Георгия прожила одна не очень-то долго, умерла. Как ни странно, но именно в тот же год умер и бывший муж Марии.

А Георгий с Марией прожили вместе счастливо, в любви и согласии более 10 лет. «Как же это здорово жить с любимой и любящей женщиной!» — не раз говорил Георгий в те годы.

Я знала ее еще тогда, когда они жили «в ссылке» и не раз бывала у них, когда они стали жить вместе. Мне нравилось видеть их вдвоем. Она работала в той же юридической консультации, а он после инфаркта так и не работал, хлопотал по дому, заботился о своей Машеньке. Иначе он ее и не называл.

Я вспоминала Марию Владимировну как всегда улыбчивой, молодой, стройной, в белом прилегающем костюме, очень элегантную. Любила она наряжаться тогда, любит и сейчас, хотя годы ее теперь, казалось бы, уже не для нарядов. Глядя на нее, мне казалось, что не так уж сильно она и изменилась. Помнила я и его, высокого, статного мужчину, каковым он и остался для любящей женщины, чья любовь пережила его.

И сейчас я смотрела на нее и видела восторженные глаза, когда она говорила о своем любимом. Я просто заморожена была их любовью. И вот сейчас его нет, но он остался в ее душе, в ее памяти.

— А знаете, Мария Владимировна, я знаю еще одну Марию, которая пережила такую ж большую любовь, как у вас с Георгием Николаевичем.

— Правда? А как это было у них? — спросила Мария Владимировна, взволнованная разговором и воспоминаниями.

— Мария Владимировна, давайте зайдем ко мне, ведь мы находимся совсем рядом, там внучка моя должна приехать на каникулы из Новосибирска. Я вас познакомлю, — пригласила я мою собеседницу, — а по дороге я вам расскажу историю, о которой сейчас упомянула.

— Хорошо, мне действительно будет приятно продолжить нашу встречу и познакомиться с Машенькой.

Мы двинулись через двор наискосок, чтоб сократить дорогу к моему дому. Солнце по-прежнему светило ярко, словно тоже радовалось нашей встрече, а может чему-то еще. Я взяла Марию Владимировну под руку, и мы пошли, разговаривая на ту же тему. Больше, конечно же, говорила я, а она только вздыхала, да иногда реагировала восклицаниями на мой рассказ, сопереживая своей тезке.

Мария Александровна была моей соседкой по подъезду. Она жила одна и я тоже одна. Мы нередко приходили друг к другу и беседовали, вместе телевизор смотрели, чай пили. Вот в один из таких вечеров она рассказала о своей жизни.

Она была совсем молоденькой, когда окончила педучилище, и была направлена работать в одну из небольших сельских школ. Там вышла замуж.

Муж ее был очень ревнив, буквально до невозможности третировал ее, ревнуя, как говорят, к каждому столбу. На почве этого происходили бесконечные споры, скандалы, а иногда он позволял себе ее ударить. Этим он стремился унижить ее больше, нежели причинить боль в действительности.

Скорее всего, у него были какие-то комплексы и низкая самооценка, но в те годы мы об этом мало что знали. От этого Маше было еще горше и обиднее.

Во время скандалов, когда она высказывала желание уйти от него, уехать и расстаться, он переходил на другие крайности, клялся ей в любви, на коленях просил остаться, так как иначе он пропадет. При этом нередко демонстрировал попытки покончить жизнь самоубийством. То пил какие-то таблетки, то закрывался в сарае с веревкой или бритвой...

Она как любая сердобольная женщина терпела это, шла ему навстречу, мирилась, а он манипулировал этим. Но время шло, и она настолько устала от этих концертов, что уехала, несмотря ни на что.

Приехав в город, она многие годы жила одна. Как каждая женщина, Мария мечтала о единственном любящем и любимом мужчине, который возможно где-то ищет встречи именно с ней. Работала по-прежнему в школе.

Ей было уже лет пятьдесят, когда появилась возможность поехать на курорт, к морю. Его она встретила именно там. Встретила и полюбила. Перед отъездом они обменялись адресами, так как уже там решили, что жить друг без друга не смогут. Наверное и у него жизнь в семье была несладкой, то ли понимания не было, то ли ласки, то ли чего еще... Как знать!

Письма от него приходили Маше почти ежедневно. Так же часто писала на Восток и она. И, вдруг, письмо не пришло уже целую неделю. Она не знала, что думать. Измучившись от неведения, Мария решила взять отпуск за свой счет и лететь к нему в Иркутск.

Уже там она узнала, что разговор с женой о разводе привел его на больницу койку. Подвело сердце. Инфаркт.

Мария кинулась в больницу и не ушла оттуда пока его из больницы не выписали. Его, больного, она увезла с собой в Бийск. То, что его ожидает инвалидность, Марию не пугало, ведь это был он, ее любимый Владимир, ее «принц на белом коне».

Она по-прежнему работала в школе, он, сделав кое-что по дому и приготовив обед, ждал ее, свою любимую. Иногда ходил на рыбалку, но чаще был дома, рисовал маслом пейзажи, делал поделки из дерева, стремился, по возможности, украсить жизнь своей любимой женщине, своей Марии.

В ее квартире и сейчас множество вещей, сделанных его руками, пейзажи на стенах, расписные дощечки на кухне...

Не раз он с тоской говорил ей:

— Скорей бы твоя пенсия! Мы смогли бы быть вместе все время!

Только больное сердце не могло ждать. Пришло время, когда он уже не мог ходить и все дни его проходили в постели, а потом он умер, оставив ее одну с памятью о той любви, которой он ее одарил.

— Пусть бы Володя лежал, как другие, долгие годы, но был бы со мной, — частенько говорила мне Мария Александровна, ласково улыбаясь, глядя на стоявшую на том же месте кровать, словно она видела там его, своего любимого Володичку. Но видела его только она одна, ведь он всегда был с нею рядом.

— Да, тоже история, — с грустью произнесла Мария Владимировна, смахнув слезу, когда я закончила свой рассказ. К тому времени мы уже по-

дошли к моему подъезду, из которого стремглав выскочила моя внучка Марьяшка.

— Ой, бабуля, я тороплюсь, но я не надолго и скоро вернусь, — бросила она мне, едва поздоровавшись с моей спутницей.

— Вот так, я спешу с ней повидаться, а она уже умчалась! — бросила я в ответ, и мы поднялись ко мне домой попить чайку и пообщаться еще.

— Ох, как я переживаю за внучку! Как сложится ее жизнь? — говорила я о своей внучке Машеньке, собирая на стол чашки, конфеты, печенье и алтайский таежный мед. — И я дочь одна растила, и моей дочери так же пришлось, ну может чуть легче, ведь ей помогали все и морально и материально, пока Марьяшка росла. Отец-то Марьяшки был офицером, но прожил не долго, убили его при непонятных обстоятельствах где-то на службе, вскоре после того, как Машенька родилась. Сын он был единственный, поэтому родители его тоже помогали растить внучку, тем более материально, ведь они вполне обеспечены и смогут ее обеспечить, квартиру, вот, в Новосибирске ей купили, когда она поступила учиться туда...

Я говорила о своей внучке, стараясь отогнать грустные мысли моей собеседницы после тех разговоров, которые вели мы с ней только что.

Потом мы сели пить чай и разговор пошел об обычной жизни, о том, что стояло на столе, и что было в нашей жизни и жизни наших общих знакомых. И все же незримо стояли рядом с нами судьбы женщин, о которых мы говорили, наши собственные судьбы незримо присутствовали рядом. Внучку мою Мария Владимировна так и не дождалась, распрощалась раньше, пообещав навестить вскоре еще и взяв с меня обещание, что я приеду к ней.

А солнце по-прежнему светило ярко, радуя нас, ведь жизнь продолжается.

ПОПУТЧИКИ

Вечерело, когда поезд отходил от железнодорожного вокзала старинного провинциального городка на юге Западной Сибири — Бийска. Еще и сейчас остались в городе купеческие особняки, увитые деревянной резьбой дома и остатки крепости. Но с каждым годом город становится более и более современным, сохраняя лишь внутренний мир старого города.

Нас в купе было четверо: мужчина лет сорока-пятидесяти и женщины. Одной на вид было лет семьдесят-восемьдесят, другая примерно моего возраста, во всяком случае, казалось, что ей не более сорока пяти.

Как всегда в пути, все невольно присматривались друг к другу и некоторое время молчали.

Первой заговорила пожилая женщина, доброжелательно глядя на всех поочередно.

— Еду к внучке в Новосибирск. Она обычно сама приезжает. Давно я там не была. Если не встретит, даже и не знаю, как доберусь... ведь там так много транспорта и метро, которого у нас в Бийске нет.

Она говорила приятным грудным голосом, потом засмеялась, сверкая молодыми голубыми, как незабудки, глазами. Наверно в молодости была очень хороша собой. Одновременно она что-то искала в своей дорожной сумке. Вынула сверток, в котором кучка золотистых пирожков, и стала угощать всех присутствующих. Отказываться было неудобно, и все взяли по одному пирожку.

— Как вкусно! — воскликнул мужчина, приятным баритоном, — с детства не ел такой вкусотищи.

Пирожки были сладкие и ароматные, из сушеной земляники. Я тоже ничего подобного не ела много лет и, как и все, поблагодарила попутчицу за угощение.

— Меня зовут Мария Петровна, — сказала женщина, откликнувшемуся на разговор мужчине, — а вас как? Откуда и куда направляетесь?

Мужчина словно только и ждал вопроса, с кем как не с попутчиками пооткровенничать, поделиться своими проблемами, мыслями...

— Меня зовут Алмаз. Еду домой с курорта, из Белокурихи. Отпуск еще не кончился, думаю заехать к родителям на Урал, а уж потом домой, на Север.

— На север? — переспросила Мария Петровна, — всегда думала, как там люди живут, ведь зимой такие холода...

— Привычка, — хмыкнув, произнес Алмаз, — но, надо сказать, одеваются все практически так же, как всюду. Женщины в сапожках ходят.

— Форс морозу не боится, — подвела итог женщина. — А на курорте понравилось? — спросила она о впечатлениях от отдыха.

Алмаз, все еще не стряхнувший курортную жизнь, был рад вопросу. Он достал курортные фотографии, и Мария Петровна вместе с ним с интересом стала их рассматривать. Иногда задавала вопросы, а иногда Алмаз сам комментировал, не дожидаясь их. Любопытство и желание скоротать время в пути увлекли всех попутчиков.

Так или иначе, из вопросов и ответов, на которые отвечал Алмаз, стало известно кое-что и об этом моем попутчике.

Это был высокий, крепкий мужчина. Доброе, привлекательное лицо. Карие глаза. Работает в Тюменской области гидрологом, в каком-то конструкторском бюро. Часто бывает в командировках.

— Какое интересное у него имя, — подумала я, — у русских таких не бывает, но не походит ни на какую национальность. Наверное — метис, а может татарин... На курортах бывал часто, а на вид здоров — вероятно на отдых он выезжал и для развлечения.

На фотографиях было много красивых пейзажей. Один очень привлек мое внимание. Это была скала, напоминающая по форме церковь. На вершине, луковкой, стоял крест.

— Этот снимок на горе Церковка сделан, — уточнил Алмаз. — В городском музее сказали, что установлен он несколько лет назад священником местного храма св. Пантелеймона. А гору давно так называли. Бабушка музейного работника рассказывала, что в очень давние времена, когда в этих местах жили в основном алтайцы, язычники, это место было у них культовым. А когда начали Сибирь заселять русские, то в этом месте построил

что-то вроде часовни один монах и там жил, молился. Но с местным населением он не общался, и поэтому его считали колдуном. Когда у жителей случалась какая-то беда (молоко у коровы пропадало, болел кто-нибудь и другое), то все начали на этого монаха всю вину возлагать, — продолжал мужчина.

— Однажды у кого-то потерялся ребенок. Мальчика искали все, но нигде не могли найти. Кто-то как обычно вспомнил о колдуне и повел всех на это место. Был вечер, и путь люди освещали факелами, ведь электричества еще не было. Люди возмущались, кричали, но монах вначале, будто и не реагировал на крики людей, потом вышел на крыльцо и, перекрестив народ, зашел обратно. Кто-то из возмущенных людей взял факел и поднес к строению. Все застыли, глядя на огонь, ведь алтайцы и сейчас поклоняются духам разных стихий: воде, камню, огню. Несмотря на огонь, монах больше не вышел. Так и сгорел заживо. Испуганные люди убежали с этого места, возможно осознавая то зло, которое сотворили. А наутро на этом месте в куче углей и пепла нашли крест, оставшийся целым и невредимым.

Это же надо иметь такую сильную веру в Бога, такую силу духа, такую высокую Любовь! — продолжил Алмаз свой рассказ, — но самое интересное, что многие экскурсоводы этой истории о своем городе не знают.

Вообще в окрестностях курорта места прекрасные! Исследователи курорта говорят, что на этом месте сильная положительная энергия. А если подняться на гору Церковку, то потом целый год будешь чувствовать заряд сил. Вот поэтому-то курортники стараются обязательно побывать там и унести хоть кусочек камня с того места, словно берут силу от этой горы, как язычники.

— Каких только чудес на свете не бывает, — воскликнула я, выслушав повествование и еще раз, с особым вниманием глядя на фотографию.

— Да, это так, — подтвердила Мария Петровна, — чудес на свете очень много. Я и сама бывала там не раз. В войну после окончания Бийского учительского института меня в Белокуриху работать направляли в пионерский лагерь Артек, когда он эвакуированный приехал туда. Но я вам расскажу другую историю, из своей жизни, тоже похожую на чудо.

Моего старшего брата, Григория, призвали в армию еще до Великой Отечественной войны. Незадолго до этого наша мама посадила в горшок комнатный цветок, и что-то задумала о сыне. Это был обычный домашний комнатный цветок. Что-то типа герани, а может бегония. Он прекрасно рос, как все цветы, за которыми мама ухаживала. Когда она поливала цветы, обязательно с ними разговаривала, рыхлила, убирала подсохшие листья. Не успел брат демобилизоваться, как грянула война.

Зимой 1941-42 года цветок начал болеть и, в конце концов, совсем зачах. Мама забеспокоилась о сыне, тем более, что перестали приходить письма с фронта. Она поливала цветок, рыхлила, уговаривала, но — бесполезно. Время от времени мама выкапывала цветок, смотрела его корни и видела, что признаки жизни в цветке есть, и упорно продолжала обихаживать цветок. Это продолжалось больше года.

Вдруг цветок начал оживать. Мама воспрянула духом. И, глядя на цветок, то и дело приговаривала:

— Гришка скоро должен объявиться. Жив он — мой сыночек.

И, правда, через несколько месяцев, после того как цветок ожил, пришло от брата письмо, а позже приехал он сам. Оказалось, что он был у фашистов в плену. Не раз пытался бежать. Ловили и опять в концлагерь. Последний раз он из всех один добрался до своих. Голодный, оборванный, но живой. Потом под конвоем работал в Калинин (так раньше Тверь называлась). Но это не худший вариант для бывшего военнопленного. Как говорится, увы! — закончила Мария Петровна.

— Грустная история, — задумчиво произнес Алмаз, — очень похожа на русские сказки. А это — быль. Благо, что конец хороший.

— А может — это сила материнской любви помогала? — предположила я, веря, что именно так и было.

На какое-то время воцарилось молчание. Глядя в окно на мелькающий в полумраке дорожный пейзаж, думали каждый о чем-то своем. Услышанное сопоставляли с тем, что было в их жизни и жизни тех, кто их окружал.

У меня в тридцать седьмом году мама тоже была репрессирована. Ей тогда было всего только шестнадцать. А вина ее была лишь в том, что родилась она на территории Манчжурии, вроде бы в Китае. Причем, репрессировали ее одну, даже без матери, родившей ее там, за границей, будто это она сама границу передвинула.

Цепочка мыслей каждого уносила в другое русло. Вспоминались сказки, слышанные в детстве, свои поездки в Белокуриху, прежняя жизнь в Бийске с мамой, с дочерью, которая осталась там.

Не так давно моя жизнь круто изменилась. Поехав в гости на север, я там осталась жить и работать, соединив себя с севером, словно бы заново родилась. Во всяком случае, лет двадцать-тридцать моей жизни будто и не было. Но главное, что у меня есть интересная работа, собственная издательская деятельность, о чем я не могла и мечтать. А вокруг интересные люди.

Перед моим мысленным взором мелькали широкие улицы Сургута, нефтяные вышки на далеких просторах Севера.

— Тук-тук-тук, — стучали вагонные колеса, будто говорили, — лю-би-те...

Отвлекаясь от мыслей, я продолжала наблюдать за моими попутчиками. Мария Петровна и Алмаз как будто своими стали, о чем-то шепчутся, чтоб никому не мешать.

Только другая соседка по-прежнему смотрит в темноту окна. Взгляд ее зеленоватых с поволокой глаз кажется уносит ее очень и очень далеко.

— Видит ли она то, что там скрывается: золотые сосны и березки, поля и деревенские домики, пасущийся скот и транспорт? — подумалось мне.

Иногда на губах незнакомки блуждала улыбка, а порой между бровей пролегла морщинка, омрачая лоб тревогой.

— О чем она думает? Кто она? — с интересом думала я.

Мария Петровна продолжала вглядываться в фотографии, лежащие на столике.

— А эта женщина... что-то уж больно часто она рядом с вами, — лукаво улыбнувшись мужчине, пошутила она, — небось — зазноба? Курортный роман?

— Почему нет? — вопросом на вопрос ответил Алмаз, — курортные романы у всех бывают и у меня тоже, ведь я часто бываю на курортах. Это же хорошо. Иногда такой роман подолгу жизнь украшает. Как-то с одной женщиной года три-четыре переписывался, ездил к ней в Иркутск. Бывает, что семейная жизнь после курортного романа только лучше становится.

— А жена как же? — спросила Мария Петровна.

— А что жена? Она всерьез курортные романы не воспринимает. Да и мало что знает о моих романах. Во всяком случае, на наши взаимоотношения они не влияют. Я дорожу моей семьей. Жена у меня хорошая, дети. Бывало, как у многих, что семья чуть не развалилась, но это было не из-за курортного романа.

— Эх, вы — мужчины, все у вас легко и просто, — проворчала Мария Петровна, — а женщина эта, может быть она полюбила вас... Небось, в любви ей клялись, говорили, что она самая-самая... надежду ей дали... Замужем она?

— Нет. Одна живет, хоть красивая, умная, добрая... Почему так бывает, Мария Петровна? — спросил мужчина.

— Видать не на тех она всегда нарывалась, доверяла не тем, а надежного человека, половинку свою не встретила, — посетовала женщина.

— А может прошла она мимо своей судьбы когда-то и ей нужен не просто мужчина, а тот — единственный, родной и любимый, — вступила в разговор незнакомка.

— А вы сами-то замужем? — обратилась к ней я.

— Нет. С судьбой своей разминулась и во времени, и в пространстве, — неохотно ответила она.

— И давно? — спросила Мария Петровна.

— Да уже более двадцати лет минуло, — ответила незнакомка и словно окунулась в те далекие годы.

После недолгого молчания она медленно заговорила. По мере рассказа голос ее становился все более быстрым, а глаза загорели каким-то внутренним огнем. Она очень волновалась, и постоянно теребила пальцами носовой платок, пытаясь успокоиться. Начав говорить, она уже не могла остановиться, и все мы с интересом слушали ее.

Мария Петровна иногда кивала, сочувственно глядя в лицо незнакомки. Алмаз смотрел то с интересом, то с легким недоверием и свойственным мужчинам пессимизмом. Да и мне рассказ был интересен, как интересна каждая судьба встреченных в этой жизни людей.

— Я рано вышла замуж. Это был умный интересный человек, которому я всегда должна была быть нужной, так как он был незрячим. Его ум и буквально энциклопедическая разносторонность особенно привлекали меня. Но очень скоро я поняла, что рассчитывать на то, что совместная жизнь с ним продлится навсегда, не приходится. Это я осознала как-то вдруг и сказала об этом мужу: что расстанемся когда-нибудь... по его вине, хоть и не знаю когда и почему. Он всерьез мои слова не принял. Думал, что это — блажь. А есть ведь не только ясновидение, ясновыслушивание, но и яснознание. Видимо у меня оно. Еще я знала, что после развода встречу моего

единственного, но будет он моложе меня... Знала и ждала с ним встречу. С мужем мы прожили больше десяти лет, но, действительно разошлись из-за пьянства его и измен.

Она вздохнула и продолжила рассказ:

— Я всегда любила книги о путешествиях и иногда мысленно путешествовала, глядя на карту. Это ведь самое доступное путешествие. Была у нас дома карта Черноморского побережья. Я смотрела и думала: куда бы поехать? Мой выбор пал на Геленджик: морская бухта, горы, виноград...

Мечта сбылась, когда мы с мужем развелись, но еще жили вместе. Так часто людей объединяет одно лишь жилье и не более, если деваться некуда. Муж все еще лелеял надежду сохранить семью, но ничего для этого всерьез он не делал... Одной из таких попыток было приглашение съездить с ним на курорт, в Геленджик. Он имел право на льготную путевку для себя и сопровождающего. В обмен на мое согласие пообещал после возвращения переехать и оставить квартиру мне и детям. Я купилась на это и согласилась, ведь решались все проблемы, и осуществлялась мечта о поездке к морю...

Был 1977 год. В первый день приезда мы вышли прогуляться по набережной, так как у моря я была впервые. Неподалеку от санатория по радио прозвучало приглашение на морскую прогулку с выходом в открытое море. Мы отправились на эту прогулку.

Я с удовольствием вдыхала воздух, напоенный морем и горами, смотрела в уже ночное небо. На волнах мерцали блики огней нашего корабля, ветер овеивал мое лицо. Я смотрела вперед и никого не видела вокруг, до той поры, пока не почувствовала Его. Не увидела, а почувствовала душой. Этого не возможно объяснить.

Рядом с моей рукой была рука, к которой мне неудержимо хотелось прикоснуться. Я сдержалась, но взглянула на обладателя руки, на того, к кому ощутила неизведанное мной ранее притяжение.

Это был молодой, невысокий, кареглазый курсант летного училища. Мне показалось, что ему не более шестнадцати лет. Я отвела глаза и сделала вид, будто ничего не произошло. В тот момент я и не предполагала, что эта встреча будет что-то значить в моей жизни.

Путешествие длилось недолго. По сторонам я больше не смотрела. Ушли мы вместе с толпой других курортников.

А утром в столовой санатория я увидела глаза встреченного накануне курсанта. Он сидел напротив меня за одним из соседних столов. С тех пор наши глаза встречались постоянно. Я улыбалась в ответ, не придавая этому никакого значения. Но встречаться мы стали не только в столовой, но и на улице, на пляже, на экскурсиях, в магазинах. Везде и всюду он оказывался рядом.

Постепенно мы все перезнакомились. Наши соседи по столу жили в соседней комнате с ним и его родителями. Мы вместе бывали в кино, в библиотеке, на танцах... Встреч наедине у нас не было. Лишь один раз он встретил меня одну в коридоре, и что-то говорил о моих глазах, спрашивал о моем спутнике.

Пришло время его отъезда. Когда я услышала об этом, мое сердце буквально оборвалось. Казалось — я теряю кого-то самого дорогого, а может

быть, часть себя. Накануне ночью перед отъездом его лицо постоянно стояло передо мной. Я не знаю: спала ли я в ту ночь. Но проводить его я не могла, надо было быть с мужем, пусть и бывшим. На то, как он уехал, я смотрела в окно, видела, как он помахал мне. Во всяком случае, мне так показалось, ведь я смотрела на все сквозь слезы. Весь день провела в слезах и в столовую не ходила.

Жизнь потеряла свою окраску и интерес, а Геленджик — свою прелесть... Желания оставаться там больше не было.

Перед отъездом решила написать благодарность в книге отзывов и, как обычно, перелистала несколько страниц альбома назад, просматривая отзывы отдыхающих. И, вдруг, увидела Его адрес, который он оставил вместо подписи. Записывать его необходимости не было. Я уже словно знала его всегда и просто убедилась в этом снова. То ли — телепатия?..

Мы уехали накануне ноябрьских праздников и я, как всегда, стала подписывать поздравительные открытки родным и знакомым. Раньше мы по несколько десятков открыток отправляли всегда. Среди них была открытка нашим соседям по столу в санатории «Солнечный берег» и открытка Ему.

Спустя несколько дней после этого, получила он Него письмо, следом второе... Его адресом было военное училище, где он жил, а моим — место работы, так как жилищный вопрос так и не решился. Чего, впрочем, и следовало ожидать. Мы переписывались два года, до того, как он окончил учебу. За это время он женился, но продолжал мне писать.

Как и тогда, сейчас во мне звучит голос Анны Герман: «Один лишь раз сады цветут...» Я ничего изменить не могла, ведь я была старше Его лет на десять и, главное, у меня уже было две дочери. Только очень большая любовь с его стороны могла привести к торжеству Любви в этой ситуации.

Каждый раз, думая о нем, я представляла реакцию его мамы, и это заставляло думать и заглушать эмоции. Это давало силы сдерживать и мои, и его чувства, но об этом в письмах не было ни слова.

Писали о жизни. Он о службе, о спорте, литературе, театре... Я о работе, учебе и другом, что волновало меня в ту пору, по возможности избегая главного, что волновало нас больше всего...

Я как сейчас вижу перед собой листки его писем на почтовой бумаге, исписанные мелким почерком. Письма нельзя было назвать большими. К сожалению, они не сохранились. В его письмах часто мелькали стихи, а одно письмо было почти полностью в стихах. Некоторые строки этого письма я помню и сейчас:

«На горы сумрак предвечерний пал. Из-за него увижу ль я тебя?» — спрашивал он в письме, —

Но кто не сомневался, о жизни думая,
С собою не ругался...
От горя станешь трезв,
От счастья — пьян.
От писем же твоих
И трезв, и пьян бываешь
И все, что горько помнить, забываешь,
И хочется им верить до конца,

До седины, до старческих морщин.
Не клеится письмо. Пускай.
Но все ж я допишу его,
А ты меня, хоть в мыслях приласкай.
Ну, хоть приснишься... и больше ничего».

Конечно же, я не смогла забыть этих строк и того, кто мне их посвятил. Однажды я ему приснилась. Он написал, что увидел меня в аэропорту, когда был в патруле. Поцеловал, но поцелуй был холодным и он от этого проснулся. Целовал он, как оказалось, не меня, а письмо, с которым уснул, когда его перечитывал. Конечно, он уже забыл об этом, а я все еще помню. А поцелуй снится к разлуке. Так оно и случилось.

Не так давно я увидела его во сне, впервые в жизни. Это было 5 декабря. Мы сидели за столом; он, его отец и еще какие-то люди. Проснувшись, ощутила себя счастливой, и это ощущение длилось весь день. Как же мало нам надо для счастья!

В последнем письме он писал, что напишет уже по прибытии на службу в полк. Написал ли? Я этого даже не знаю, не получила. Скорей всего все-таки написал. Не могу не верить ему. Писать в училище я посчитала напрасным. Кто я ему, чтоб интересоваться судьбой военнослужащего? Да еще в прошлые времена, двадцать лет назад... Сама я — считаю его другом, а считает ли он так — не знаю.

Каждая мысль о возможности его розыска все эти годы сопровождалась видением его мамы, в том платье, в каком она на моих фотографиях, на экскурсиях в Новороссийск. Это невольно останавливало меня.

Последние годы гибнет много военных на Кавказе, много авиакатастроф... душа разрывается. В конце концов, просто нестерпимо было не знать: где Он, что с ним? Главное знать, что он жив, здоров и у него все хорошо. Вглядывалась при телепередачах в лица летчиков, вчитывалась, вслушивалась в фамилии... Потом начались по ОРТ передачи «Жди меня». Написала туда. Но не для того, чтоб искать, а чтоб мой адрес был там, если я ему буду нужна. Увы, он не помнит... я не нужна...

Но пришло то время, когда мысли о розыске его не вызвали облика его мамы. Жива ли она? Вот только тогда стала его разыскивать, используя знакомых и их знакомых. Тем более, что двадцать лет для выслуги он уже отслужил, мог вернуться туда, где родители.

Месяца не прошло, и я уже знала то, что хотела, а также его адрес и телефон. Но стоит ли беспокоить его спустя десятилетия? К Новому году поздравила. А на большее, увы, я не решилась. Подписалась как друг.

А сейчас вот, я в отпуске. Еду туда. Может быть, я хоть издали увижу Его, дорогого мне человека.

Такие вот бывают иногда курортные истории, хотя и пальцем друг к другу не прикоснулись. Как-то он хотел приехать, но из-за моих жилищных проблем я возразила, а он не спросил причину.

Алмаз потупился, смутился.

— О чем он думал, слушая рассказ незнакомки? Может о Новом завете Христа: «Любите друг друга»? Ох, любовь, любовь, как только она не распрягается судьбами людей, — думала я.

— А ты поезжай, дочка, взгляни, может легче будет, — промолвила Мария Петровна, — я верю тебе. Сама не могу забыть свою любовь, но то война была. Погиб он. А любовь осталась и живет во мне до сих пор. Знала б, где он похоронен — съездила бы, могилке поклонилась.

— Понимаю ваши сомнения, — заговорила я, — вам важно сохранить чистоту дорогих воспоминаний, не помешать ему, не потревожить. Как знать, какой может быть встреча... Поймет ли он... помнит ли. Мужчины и женщины, как иностранцы — на разных языках разговаривают, по разному мыслят и чувствуют... Да и меняемся мы с годами. И он мог измениться за долгие годы. Все же главное — сохранить любовь!

— Да, ведь для меня и тогда, и сейчас он — самый лучший на свете. Я люблю и уважаю его. Уважала и тогда, когда было жарко от одной мысли о нем. К другим такого не было. Вообще при мыслях о нем, в груди сердце не колотится ритмично, а как бы танцует.

Не знаю: писал ли он, ведь я вскоре ушла на сессию, потом перевелась на дневное, уволилась. До этого училась на заочном. Писем мне не передавали. Может быть, и передали, но не мне, а моему бывшему мужу, а он не отдал.

— А муж-то тот как? — спросила Мария Петровна.

— Спустя два года после получения диплома я взяла детей и уехала, трехкомнатную кооперативную квартиру оставила ему. Просился взять его с собой, а, поняв, что не выйдет, стал поносить меня почему зря. Потом он женился, родился у него сын. После этого я вернулась в родной город... А он через несколько лет умер. Была у него на похоронах, в своей бывшей квартире, даже полы там мыла. С родителями его отношения стала поддерживать, свекра хоронила, к свекрови хожу время от времени. Но на нашу жизнь она смотрит иным взглядом. Я ее переубеждать не хочу. Память должна быть хорошей, — с уверенностью в голосе сказала незнакомка.

— Да, жизнь, — промолвил Алмаз, — а о Геленджике я читал у Владимира Мегре в книге об Анастасии. Будто в тех местах есть реликвии, равных которым нет. Им не обладает даже Израиль. Они более древние. Дольмены называются. Что-то типа склепов каменных в земле, в которые заживо уходили для медитации наши древние предки, чтобы хранить там мудрость человеческую. Что это — любовь ко всему человечеству?..

Больше никто уже не откровенничал, словно устали все. Но атмосфера в купе стала какой-то домашней, рядом с близкими людьми, когда молчание не тяготит и все понимают друг друга с полуслова. Кто думал о своем: о жизни, о прошлом и будущем... Думали и друг о друге, ведь такие разговоры сближают. Может еще не раз придется вспомнить этот поезд, эту дорогу и своих попутчиков.

А поезд, по-прежнему, выстукивал колесами свою песню:

— «Лю-би-те... лю-би-те... лю-би...те...»

ОБМАН

Пути создания семьи разные, как у мужчин, так и у женщин, не всегда в основе есть любовь. Хорошо, когда она возникает позднее.

Едва возвратится парень после службы в армии, родные сразу же начинают разговоры о необходимости женитьбы, чтоб не загулял слишком долго. Дружба дружбой, но пора и о семье подумать.

Так было и у Сергея. Служил он сапером и много чего навидался за годы службы, а из армии его никто не ждал, невесты не было. Возвратившись, начал встречаться с друзьями, с кем учился или жил рядом, с родственниками, а где встречи, там часто и выпивка. Остановить его решила тетя Вера.

— А давай я познакомлю тебя с девушкой. У нас на складе работает кладовщицей и тебе вполне подойдет, да и тебе пора работать, шофера всюду нужны, нужны и у нас, да и заработок хороший.

Так они и порешили. Сергей пошел работать туда, куда позвала тетя. Ему дали КАМАЗ, ведь права водительские еще до армии получил, но надо было сдать на категорию, на большую машину. Началась новая жизнь, любил водить машину, мотоцикл, а его ему еще до армии отец подарил. Экзамены сдал быстро, начал работать. Здесь он и с кладовщицей Зоей познакомился. Она была очень общительной, да и он тоже. Слово за слово, попросила его научить ее вождению на мотоцикле, что и подкупило Сергея: бесстрашная, простая, да и от интимного общения не отказалась, чего еще надо парню молодому.

Скоро Сергею пришлось жениться. Так как Зоя оказалась беременной. Через полгода в декрет пошла и вскоре родила девочку. Как часто бывает, когда ребенок был зачат до брака, то чаще всего походит на отца, но кто об этом задумывается, да еще в годы молодые. Девочка на Сергея совсем не походила, но сомнений у Сергея не было, ведь дети часто недоношенными рождаются. Это он знал.

Дочка росла, Сергей заботился о семье, а жили они в общежитии для семейных с общей кухней.

Известно всем, что тайное всегда становится явным. Как-то спустя годы, когда Зоя опять была беременной, Сергей услышал от бывшей соседки, что дочка ему совсем и не родная. Об этом Зоя подружкам своим рассказывала, слегка посмеиваясь над мужем. Она даже имя называла того, от кого родилась дочка. Ее это не смущало нисколько, ведь семья сложилась, дочка уже в школу ходит, пусть не большая, но квартирка есть.

Эта новость, как топором ударила по голове, ведь жена беременная и сомнений, что изменяла, нет. Он ждал ребенка, но обман стал тем ударом, который пережить было не просто. Никому не хотелось говорить об этом, а вот выпить, чтоб избавиться от навязчивых мыслей, хотелось порой.

Пришло время, увез жену в роддом. А дело было летом. Как-то возвращаясь с рыбалки, в лифте своего дома встретил женщину приятную, разговаривались. Оказалось, что живут на одном этаже, но как часто случается в многоэтажных домах, соседи не всегда друг друга видят и знают.

В тот же вечер решил Сергей заглянуть к соседке. Повод для этого всегда находится. Жила она вдвоем с дочкой, но дочка большая и дома ее не было, гуляла где-то с подружками. Так что сидели и общались они вдвоем. Слово за слово, заговорили о службе в армии. Соседке показалось интересным все, что рассказывал Сергей о своей службе, вот он и позвал соседку к себе, чтоб показать армейский альбом. Его дочки тоже дома не было, ее забрала к себе сестра Зои, пока мать в роддоме.

Заглянул и на другой день, так как был в отпуске. Мысли о соседке Людмиле не покидали, неровня она его Зойке: красивая, умная, с ней было очень интересно общаться. Договорились вместе на рыбалку поехать за реку. Зная, что жена в роддоме, Людмила угостила его ужином. Хозяйка она оказалась неплохой, дома чисто, ужин вкусный. Все это совсем не походило на Зойку. Зоя вообще готовить не любила, из-за чего у них с Сергеем нет-нет, а случались перебранки, особенно первые годы совместной жизни. Да и вообще домашние дела ей не нравились, куда приятнее с соседками посплетничать у дома на лавочке. Сергей нередко сам готовил, сам шил что-то на ручной швейной машинке. Это было проще, чем чего-то требовать от жены, у которой на одно слово было десять в ответ.

Отношения развивались стремительно. Незаметно общение с Людмилой перешло в близкие. У Сергея в голове стали возникать мысли строить новую семью, хотя он понимал, что надо будет помочь жене, хотя бы первое время. Рассказал он о своих планах Людмиле, попросил ее подождать, пока он уладит свои семейные дела, пока подрастет малышка.

Пришло время Зое вернуться домой. Не сразу, но заметила она, что с мужем что-то не так, он отказывался от интимных отношений, что на него совсем не походило. Начала она допытываться. В конце концов Сергей рассказа ей о своей обиде, вызванной ее обманом. Сказал ей, что пытался забыть это, но не может, а потому лучше бы им скорее развестись, как только малышка подрастет немного. Зоя попросила у него прощения, но знала его упертость и особо не надеялась на прощение. Она всю старалась ему угодить, дома порядок поддерживать, еда стала получаться вкуснее, начала наряжаться уже для мужа, прическу делать, подкрашиваться, соблазнять старалась, но ничего не получалось.

Сергей вел себя обычно, о семье заботился, но видеть женщину в своей жене не хотел. Старшую дочку не обижал, но чувства любви к ней не было никогда, тем более не появились они и сейчас. Она охотно нянчилась с сестренкой, помогала маме. В малышке Сергей души не чаял, тем более, что она на него походила как две капли воды: глаза синие в пушистых ресничках, волосы волнистые темные. Сергей охотно гулял с малышкой на руках у дома, стараясь увидеть Людмилу, когда она с работы будет возвращаться или куда-то пойдет, нет-нет поглядывал на ее окна.

Поняла Зоя, что не может мужчина много месяцев без женщины обходиться, без интимных отношений.

— Значит, есть у него кто-то, — думала она.

А работал Сергей по сменам, и днем, и ночами. На работе Зоя всех знала, ведь вместе работали.

— Где же может быть зазноба мужа, может в доме?

Начала Зоя, общаясь с соседками, разговоры об этом всем вести, выспрашивать все о Сергее, может кто-то видел его с кем-то, может, заходил он куда. Предположения строились самые разные. Время шло, дочка уже стала на ножки вставать, щебетать на своем детском наречии. Того и гляди муж уйдет, оставив ее с двумя детьми и алиментами. Услышав от соседок их предположения, научила Зоя свою старшую дочь следить за Сергеем, чтоб узнать, куда он заходит, когда идет с работы или из магазина, где бывает. В конце концов, дочка заметила, как Сергей постучал в одну из квартир на их этаже. Рассказала маме. Зоя тоже стала присматриваться к этой соседке, наводить справки у тех, кто с Людмилой общался. Об этом она рассказала своей сестре и стали они планы строить, как вернуть Сергея в семью.

Однажды, когда Сергея дома не было, Зоя с сестрой постучали в квартиру к Людмиле. Она открыла дверь, вытирая руки о фартук, видно стирала, так как дверь в ванную была открыта. Практически молчком, женщины оттеснили Людмилу в ванную, вцепились ей в волосы, стараясь ударить в лицо кулаками. Но Людмила защищалась, закрывая лицо руками, сопротивления она оказать не могла двум разъяренным женщинам, на помощь никого не звала, а потому дочка, сидевшая в комнате за книгой, ничего не слышала и не поняла, что маме нужна защита.

— Даже бить не интересно, — говорила потом Зоя своим соседкам, хвастаясь и называя Людмилу разными нецензурными словами.

Но это было потом. А бросили они бить Людмилу, когда в дверях появился Сергей, возвращавшийся домой, увидев открытую дверь. Пытался он после этого с Людмилой объясниться, но она ему больше не открыла, разговаривать с ним не захотела. Она ощущала, что Сергей ее не смог защитить, значит и в дальнейшем она останется беззащитной в жизни с ним.

Но Зоя об этом не знала, писала жалобы на Людмилу в товарищеский суд в их поселке, на завод, где Людмила работала. Даже милиция приходила, чтоб привести Сергея и Людмилу на разбирательство в товарищеский суд. Сергей хотел пойти, но увидев, что Людмила туда идти не собирается, тоже отказался. А на работе у Людмилы женсовет собрали. Женщины разделились на два лагеря, ведь отношения с женатыми мужчинами были у многих, крику было много. Кое-кто даже имея связь с женатым мужчиной, был на стороне Зои. Это было особенно обидно, но Людмила не стала отвечать, молча слушала дебаты женщин, не хотелось уподобляться им.

Работать здесь Людмила больше не захотела, да и жить в этом доме тоже. Хотелось все забыть, чтобы ничто больше не напоминало о случившемся. Людмила вспоминала потом, как когда-то ей изменял муж, а она сидела с маленькой дочкой на коленях у подъезда, когда муж возвращался домой после того, как несколько дней дома не ночевал. Она тогда осуждала больше женщин, к кому муж бегал за развлечением, пользуясь, что она дома с грудной дочкой.

Уже позднее, когда стала взрослее, Людмила поняла библейскую истину: не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким и вас судить будут. И будет это не на страшном суде после смерти, а при жизни, повто-

ряться будет до тех пор, пока истина эта не будет осознана до глубины души.

Спустя еще год Сергей вновь пришел к Людмиле поговорить, но Людмила слушать его не стала. Потом Людмила уехала на какое-то время из города, а когда вернулась, не появлялась в тех местах, где Сергея могла увидеть, вспоминала его, но увидеть не хотела.

— Пусть жизнь идет так, как идет, — думала она, так ничего не зная о нем.

Зоя не жалела о Сергее, себя не винила, а винила только разлучницу. Сергей стал выпивать, дальше больше. Семья все-таки распалась. На обмане семья не строится.

Для Людмилы драка, которую устроила Зоя, и все пережитое, стало словно водоразделом, пережить который она не могла. Она понимала, что будет помнить об этом всегда, никакой любовью не затмить эти воспоминания.

Ни у кого из троих жизнь не сложилась...

Михаил РЫБАКОВ
(Россия, г. Устюжна)

ВОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Часть 1

Он выдержал данное себе слово и не оглянулся, когда лязгнули со скрипом ворота, только вздрогнул и прибавил шаг.

Тропа вилась рядом с озером, он шагал не торопясь, чувствуя себя вольным человеком, никому ничего не должным. Остановка автобуса, как подсказал охранник, была на самой вершине холма, заросшего молодняком сосны и осины. Когда тропа вильнула в сторону озера, он увидел «берегового», который держал в руках тетиву невода, а метрах в пятидесяти от берега шёл на малых оборотах рыбацкий баркас, и двое выбрасывали за борт нерет невода... Вот они закончили и присели на банку, бригадир прибавил обороты и поспешил к берегу.

Не выдержала рыбацкая душа, он спустился косогором, подошёл, поздоровался...

— Иди, добрый человек, туда, там ты нужнее.

Добрый человек, чем-то смахивающий на медведя, уставился было на пришельца, но произнёс:

— Лады... — и поспешил к баркасу.

Вся работа пока была там, у баркаса. Иван держал в руках конец троса и по жилам поднимался азарт рыбацкого счастья, удачи. Вдруг он почувствовал натяг тетивы и поднял руку, там ослабили свой конец, и к нему поспешил бригадир.

— Что такое, мил человек?

— Зацеп однако...

— А ты откуда...

— Не сомневайся, знаю, что зацеп.

— Учёный?

— С детства и на реке, и в море..

— Пойдём в баркас.

Они закрепили тетиву, забив в песок лом, и поспешили к баркасу.

— Как величать-то?

— Иваном клич.

— Добро. Я Дмитрий.

— Стоп! Тут должно быть... — Иван быстро снял свой спортивный костюм и нырнул в прозрачную летнюю воду. Он погружался рядом с неводом и увидел, где он зацепился нижней оборой. — За что, интересно, — подумал он, ощупывая место зацепа... — Железка?... ого — дуло..? Пора наверх, — и он начал всплывать.

— Что там, Иван?

— По моему, там дуло «сталинца»...

— Ты гляди, где нашёлся... Волной вымыло? Всегда тут была тonya, а зацеп впервые... Поисковики разыскивают штурмовик, разбился в японскую кампанию... Вот тебе и находка.. Надо сюда водолазов вызвать. Придём на базу — позвоню.. Так, впустую, конечно, но вытаскивать невод нужно. — Оказалось, что не совсем. Взяли половину нормы... На базу явились к вечеру, полные рыбы. Их поджидал весовщик и бабы-торговки...

Выгрузились быстро, себе оставили пару вереек с уловом — каждому члену ватаги пять кило, по договору.

— А это твоя доля, Иван.

— Это кто, Митрий?

— Новый член нашей ватаги. Так я понимаю?

— Так, бригадир, только, не знаю, примут ли ваши начальники?

— В чём сомнения?

— Так я ж только из зоны...

— Ха! Так мы все там побывали... Чего с уловом будешь делать?

— А сварганю я для вас свою уху. Вон и баб угостим...

Уха удалась на славу. Хвалили и добавочки просили, разговорились.. Была меж женщин одна молодка, понравилась Ивану, да и та стреляла глазами в его сторону...

— Здорово, мужики! Как настроение? — Выслушав бригадира, он повернулся к незнакомцу: — Ты знаешь, Иван? А пойдём-ка, покалякаем с тобой... Кто ты я знаю, доложили. Расскажи мне о себе, чего пожелаешь...

— А что рассказывать, Петрович? Родом из Украины, на Днепре родился, на пароходе, родители там работали. Всё детство при реке... По молодости удочкой да вентерями баловался, потом в ватаге хаживал, закончил техникум, ходил в море на сейнере, был раззявой... за что и поплатился... Посадили за растрату, которую сделал капитан, а стрелочником пошёл я... Вот тебе и вся история. Не прогоните, так пригожусь тут.

— Не прогоним. А история твоя так похожа на мою, что становится не по себе... До чего же люди гадкие водятся... и не мало... А специалисты нам, ой как нужны. Топай, Иван, ватага ждёт, а я подумаю тут...

— Петрович, один вопрос... Я, правда, ещё с Дмитрием не говорил, пойду спрошу. А вопрос вот в чём.. У вас на складе нет случаев невода пореже? Очень уж много молодежи пропадает на тонях, зачем её уродовать, пусть уходит и растёт...

— Ты думаешь — я не мозговал над этим? И невода есть, но не соглашается ватага...

— Дай сроку полдня. Думаю, что уговорю, а полноремы тебе выдадим.

— Ладно, сейчас доставим на причал, не гляди...

— Мужики, можете меня прогнать к дьяволу, но сначала послушайте. Есть опыт свой собственный. Дмитрий, прости, что с тобой сначала не посоветовался.. Там, к слову, прошлось... О редком неводе... Вы видите, сколько мы молодежи гробим, на тонях? А ведь это наш будущий план.. И с редким неводом легче работать. Выпросил у Петровича полдня... Невод на причале. А, Петрович? Может попробуем. Норму нам наполовину скостят...

— Как братва, уважим?

— А чего там...

— Раз разрешили попробовать...

— Тогда отваливай! — и Дмитрий нажал на стартёр, дёрнул за шнур.

Первая тоня показала мою правоту, мелочи почти не было и силы потратили мало, и приличной рыбы попало не так уж мало. А на второй тоне неожиданно взяли половину дневной нормы. Парни повеселели.

— Мужики, а ведь мы сами себе работы нашли, с весны... Петрович, не зря обиделся... — подбил итог Дмитрий, — ну да ладно, гляди веселей! А не попробовать ли нам на глубоком? Думаю, что справимся.

Сделали замёт почти под кручу глубокого места и тянули баркасом крыло невода почти до самой косы, выпрыгнули прямо в воду и дружно взялись за тетивы. Ещё и мотни не было видно, а уже чувствовались удары в нерет крупной рыбы. Никто не ожидал такого улова... Привезли на базу две дневные нормы и совсем не устали.

А лето быстро пролетело... Как-то на берегу появилась та молодка, что понравилась Ивану в первый вечер новой жизни. Слово за слово, познакомились. И она, в шутку ли, предложила Ивану:

— А возьми, молодец, меня в жёны.

— А не пожалеешь? — вопросом ответил тот.

— Не станешь колотить, как грушу — не пожалею... Собирай вещи да приходи в избу... скоро заметёт-заморозит.

Так Иван обрёл тёплое жильё и симпатичную жену. Жизнь принимала добрый сенс, работа спорилась... Легла снежная зима, заиграли морозные зарева. У государства нашлись средства, и ватагу не распустили по домам — оставили на зимнюю рыбалку.

Петрович вышел из конторы, купил в центре бутылку коньяку и завернул, в узкую улочку, где жили Иван с Мариной. Взойдя на крыльцо, стукнул в промороженную дверь и открыл её...

— Эй, хозяйева, дома ли?

Открылась дверь в избу, выглянула хозяйка...

— О, Петрович, заходи... Я сейчас. Ваня, встречай гостя!

Иван повесил полушубок и проводил Петровича в комнату. На столе вкусно пахло сомятиной, квашеной капустой и чесночком.

— Присаживайся, Петрович, ужинать будем

Влетела принарядившаяся Марина, поставила графин с квасом, домашним, ядрёным. Петрович вынул из кармана коньяк и поставил на стол. Пришлось Ивану вставать за гранёными стопками и наливать.

— Ну, так за встречу в вашем доме, пусть вам полные закрома!

— Спасибочки и вам, Петрович, всякого достатку! — ответила Марина и пригубила стопку.

— Чего так-то?

— Ей не положено... провинилась... — поднимая стакан с квасом, молвил Иван, а я своё видать уже выпил...

Петрович ещё раз глянул на Марину и всё понял... И улыбнулся хитро..

— Ну так, со жданками вас!

Закусили... Иван хотел ещё стопку налить, но Петрович прикрыл ее своей широкой ладонью...

— Нет, будет... Я к вам ведь по делу завернул. Иван, предлагаю тебе место заместителя.

— Э-э, нет! Какой из меня управленец?

— Ты не кипятись... Всю канцелярию беру на себя, найму, пусть сидит, считает.. Тебе много будет работы, под завязку, пожалуй... И тебе, молодка, пора собираться. Время мальковую поднимать из руин, будем сначала местные породы разводить, а после осетровых да сёмужьих пород заведём. Пора! Пойдёшь заведующей, дело знакомое — вот и карты в руки.

— И у меня есть предложение... Попробовал я зимней рыбалки... Не дело это в ваших краях. И тяжело и сильно холодно, а мужики, зачастую, без рукавиц, простывают да и улов не ахти... Может попробовать ставные сети? Помогу механизировать... Пропешить майну не так сложно, а проверять улов — через лоток?.. Можно в утеплённых перчатках..

— Вот это дело! Приходилось или придумал?

— Приходилось, но придумка моя.

Проводили хозяева гостя и стали готовить одежду к завтрашнему выходу...

14.05.16

Часть 2

День выдался морозным, ярким — сибирским. Насыпанный за ночь снежок так сиял, что больно было глядеть на мир божий, приходилось прикрывать глаза рукавицей или воротником полушубка...

Марина гордо вышагивала об руку с мужем... ещё бы, такого молодца отхватила! «Придётся Розке — цыганке заклад отдавать — радостно думала она — Наворожила ж»... Встречные раскланивались, кто с весёлой улыбкой, кто с кривой усмешкой... «А пусть их» — беззаботно отвечала она, на поклоны... и приговаривала:

— Привет, привет, знакомцы — а друзьям, ещё делала ручкой!

Посёлок у них невелик, до разора в 91-93 годах все работали на рыбокомбинате и друг друга знали. Теперь-то кто чем пробавалялся... Кто веники вязал, кто верейки, кто грибы-ягоды собирал, сдавал на приёмный, кто охотой выживал...

И вот шли они зачинать потерянный промысел... Ох и обрадуются люди! Скоро и они займутся делом, набьют заросшие уже тропы. Тяжело работать, но весело. Тут привыкли выручать друга в скрутную минуту, не бросать на авось. Зашли к Петровичу, присели за стол. Тот встал и сказал

— Вот знакомьтесь — это Елена, бухгалтер, как и обещал.. Елена Яковна, а это ваш начальник, мой зам и главный инженер и заведующая малявником, Марина. Ты уж прости нас, бабонька, познакомь Елену со своим хозяйством, а нам некогда... — Нам, Иван, решать, не перерешать... Во-первых зимний лов. Мужики стараются, но толку пока...

— Знаю, Петрович... У тебя старые невода ещё не сданы?

— Пока нет, но подготовлены... будет попутка — отправим.

— А не спеши... Отдай мне ватагу на сегодня и пока не спрашивай зачем... Завтра попытаем мой метод... ставные сети...

— А где ты их возьмёшь?

— Обрежем крылья от старых неводов и на первое время думаю — хватит. А ты найди старых вязальщиц. Нитки на складе имеются. Пусть плетут, в две смены да семидесятку!

— Всё, что ли?

— Нет, не всё... вот эскизик, пусть токарь выточит пасс, с ручьём. Жидковат «вихрь»... Вот бы стационарный движок...

— А есть, на складе «Болиндер».

— Да ты что? Тогда эскиз давай сюда, а сделать так и так нужно!

— Постой, постой... так он же не заводится...

— Заведётся! Куда он денется?

С утра на тоню вывезли опробованный дизель, сети и снасти, а ещё увесистый жёлоб жестяной, обитый внутри острогаными досками. Быстро пропешили майну — длинную прорубь и пару десятков лунок. Пропустили шестами снасти в последние лунки и начали ставить две сети.

— Что ж, ребята, теперь ожидаем примерно с час... Перекурим и тоже пешим на смежной тоне...

Тянули первую сетку... Крутили мужики головами.. Никогда не лавливали тут ставными сетями, только если любители... Но вот пошла клячма первой сети. Работал движок, и бригадир поглядывал, чтоб сеть шла в короб. И вдруг... пошла рыба, да какая! Еле успевали отбрасывать из короба на лёд, она билась и усыпала на крепком морозе. Её, замороженную, подбирали в сетчатые лантухи и грузили в кошёвы... К вечеру загрузили две подводы, пришлось оставить движок и снасти и загрузить третью...

Такого улова даже Иван не ожидал. Шли за саями весёлые, без ломоты в руках и спинах, шутили..

— Слышишь, Ваня, может повезло нам? — спросил бригадир Василий.

— Нет, не повезло. Пойми, что мы взяли лишь половину улова потому, что здесь ячея пятьдесят. А вот когда свяжут сети на семьдесят, потом закажем на сто двадцать, тогда пойдут уловы!

— Ну ты даёшь, кто в сто двадцать полезет?

— То-то и оно, что полезет и карп, и сом, и щука. Вот поглядите...

Петрович своим глазам не верил...

— Человече, так это же недельный план, пожалуй!

— Немного не добрали, но улов хороший. Как там сетки плетут?

— Плетут... помалу...

— Что так?

Пришлось гнать человека на центральный... нитки пропали от длинного лежания.

— Догадался фильдекосовых взять?

— Да привезли фильдекосовые и много капроновых — новинка, дали бесплатно, для опыта.

— Показывай, что за зверь? Хм-м..., вроде бы ничего себе... Погляжу завтра, как на сети узел держится... Петрович, люди говорят, что где-то недалеко ещё есть озеро?

— Есть то, Ваня, есть да хрен в нём толку? Сплошная щука да окунь...
Сами себя жрут и роскошуют...

— А если попробовать? Выловить, наладить сбыт на базарах, магазинах, только внести в план...

— Стой, Иван, базары — говоришь? Лет пять там не бывали.

— А давай на выходные махнём вместе?!

— А давай! Думаю и ватага не устоит...

Марина показала и рассказала Елене весь процесс выкармливания малька.

— Мы уж подумывали, не завозить малька издалека, а самим отбирать элитных, из местных пород, да вишь... разор подкосил все планы.

— Интересная у вас работа. Начнёте, Марина, пригласите, чтоб на месте поглядеть и давай, на «ты».

— Ну, что же давай, так давай..

Подходили люди, бывшие работники и молча брались за дело, не ожидали указки. К вечеру дымилась труба кочегарки, стоял сторож у будки, светились окна в конторе, уходили счастливые специалисты. Мальку привезли ближе к вечеру. В чанах резвились будущие карпы и ленки, дежурные были на своих постах, в отдельном чане продувался воздух, тут реанимировали хилых, помятых. Шло кормление по часам... Марина прошлась цехом, перед уходом ещё раз посоветовалась с мастером по поводу последнего чана...

— Ну, пожалуй, пора и мне... — она вышла на крыльцо, обнаружила, что горит лампочка в кладовке, вернулась, выключила свет, повернулась и попала в объятия Ивана.

— Привет, жёнушка! Как ты тут?

— Вот собралась домой...

— Меня возьмёшь, за компанию? Как твои подопечные поживают?

— Тьху-тьху... пока ничего...

Они шли, дышали морозным воздухом, шутили...

— А ты погляди, как изменился посёлок, за один день. Освещение дали сюда, за сколько лет уже отвыкли как-то...

Утро только занималось, когда добровольный отряд рыбаков выдвинулся, из посёлка. Восток только-только наметился розовинкой, скрипели лыжи и полозья саней, пофыркивали бодро лошадки, приземистые, но весёлые. Приходилось сдерживать, чтоб не оказаться далеко в канаве или торчащих камнях...

— Вот и оно, наше «Щучье»!

За недолгим спуском была длинная долина, засыпанная снегом.. Пока они стояли и любовались окрестностями, ватага спустилась к старому зимовью. Когда они подошли по следам, то люди были уже на озере и пeshили майну и лунки.. Работа была знакома и спорилась. Завели под лёд две ставные сети, а Петрович растопил каменку, уже сплыл сизый дым, он закрыл дверь и в зимовье пошёл тёплый воздух. На плите кипел ведёрный чайник. Рыбалка рыбалкой, а жизнь продолжается.

Попили чайку, перекурили.

— Парни, день короткий... пора!

Сети вытащили на лёд и очумели от улова...

На морозе щука и горбачи окуни застыли... Удивлялись, как им удалось справиться с такой уймой рыбы, да какой!

Сани были загружены сверх всякой нормы. Пришлось оставить на заимке все снасти и домашний скарб... Добрались в посёлок уже затемно. Сгрузили улов на причал у морозильника. Завтра с утра работка...

Пришла весна. Снег таял медленно, с перерывами и перекурами, когда приходил не прошено мороз и гулял между дворами, трещал льдом да завывал ветрами... Всё же время брало своё, озеро у берегов вскрылось, ручьи понесли в него муть береговую...

— Пора, Владимир, и за сети братья. Рыба потянет на чистое... неделька до запрета осталась

— Снова чего задумал?

— А тащите на причал невод и дуги, стоят у сарая, видел?

— Конечно...

— Захвати нитки и челноки. Всё, на месте объясню и покажу...

На второй день к вечеру погрузили своё детище в баркас и ушли к ближайшему ручью, выставили на якоря этот гигантский вентерь.

— Всё, ребята, до утра — по домам...

А утром... утром черпали саками из невода отборную рыбу, один баркас до верха, второй и половину третьего... Остальную выпустили в озеро... Снова иванова снасть не подвела.

...Как так получилось... за работой не уследили...

Утром Петрович не вышел на работу...

— Никуда не собирался?

— Нет... Вчера вечером видел его... прогуливался...

— Степан, смотайся! Знаешь, где живёт?

Тот вернулся довольно скоро...

— Начальник, Петрович того... приказал долго жить...

— Не шути, паря, не то съезжу по сусалам, — рассердился Иван.

— Да говорю вам — не дышит...

Тут все бросились к домику, где не раз бывали...

Старый моряк жил один, даже кота не было в доме...

Позвали участкового, фельдшера... Был и следователь... Выписали похоронку...

Хоронили всем посёлком, помянули, погоревали.. нужно и работать.

Вот тут Иван понял, как быть главным... Вроде всё ясно-понятно, а поди ж ты... сколько нужно перелопатить, понять, прежде чем поставить свою подпись, принять на себя ответственность, понять, что твоё слово последнее.

«Думай, думай, Иван» — говаривал себе сам.

Вызвали в Правление, не спросили «согласен ли», сказали просто — «Надо».

12.07.17

ГЛЮЧИТ!

Мир глючит... Ушла сатана, пришла загадочность — весь мир вверх тормашками... Как будем? С кем будем? Что будем?

А если, как ранее — САМИ, кишка тонка? Не потянуть? Надо БОССА — громилу, наглеца, Нобелевского лауреата? Окстись, народ! Пора бы жить своим умом, если он ещё сохранился в национальных закромах, не пропит, не продан, не распылён, для забав сверхчеловеков, для их доминирования в МИРЕ... Хорошо ли, когда жируют на вашем доверии? Возомнили себя «высшей расой» и нагло правят со своего облучка...

Вспомните, крещёные, магометане, иудеи и иже с вами — мы уже проходили ЭТО, проходили, заплатив великой кровью и миллионами жизней ни в чём неповинных людей... До сих пор они вызывают к умиротворению, да не тут-то было...

И сейчас кубло недобитков копошится у нашей границы, убивает неповинных братьев за то, что они не согласны терять свою идентичность и «балакать украинською мовою», топят в крови третий год своими гарматами да градами, уверенные до поры, что наказания не последует... А просвещённый мир молчит, как воды в рот набрал, да изподтишка моргает правым глазом: «Давай, мол, поддай жару»!

Глючит мир! То ли потепление виной, то ли «Партнёры» подсутились... Наука-то вона шагнула! Но пошли никогда до селе невиданные в наших краях Торнады да тайфуны — бури (дуры!), словно наслали гунны...

А может мы сами подпилили сук, на котором сидели?... Только пугали и ничего не предприняли, чтобы прекратить все эти безобразия? Может нужно было жёстче пугать? Пока вовсе не заглоучило, пока не исполнились пугалки, что не то ещё будет...

Глючит МИР, глючит...

ПОДАРОЧЕК...

Оттепель, казалось, пришла на пару дней в конце февраля... Но ей, видать, понравилось донимать метеозависимых, да хилых. Лужи и слякоть, дождь со снегом, снег с дождём, хоть с костылём ходи, хоть с зонтиком. Держи в кармане нитро-прыскалку и надейся, что не грохнешься, не сломаешь, не убьёшься...

Расщедрилась зима добрая...

04.03.17

О КОНОПЛЯНОМ МАСЛЕ И ПИРОЖКАХ С МАКОМ

У нас в селе ценились два вида масел — горчичное и конопляное. А какое же было ароматное свежесжатое конопляное масло! Пятидесятые годы... На базаре можно было и хрен знает на что налететь, а уж посеял, обмолотил и... выжал — своё! До трёх недель можно было употреблять спокойно, потом резко горкнет... Холодильников не было... Бывало, вечером настраивались с бабушкой, как в ночное, на маслобойню. Там собирались,

со всего кутка потому, что пресс силы требовал... И начиналось священнодействие... Заняли очередь и можешь поспать малость, попеть песни... Ох и мастерицы были бабки да мамки. Наслушаешься и заплачешься, и насмеёшься вдоволь. Подошла очередь — не зевай, распредели своё зерно по жаровням, суй в печь и держи огонь! Как дойдёт до кондиции, то хозяин соорудит пакет и вложит его под пресс, и тогда очередь начинала ходить вокруг пресса, жали до тех пор, пока скрип не пойдёт. Тогда выжидали десяток минут, пока масло стекало в сулею. Стоял такой чад и смрад, что — скорее бы, на вольный воздух! Но пять очередников ждали твоей помощи, а уж потом топай, дыши... Запах начинал приходиться и щекотать нос по мере приближения к дому. А когда бабушка наливала масла в тарелку, разламывала буханку хлеба на краюхи... Макай успевай, да с лучком, да с сольцей... Жизнь! А пироги с маком?! Сейчас попадают, но мак не размолот, а целиком... Ни вкуса, ни толку. Бывало, бабушка напечёт пампушек, а я до этого натолку маку в ступе до молочного состояния. Разведёт мама молоком, чтоб стал сметанообразным. Макаешь пампушкой в мак и смакуешь... Это что-то! Остались одни воспоминания... Куда катимся?

19.01.17

ЗИМНЯЯ ЗАСТАВКА...

Сотни раз, идя с работы, любовался невским заречьем, проплывающими работягами-«толкачами», спешащими гуляками, туристами да и рейсовыми теплоходами. Нева для меня, коренного ленинградца, была интересна в любое время года. Всегда взгляд натывался на что-то новое... То здание вдруг выросло, поднялось на фундаменте доселе невидимого, то в пределах видимости появлялся земснаряд и начинал лить мутную воду в закосок, намывая целый полуостров. То караван судов застревал на якоре, в стороне от фарватера. То речная партия шла с промерами. То очистник, как жук весенний, тащился против течения, загоняя в своё брюхо мазутные пятна, щепу и разный плывущий мусор... А бывало — любовался удачливым рыбачком, закидывающим удилище прямо через парапет в пенный прибой. Обычно рыбаки бежали от этого места, уж очень много было «цепы», а тут, что ни заброс, то добрый окунь или щупель до кило!

Ходил сотни раз и зимой по нахоженной дороге... А тут — задумался, на ходу и что-то как толкнуло: «Глянь на речку!» — и глянул. Уже начал гаснуть короткий зимний день. Лёд местами чисто белый, после последней метели, местами синие-зелёный, покрытый водой... А за рекой, на фоне синевы, проступали чёткие очертания комбината, и с каждой трубы, вертикально в небо поднимались столбы пара или дыма?!

М-да... Экология, но как прекрасна городскому глазу — родная природа, скрывающая свои минусы за далью и открывшаяся на морозе в своей «красе».

19.01.17

София Кузнецова
(Россия, Москва)

Я ПОГРУЖАЮСЬ В ОСЕНЬ...

*«Пролетели недолгие сны...
бесшабашных летних деньков.
Удивительной голубизны,
незабываемых первых слов...»*

Осень — это самое загадочное время года. Она подкрадывается тихо и незаметно. Осеннее дуновение ветра и лёгкая прохлада окутывает землю ещё с конца августа. А с первым сентябрьским днём всё становится по-настоящему таинственным.

Осень... Время прощания с летом, время легкой грусти и спокойствия, время размышления и ожидания перемен.

Осень — это особое лирическое настроение и тонкость чувств. Это шорох опавшей листвы под ногами; низкое осеннее солнце, отраженное в лужах; прогулки в последних теплых днях бабьего лета, роскошь золота и багрянца лиственных деревьев; хрустальная чистота и прозрачность прохладного воздуха; густой туман, пахнущий грибами и сырыми листьями; мокрые стекла окон со стекающими с них каплями затяжного дождя.

Осень — это изысканная красота увядания, пронизанная щемящей грустью и напоминающая фрески художников Раннего Возрождения. Это состояние задумчивости и тихой печали, долгие чаепития, особенная сладость утреннего сна, мягкость и уют шерстяного пледа, ожидание первого снега, ностальгия и философские размышления...

Осень и философия — две стороны одной медали. Когда ещё и размышлять о смысле жизни, как не осенью? Это пора осознания прожитого и достигнутого, пора расстановки приоритетов и принятия жизни такой, какая она есть, простой и сложной одновременно, и от этого еще более интересной.

Поэтому в светлой осенней тоске много счастья и надежды. Время, когда люди должны согреть друг друга: своими словами, своими чувствами, своими губами. Это — осень.

Брожу одна по октябрю, несмело листья приминаю,
Я вру себе, что не люблю, я вру себе, что не люблю,
И вру себе, что забываю...
Громады серых туч колышутся в чистом лесном ключе.
Одиноким солнечный луч. Девочка на ключе.
Тонкие руки раскинь. Ты на ключе удержишься!
В искрящемся этом клинке — твоя короткая жизнь.
Вонзаясь в ключ острием, солнечный луч убегает вниз...
Жизнь пройдя до краев, с того луча не сорвись.
Войдя в небесную синь, вспомни громады туч...
И вонзившийся в ключ лесной — один, но солнечный луч!

ДОЛГОВРЕМЕННОСТЬ СКВОЗЬ МГНОВЕНИЕ...

Каменный город сквозь дождь проступает.

Дождевые цветы тумана прохожих в брызги одевают.

Призрак ночи день растворяет. В природу приходит усталость. Медленно день коротает. Слишком рано темнеет. Открываются звезды, как далекие тайны. Тянется душа к звукам моих мелодий, моей надежды, меняя планы... И в глубине печальной души зазвучат барабаны... надежды... полета. Туда, где лето, или осень, или шелест волн, или шепот снега. Где мы были с тобой. Туда, где апельсиновая корка солнца опускалась медленно в море. Туда, куда мы хотели полететь вслед за закатом. Как жаль, что мы любовь друг друга потеряли в тот чудный час...

Но прольется мир на чистый лист, и слова превратятся в мечты.

Ты скоро научишься жить без меня. Общение реже, и письма короче. Всё дальше ты день ото дня. Я скоро пойму, что ты просто мираж, который манил горячо за собою.

Стало привычно ступать по улице блеклых фраз, чуть светящихся фонарей и слабого шелеста шин вдалеке, и без тебя...

Шрамы рубцуются жаром огня, мы часто уходим от тех, кто дороже, ты скоро научишься жить без меня, но не забудешь... и я тебя тоже... Ты не станешь случайным прохожим в моей жизни...

Ветер ноту верную взял. Улыбнулся деревьям. Далеко, далеко... мечты пробиваются к первым солнечным лучам октября.

Они будут робко целовать меня, легкими прикосновениями, как когда-то ты...

Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне... закончатся дела, поездки, встречи... замрёт душа, как бабочка в огне, и ничего тебя от грусти не излечит... Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне...

И я никогда не устану ждать мою любовь, мою надежду... А ты не устанешь верить...

Жил маленький котик. Любопытный, как все малыши. Однажды хозяйка забыла закрыть дверь на балкон... и котик впервые увидел мир. Ах, как он был прекрасен... солнышко, ветерок, доносивший непонятные запахи, тучки, беленькие, быстро летящие, а за ними легкие невесомые стрижи...

Как бы хорошо познакомиться с птичкой, найти друзей, подумал котенок...

Он подпрыгнул на балконные перила, чтобы лучше увидеть, что там происходит, в этом огромном мире... не удержался... и упал на асфальт с третьего этажа...

Сказка кончилась, он тихо плакал от боли, когда чьи-то руки приподняли его нежно, прижали к пальто, пахнувшему чем-то очень вкусным и быстро-быстро побежали...

А потом белые плиты незнакомого помещения, пощелкивающие приборы, еще несколько рук, укол... и темнота.

Проснулся котик через семь часов. Он был перевязан очень туго, но боль отступила. И опять этот вкусный запах незнакомки, которая нежно разговаривала с ним, повторяя непривычное слово Малюта.

Бежали дни, швы сняли, он прихрамывая ковылял по клетке, в окне уже не было видно солнца, а по стеклу бежали капли дождя.

Котик грустно смотрел и думал, что же будет с ним, но из разговора слушающих добрых врачей понять ничего не мог.

Я приехала из Германии и первым делом помчалась в ветеринарную клинику, предварительно кинув только что купленное все для кота на заднее сиденье машины.

И вот вынесли подросток, нечто рыжее и пушистое... Кот был напуган и тяпнул за палец медсестры. Она взвизгнула, кот выпал из рук, и хромя, быстренько спрятался под диванчик.

Я попыталась его извлечь, но испуганный котик шипел, плевался, защищая свою маленькую жизнь и зубами, и когтями.

Ах, ты какой суровый боец, сказала я, будешь не просто Малютой, а Малютой Скуратовым

Почему это пришло мне в голову, до сих пор не знаю.

Пришел мой друг врач, и общими усилиями Малюта был посажен в переноску.

На новом месте повел себя степенно, со второго этажа спустился только через неделю, и все прихрамывая, опираясь на стенки.

Но время и наша любовь сделали свое дело. За пять лет кот превратился в охранника котят, весом в 8,3 кг.

И ростом небольшой, но силы как царский опричник, всех мышей в округе переловил, соседских котов построил.

ПАГАНИНИ

Как невесомо скользит смычок!

«Сонату дьявола» играет Паганини, не для людей — для космоса играет, и страшный демон зла людей пугает...

На сцену льются водопады звуков, напоминающих то грозы, то птиц в лесу, то волны океана, то безбрежность ночи.

И постепенно смолкает гул толпы, она рассеялась, исчезли шорохи и крики, молитва прервалась...

Лишь тишина прерывисто кричаща, звучит то тремоло, то пиццикатто, то на одной струне протяжный длинный стон, и кажется с ума тебя сведет он.

Рыдает скрипка то божественно и нежно, то вдруг бунтарский свой характер показав, она напомним ад, готовый для объятий.

Играл Никóло, в плен брали звуки, неслышно было даже шороха листов...

Играл Никóло, играл смычком по жизни, ее за музыку отдать он был готов...

— Ты дьявол, — из толпы кричали, а он играл...

— Тебя костер ждет, дьявол, — а он играл...

Его смычок касался душ, и струны рвались, но скрипку нежно держали пальцы...

О, Паганини, твои Каприсы забыть не в силах, кто их слышал хотя б однажды...

Мелькают страны, скрипят колеса, увозит вдаль карета музыканта...

И шепчут губы:

«Господь не посылай за мной, я чувствую, что людям нужен».

И тихим ответом с неба доносится из ля минора последнее арпеджио Никóло...

И этот отзвук будет петь в веках...

А музыка Никóло, останется у нас в сердцах с рождения до самого ухода...

ЗВУК ЛЮБВИ

Посвящается И.

В ночь грусти случайной дай мне покоя.

Для выси, для глубины восприятия одной мечты, мечты, связанной с твоим Именем.

И один вздох с ожиданием встречи.

Там, где невидимы мы, но там, где воздух помнит наше дыхание...

Нежность, нежность... Любовь, любовь...

Моя жизнь — это поезд, в лучшие моменты мне кажется, что им управляешь ты...

Ты со мной, ты пассажир моего поезда.

Ты первый. О тебе кричат все мои мысли. И единственный твой стон, звук, вибрация любви.

Нежность, это жест, слово, улыбка, и я забыла, что мы оба уже взрослые, и я мысленно кричу: я люблю тебя, дай мне почувствовать это, подари мне этот пьянящий плен.

Я прохожу вагонами, где окна горят закатом малиновым.

Услышь меня, под дрожь и стук колес.

Услышь здесь.

Звук — он в груди. Он похож на жизнь. Возьми его... звук, дай возродиться во мне отражению, тонкому звуку хрустальному. Ведь ты — это звук, который летит ко мне по коридору длинному, в серых тонах. Я в вагоне

мягком, бесшумном, а ты мираж, я тебя прогоняла, я по тебе скучала, но ты бесшумно, звуком си бемоль шел за мной, и я ничего не могла сделать.

Смотрю сквозь стекло. И кажется мне, что распадается серебристыми каплями звук по проводам...

Стекает звук. Я Королева, я первая, я та, что без страха. Я счастлива, потому что окружена твоей далекой любовью. Королева... слышу звук...

Подари мне, да... звук перрона, звук вокзала, звук дождя, где я — да...

Чтоб стало близко, очень... любовь, это значит прощать друг другу всё без упреков, забывать, чтобы начать сначала...

Расставание это боль. Ты принес мне боль любви и боль разлуки. Но ты навсегда останешься в сердце тем, что сделал меня самой счастливой, и ты это знаешь. Я спрятала тебя в своем сердце.

Поэтому подари звук мне... звук, чтобы идти по дороге друг к другу...

Я обещаю — я впитаю, я сохраню, не отдам никому, но по звуку, в чём притяжение твое, пойму. Хочу быть звуком обласкана.

Я — первая, я знаю, молчи, пусть звук в тишине играет, играет соло твоей душе...

А во мне нитью пройдет яркой, красной.

Так, как он прозвучит, всё впереди, всё имеет, всё было и будет у нас.

Звук, он во мне. Тайный звук, влажный, любовный без расставания...

Женщина, звук любви. Разум бессилен перед криком сердца. Крик выражает то, что мы не можем сказать и то, о чем невозможно молчать.

Мы ничего не говорим друг другу, и идем каждый по своей дороге в тишине, и отдаем, ничего не ожидая в ответ.

И над временем мы, с которым на «ты».

Но с тобой я сегодня на «вы». Имя твое — оно в груди...

Почему бог дал человеку всего по два, а сердце одно? И его стук, и его звук — для того, чтобы я не потеряла тебя.

Этот звук сердца всегда со мною. Оно — моё «я», оно — твоё, всегда изменчивое «я».

Невозможно забыть того человека, с которым забывала обо всем.

Звук — имя любви.

АЛЕКСАНДР МЕЦГЕР
(Россия, Краснодарский край)

ЧЕРНАЯ СВЕЧА

Не один десяток лет станицу, о которой я хочу вам рассказать, считали проклятой. Почему — этого не помнят даже старики. Но то, что там происходило, вызывало страх даже у бывалых казаков из соседних станиц. Свои-то уже попривыкли. Казалось просто невероятным, что столько ведьм скопилось в одном месте. Поссорятся между собою казачки и... На следующий день одна лежит, и не ведомо от чего заболела, у другой — корова кислым молоком доится или скотина полегла. И непонятно, кто из них больше ведьма. Но плохая ли, хорошая ли станица, а если родился в ней, то хочешь не хочешь, а живи в ней.

И вот привез один казак молодцу, добрую да работящую. Живут душа в душу, на зависть соседям. Родился сынок у них — чисто ангелочек, на лицо пригожий да умненький. И так в согласии прожили они тринадцать лет. Добра нажили, дай Бог каждому, сынок Ванечка в школе учится, жена дом в порядке содержит, что еще для счастья казаку нужно. Но невзлюбила эту семью соседка одна. Не успела мужа похоронить, а уже тому казаку начала глазки строить. Предлагала семью бросить, к ней жить перейти или просто сожительствовать. Казак ни в какую не соглашается. Тогда решила та соседка зельем его приворожить. Но казак стал хворать, потом слег и, недолго поболел, ушел в мир иной.

Долго горевала безутешная вдова, больно любила она мужа. И всю любовь и нежность она перенесла на своего сыночка. Мальчик отвечал матери самой искренней сыновней преданностью. Он понимал, что с потерей кормильца жить им стало тяжелей, и старался во всем помогать матушке.

Прошел год, и в день, когда вдова сняла траур, кто-то шепнул ей, что муж умер не своей смертью, а виновата в этом ее соседка. Пошла вдовица к той злой женщине и говорит:

— Что же мы тебе сделали, что ты Бога не побоялась, мужа моего извела, сыночка сиротинушкой оставила?

А та в ответ:

— Иди отсель по-хорошему и знай, что твои несчастья на этом не закончились.

После этого разговора не прошло и недели, как слегла вдовица: не ест, не пьет, лишь слезами горькими обливается при мысли о том, что сынок круглым сиротинушкой останется. А сынок ни на шаг не отходит от матери. Любую ее просьбу по взгляду исполняет. Хорошо еще, что есть добрые люди, помогают они сиротке и больной женщине. Как-то зашла к ним странница, погладила она сиротку по голове и говорит:

— Помолись, внучок, Божьей матери, услышит она просьбу твою и обязательно поможет.

Стал Ваня молиться по ночам, и так искренне и с такой надеждой просил Божью мать помочь его горю, что однажды приснился ему сон. Озарилась будто комната небесным сиянием, и прозвучал голос:

На кладбище старинном в склепе древнем
Горит свеча там черным пламенем волшебным.
То пламя души грешников тревожит,
И тот, кто проклят — успокоиться не может:
В день новолуния среди могил и склепов
Блуждают тени обреченных до рассвета.
И успокоиться тогда лишь смогут души,
Когда свечу ту с черным пламенем потушат.

После этих слов сияние исчезло, и, проснувшись, мальчик не мог понять, приснилось это ему или было наяву. Все, что Ваня услышал в ту ночь, он мог повторить слово в слово и при первой возможности пересказал свой сон одной доброй женщине:

— Неспроста приснился тебе этот сон, — покачала головой старушка, — отправляйся-ка, внучок, к моей знакомой знахарке. Она тебе все растолкует.

Не так давно у старушки в семье тоже случилась беда. Она воспользовалась советом этой знахарки, и услышала от нее страшную историю, пролившую свет на многие события в станице.

— Много лет назад, — рассказала та, — захотела одна вдова женить на себе молодого казака. Что только ни делала она, чтобы завлечь его, ничего не выходит. Тогда узнала она из одной книги, что если из человеческого сала сделать свечу, обмазать ее кровью девственницы и зажечь на кладбище, исполнится любое желание. Много ночей та колдовка провела на кладбище, выкапывая покойников. Когда свеча была готова, задумала она убить свою пятилетнюю племянницу, чтоб ее кровью пропитать свечу. Все выполнила злодейка, как задумала, и зажгла свечу в склепе. Но, видно, кто-то видел преступление или узнал о нем от кого, только нашли станичники эту бабу на кладбище повешенной. Многие храбрецы пытались потом затушить сатанинскую свечу. Или вера в Бога была у них слаба, или не смогли избежать соблазнов, но не вернулись казаки с кладбища, и найти их так и не смогли. После этого случая забросили люди кладбище, и о черной свече стали забывать. А проклятье, посылаемое сатанинской свечой на людей, проживающих в этой станице, и сейчас действует. И если в чем-то сердце поселилась зависть и жестокость, то зло тут же вселяется в этого человека. Оттого люди в вашей станице живут как проклятые.

В тот же день пошел Ваня к знахарке, которая жила на дальнем хуторе. Знахарка оказалась доброй женщиной, она посочувствовала горю мальчика и проговорила:

— Много и нехорошего слышала о вашей станице и не знаю, кто с этой бедой справиться может? Но раз само провидение тебя направляет, то значит, есть в тебе сила противостоять бесовской нечисти.

Дала она Ване бутылочку со священной водой и наказала:

— Окропи матушку и дом святой водой, а в новолуние пойди на заброшенное кладбище. В полночь из земли поднимется луч света, не мешкая,

прочерти круг и стань в него. А когда начнут подниматься души грешников из земли, пугать тебя, предлагать несметные богатства, не верь им. И даже не слушай их, но читай молитвы. В три часа ночи разверзнется земля и откроется вход в склеп с сатанинской свечой. Не мешкая, спускайся вниз и задуй черную свечу. Главное ничего не бойся и помни, что только твоя любовь к матушке и вера в Бога дадут тебе силы противостоять аду.

Приехал Ваня домой, сделал все, как научила его знахарка, и стал ждать новолуния. А мать, как будто чуя, какая опасность нависла над ее сыночком, слезы льет, только сказать ничего не может. Сын же все ночи молится да матушку взглядом успокаивает, не волнуется. Мол, скоро я найду лекарство, чтобы тебя вылечить.

В ночь новолуния мальчик приготовил молитвенник, бутылочку со священной водой и кусочек мела. Поцеловав матушку, он направился к двери. Но какая-то сила потянула его к зеркалу. В зеркале он увидел очертания отца: он грозил ему пальцем, а из глаз его текла черная кровь. Через миг видение исчезло, а у мальчика от страха ноги одеревенели и по телу побежали холодные мурашки. Мать, будто предчувствуя беду, с мольбой смотрела на сыночка, и ее глаза были полны печали.

Материнские слезы придали Ване уверенности. Начинало темнеть. Старое кладбище, заросшее бурьяном и сиренью, встретило мальчика не приветливо.

— Как же в этих зарослях я увижу свет? — беспокоился Ваня.

Выйдя на середину кладбища, он осмотрелся. Луна скупо освещала полусгнившие кресты и едва заметные бугорки могил. Мальчик забрался на дерево, при этом он вспугнул филина, и тот недовольно начал кружить над кладбищем. Через некоторое время филин утомился, и в наступившей тишине стали слышны глухие голоса и скрип, словно кто-то открывает крышку гроба. Подул ветер, и зашевелились ночные тени, вытягивавшие свои крючкова-тые пальцы. Неподалеку от дерева темноту пронзил луч света, вырвавшийся из земли. Спрыгнув с дерева, Ваня стал быстро чертить мелом круг.

Окропив его святой водой, он достал книгу и зашептал молитву. Краем глаза Ваня заметил, как на соседней могиле что-то зашевелилось. По спине у мальчика забегали мурашки и ноги подогнулись, словно ватные, когда он увидел, что к нему приближается простоволосая женщина в белом платье. Когда она приблизилась к черте, то остановилась и стала медленно двигаться по кругу. Лица у женщины не было, а на голом черепе блестели глаза, которые пытались разглядеть мальчика. От страха у Вани пересохло во рту и пропал голос. В тишине он услышал зловещий шепот:

— Выйди из круга, выйди из круга.

За спиной Ваня почувствовал движение. Повернув голову, перепуганный мальчик увидел поднимающиеся тени покойников. Все они направлялись в его сторону. Над кладбищем снова стал летать филин. Это вывело Ваню из столбняка, и он начал читать молитвы с таким жаром, что мертвецы, касаясь невидимой стены круга, отдергивали руки, как от огня. И вновь мальчик услышал шепот:

— Посмотри сюда.

Ваня невольно покосился и увидел, как страшная женщина машет рукой, подзывая его к себе. Рядом с ней стоял огромный сундук. Покойница подня-

ла руку, и крышка сундука откинулась. Сундук доверху был наполнен золотыми кольцами, браслетами и ожерельями с блестящими камнями.

В свете луны они переливались и невольно притягивали взгляд.

— Иди, бери, — шептал голос, — это все твое.

У Вани мелькнула мысль.

— Вот бы взять хоть одно украшение для мамы, — и тут неведомая сила начала подталкивать его к сундуку.

Вдруг в ушах у него зазвучал голос матери:

— Не поддавайся, сынок!

Ваня словно проснулся и вновь стал читать молитву. Неожиданно его слух поразил знакомый голос:

— Сыночек, иди ко мне.

Ваня посмотрел и увидел отца. Отец тянул к нему руки. Мальчику захотелось побежать к нему, прижаться к его сильной груди, чтобы спрятаться от всего этого ужаса. И только он собрался кинуться к отцу, как все вокруг озарилось ярким светом, и на небе возник образ женщины. Женщина с материнской любовью и лаской смотрела на мальчика и качала головой. Шум за спиной испугал Ваню. Оглянувшись, он увидел, как в том месте, откуда исходил свет, открылся вход в подземелье. Внизу черным пламенем горела черная свеча. Зажав в одной руке молитвенник, а в другой бутылочку со свяченой водой, Ваня начал спускаться в подземелье. Корни дерева, торчащие из стен, царапали лицо, руки и цеплялись за одежду, пытаясь остановить его. Ваня не помнил, сколько ступенек ему пришлось преодолеть, пока он не оказался в склепе с сатанинской свечой. Что-то сдавливало его горло, не давая вдохнуть. Тогда он сделал глоток воды из бутылочки, и ему сразу стало легче дышать. Собрал все силы, он дунул на свечу. По кладбищу разнесся душераздирающий крик. В кромешной темноте мальчик услышал голос:

— Беги!

На четвереньках Ваня выбрался из склепа. На него набросились тени, но яркий свет с небес разогнал нечисть, и пока Ваня бежал по кладбищу, освещал дорогу. Прибежав домой, бедный ребенок, укрывшись с головой одеялом, дрожа мелкой дрожью, провалился в сон.

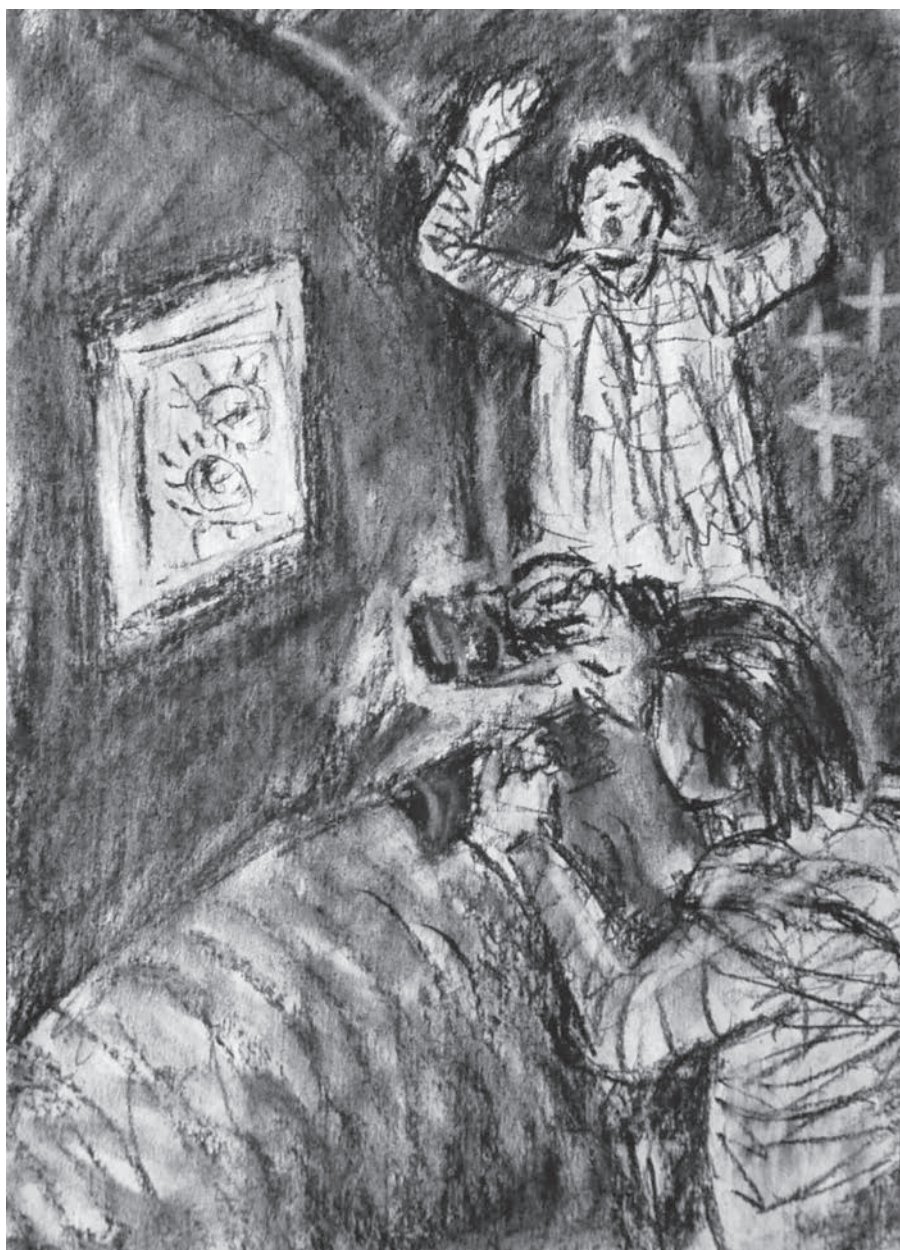
Проснулся он от прикосновения теплой ладошки на своей щеке. Эту нежную и ласковую руку он ни с чем не мог перепутать. По его лицу потекли слезы. Прижавшись щекой к ладони, Ваня улыбнулся и прошептал:

— Матушка.

ИЛЛЮСТРАЦИИ В. ОРЛОВА
К РАССКАЗУ Александра Мецгера
"ЧЕРНАЯ СВЕЧА"

БУЛАТ ТУТЕЛЬБАЕВ
(Казахстан, г. Астана)

УЧИТЕЛЬ (Целиноград, где-то 80 год)

После звонка в кабинет вошел новый учитель истории. Сто пудов ему рассказали о нашем классе, поэтому начал он неординарно.

— Ты, ты и ты, — он ткнул пальцами в первых попавшихся пацанов, развязно сидевших за партами.

— А можно и я, — непроизвольно вырвалось у меня.

— Да, и ты тоже, пошли вон!

Вон так вон. Люк на крышу школы был открыт, было тепло, и там всегда собиралась хорошая компания.

Так и есть, пара пацанчиков курили, сидя на парапете. Закурили и мы.

— А вы-то, че? — удивленно спросили они.

— Да так, прикинь, Фея (Феофилакт), у нас новый препод. Красавчик такой, заходит в класс, и давай с ходу всех определять, тычет в нас пальцами и грит, ты, ты, ты, жопой нюхаешь цветы.

— А я, — спросил Юрка Монах?

— А ты, Монах, ваще иди на х!

— Ну мы и пошли.)))

— От же гад, перевел стрелки! — возмущался Юрец под наш гогот.

Но преподом он оказался хорошим, креативным. Да вы его знаете, пусть в нашей истории он будет Милявским.

Во-первых, он был амбалом, и никому не было интересно с ним связываться.

Во-вторых, КМС-ом по самбо.

В-третьих, его назначили нашим классным руководителем.

Вешайся, 8 «В», написал кто-то на доске.

В трясучку лучше всех играл Пася. Искусство трясучки было в том, чтобы точно рассчитанным ударом перевернуть монетку с решки на орла. Было удивительно смотреть, как его толстые пальцы нежно обхватывали ободок мелкой монетки и точным ударом переворачивали её. Ведь монеты начинали бить с самой дешевой по номиналу. Обычно это была копейка.

Подвизался под эту игру Пианист. Поц с параллельного класса. Он ходил в музыкальную школу и играл на скрипке. У него были прозрачные и удивительно длинные пальцы. Вкрадчивые, как у вампира, движения. В общем, обычный доходяга. Но как преображался он во время игры! Глаза начинали светиться. Голос звенел, а движения становились решительными и точными. Просто уважуха!

— Я скрипач, — как-то во время игры обиделся он.

Шкаф Пася (Сергей) глянул на его пальцы и сказал, — давай, давай бей, Пианист. Тут крыть было нечем, доходяга, он и в Африке Пианист.

На большой перемене игра была особенно серьезной, сражались два мастера по делу фехтования! Пася и Пианист. Собравшаяся толпа с восторгом следила за точными ударами виртуозов. Играли на подоконнике в рекреации, у кабинета труда. Подальше от учительских глаз.

Подошедший незамеченным Милявский сгрэб копейки и положил их в карман пиджака.

— Эй, ты че, не хулигань! — растеряно сказал Пася.

— Отдай деньги! — фальцетом пропищал Пианист.

— Играть на деньги запрещено! — ответил Милявский и скрылся в кабинете трудовика.

Вот гад, поняли мы, идет бухать на наши денежки с крокодилом Геной, трудовиком.

В принципе крыть было нечем. Ведь и вправду, играть на деньги запрещено.

Он не настучал директору. На экспроприированные деньги в школьной столовой были закуплены коржики, и раздавались на уроках за правильные ответы. Да и на хорошие оценки препод не скупился. Кстати за коржиками он отправил в столовую Пасю. Тот по дороге пересчитал все до копейки. Да ему и считать было ни к чему, на тактильном уровне пальцы узнавали каждую неровность, шероховатость на монетках.

— Нехороший человек, одну копейку слямзил! — сообщил он нам. Копейка видимо затерялась в подкладке пиджака. Это было понятно, но мы привыкли любые переживания скрывать за тупой шуткой. Ведь и те три рубля, ушедшие на выпечку, по тем временам были огромной суммой.

Везло 30 школе на хороших людей. Вот и Милявский пытался пробудить в нас что-то светлое, хорошее. Помню во время уроков ставил пластинки Джеймса Ласта, Поля Моруа, и кажется «Искусство фуги» Баха. Давал почитать хорошие, честные книги. Кстати Ремарка, «Черный обелиск», дал почитать кажется он. С тех пор я стал фанатом Ремарка. Так же он вел на общественных началах секцию самбо. Кстати о самбо.

Наверное, все замечали, что у каждого из нас есть свой, скрытый враг, но вы об этом не подозреваете. И вот даже заходишь в незнакомую компанию, все шутят, смеются, такие хорошие... и вдруг ощущаешь, что-то идет не так. И вот, наконец замечаешь его, взгляд, полный ненависти. И вроде не знаешь этого чела, но понимаешь, это и есть твой скрытый враг! Понимаешь на подсознательном уровне. Как тут не поверить безумным индусам, в теории о карме и прошлых жизнях.

Баху я встретил, катаясь на велосипеде возле магазина «Орбита». Она училась на класс старше и была милой, смуглой девушкой с приятными формами. Честно говоря, я давно приглядывался к ней, и катался там не случайно. С балкона видел, как она шла к магазину.

К счастью из магазина она вышла с тяжелой авоськой.

— Привет, Баклажанка, помочь? — спросил я.

— Ну ладно, — сказала она, и кокетливо улыбнувшись, протянула сетку.

Повесив сетку на руль велосипеда, мы двинулись в сторону её дома.

Честно говоря, и не помню о чем мы болтали по дороге, но было видно, что она не против общения и ей нравятся мои шутки. Все было подозрительно слишком хорошо, и состояние нирваны закончилось весьма внезапно.

Недалеко от подъезда навстречу нам попала группа парней с её двора.

Кому то очень не понравился наш счастливый вид.

— О, жених и невеста!

— Кому и кобыла невеста! — парировал я фразой из фильма. И понял, что кайф кончился, и я попал в большущий косяк. Но отступать было уже поздно. Тот случай, когда как обычно язык опередил мозги. Да и девушка рядом. Подумалось, держись теперь, придурок.

— Эт кто такой борзый? — произнес один из шкетов и двинулся ко мне. Я его узнал, это был Нариман, весьма вредный тип, учившийся в фазанке по соседству. Мы с ним цеплялись за год до этого на футболе, но до драки дело не дошло. На нем были широкие брюки клеш, воротник рубашки, выпущенный для пушшего форса поверх надетого, несмотря на жару, пиджака и самое важное, толпа за спиной.

— Баха, иди, я тут с пацанами пообщаюсь.

— Да, да, иди, Баха, — прошепелявил Нариман. Шепелявил он от того, что окурок сигареты каким-то образом, как приклеенный, болтался на нижней губе. Дым попадал прямо в глаза и от этого он щурился, чуть наклонив голову. Ну, про руки крендельком ваще молчу.

Но она, как я и надеялся, не ушла. Был один закон в наших дворах. Не трогать оппонента пока он рядом с девушкой, и закон, как обычно, сработал. Мы договорились встретиться попозже. Но так получилось, что я задержался.

— Пить хочется, — сказал я.

— А ты пьешь вино? — спросила Баха.

— Конечно!

— Я щас.

Она вышла с двумя пиалками, наполненными вином. Мы сидели на лестничной площадке, пили вино и болтали о чем попало. Состояние нирваны вернулось! А агрессоры, ждавшие во дворе, отодвинулись на второй план. Впрочем, когда я вышел, их уже не было.

Но они вернулись весьма скоро. На другой день, когда вышел из школы, компашка ожидала меня во дворе.

— Пойдем поговорим, — сказал один из них.

— Ну пойдем.

Мои друзья задержались по делам в школе. Играли в трясучку, и я, как лох, шел домой один. Какой косяк!

Позади школы меня ждал Нариман. Он стоял, картинно облокотившись о какую-то дверь и курил, пуская кольца дыма.

— Ну чё, борзый, поговорим? — спросил он.

— Ну, поговорим, — ответил я. Делать-то было нечего. Какие-то тупые ассоциации крутились в моем мозгу. Может я лось, окруженный волками? Тогда точно лось не из самых умных. Или Маугли в окружении собак? Почему-то сама мысль о Маугли успокоила. Уж очень нравился этот мультик.

Правая рука Наримана не давала мне покоя. Он положил её в карман и чем-то там поигрывал. Лишь бы не кастет, думал я. В памяти всплыло лицо товарища, Жорки, изувеченное ударом кастета. Парень по кличке Ема залепил ему во время спора на футбольном поле.

— Нарик, — заметил пацан из их компании, — чтобы было по чесноку, выходи с ним один на один!

— Конечно, — ответил он.

Круг расширился, и я принял, как мне казалось, эффектную боевую позу актера из нового индийского боевика «Танцор диско». Соперник стоял, широко ухмыляясь, видимо моя стойка его не впечатлила. Рука все так же поигрывала чем-то в кармане пиджака.

На мое счастье дверь, у которой мы стояли, оказалась задним входом в спортзал, и привлеченный шумом, на улицу вышел Милявский. Он был одет в светлое кимоно и был бос.

— Так, так! — произнес он.

— Вали, козел, — ответил Нариман, чуть развернувшись к нему, и достал из кармана кнопочный нож.

— Вот он, мой шанс, — понял я, и, подпрыгнув двумя ногами пнул его в живот. Правда практики таких ударов у меня не было, нога зацепилась за что-то из одежды, и танцор диско со всей дури грохнулся спиной об асфальт. Сбилась дыхание, по дурьей башке поплыли розовые круги.

Когда я открыл глаза, понял, что в отключке пробыл недолго, но пропустил много интересного. Ожидаемого эффекта удар в прыжке не произвел. Впрочем тогда я и понял, что фильмы всегда врут. Шайка разбежалась, но мой противник стоял прижатым к стенке, нож валялся рядом, а Милявский выговаривал ему интересные вещи.

— Ты как со взрослыми разговариваешь, охломон! — Бац, и мощный лещ чуть не сбил Наримана с ног. Что мощный, было слышно по звуку удара и расплывшемуся по щеке жертвы фиолетовому наливу. Может это и было не педагогично, но весьма действенно.

— Пшел вон, и чтобы я тебя здесь больше не видел!

Нариман поплелся прочь. Я стоял в абстракции, но происходившее на моих глазах, море эмоций, человек в кимоно, прыжок, заносило мозги в сторону, и вот я уже был героем фильма «Пираты 20 века». Все смешалось в доме Облонских.

— Пойдем, Рачи Капур, — ухмыльнулся преподаватель. Мы зашли в спортзал, где шла тренировка. Собственно, так я и попал на секцию самбо.

Что интересно, просмотрев фильм «Москва слезам не верит», скажу, что герой Баталова приобрел часть моих симпатий, благодаря известному эпизоду. Ну что здесь скажешь, может:

— Джими, Джими, ача!

Кумиром девочек, да и многих пацанов (хоть мы и не признавались) Милявский стал, спев несколько песен под гитару на чаепитии в классе.

Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье к далёким берегам.
Плывут они в Бразилию, Бразилию, Бразилию,
И я хочу в Бразилию — к далёким берегам!

Честно говоря, мы таких песен под гитару и не слышали. Во дворе пацаны играли на гитаре и пели намного лучше, но они лобали джугзару и разный блатняк. В то же лето, в Москве я приобрел пластинки Дольского и Окуджавы. Пластинок Никитина на тот момент в продаже почему-то не было.

В этот вечер было уже по-летнему тепло. В середине двора мой младший патлатый братец, и его не менее патлатый дружок, Рустик, по прозвищу Ап-пачи (первые растаманы микрорайона), раскачивались на качели, похожей на лодку и орали джугзарес. Получалось это у них хорошо, был такой вечер, когда почему-то эхо их голосов отражалось от стен домов и придавало песне какое-то таинственное звучание. Уже более часа они орали один и тот же куплет, но получалось у них славно и никому не мешало. Да и какое дело нам было до текста.

Настроение было отличное. Утром, на субботнике я нашел в куче прошлогодних листьев почти новые позолоченные часы «секунда» с разбитым стеклом и шикарным наборным ремешком.

— Часы мои! — по пацанским законам крикнул я и поднял сокровище над головой. Мы их завели, и они затикали и пошли! Надо ли говорить, что весть о находке облетела школу, и субботник плавно превратился в увлекательный квест кладоискателей! Надо сказать, что так тщательно микрорайон больше никогда не убрали. Ученики с граблями и вениками прошлись по самым странным местам, о существовании которых никто и не подозревал. И что интересно, было найдено много чего, в том числе старый ржавый обрез и немецкий штык-нож времен Второй мировой войны. Апофеозом квеста стала находка кошелька с червонцем. Обрез был конфискован военруком и утилизирован в неизвестном направлении. Штык-нож пацаны заныкали. Странно, что оружие, некогда принадлежавшее немецкому солдату, еще долго гуляло по микрорайону. Его ставили как ставку при игре в фараона. Его продавали при нехватке денег за 3 рубля. Бывало выкупали, бывало нет, и он продолжал свое странствие по рукам пацанов. Такова видимо была его изначальная карма.

Дружок Димас вынес гитару, креймону. А значит вскоре подтянулись и остальные пацаны. Бренчали все, но хорошо играл и пел только Сакен, который вскоре и завладел гитарой. В распахнутых окнах замаячили первые девушки. Благодать, весна.

В таверне много вина, там пьют бокалы до дна,
И не скрывая печаль, бренчит разбитый рояль...

Как-то неожиданно я заметил Милявского с красивой, молодой женщиной. Они стояли в стороне и с улыбкой слушали последнюю песню о танцовщице Джаней и бравом матросе Билли.

— Блин, тренер, — сказал я и подошел поздороваться. Подошла и вся наша компашка.

— Славно поете, молодой человек! — сказала, обратившись к Сакеше, спутница тренера. — А вот Костя любит только классику.

— Пожалуйста, сыграйте. — Попросили мы.

В микрорайоне все играли на шестиструнных гитарах. Но на креймоне была седьмая струна, неизвестно зачем отогнутая в сторону и чем-то закрепленная. Теперь мы поняли для чего она существовала. Пара романсов, и замечательные, невиданные и неслыханные переборы.

Они уже давно ушли, но пацаны еще долго терзали гитару, пытаясь извлечь те самые, непонятные ноты.

Понятно, что однажды и его съел учительский коллектив. За что не знаю, наверное, за нестандартные методы преподавания. С тех пор лично я его не видел, но часто слышал об этом удивительном и талантливом человеке.

Он и сейчас живет и работает в нашем городе. Проводит туристические сборы, работает с молодежью. Так что можно сказать: повезло и нашему городу на хороших людей! Удачи и здоровья вам, уважаемый Учитель!

P.s.: все фамилии изменены, в самых лучших намерениях.

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

Шесть часов...

Ноль часов и ноль минут...
Где-то головы кладут
Малыши и старики
На подушки и валки:
Одним спать, другим топтать
Мысли, годы, тупики.

В небе солнце и луна...
Ночка белая без сна
Гидам, Городу. В саду
Группу итальянцев жду:
Одним спать, другим топтать
Окружившую среду.

Шесть часов и ноль минут...
Мне казалось вкусно лгут
Про любовь на первый взгляд,
А теперь и сам не рад:
Одним спать, другим страдать,
И под окнами вздыхать...

21.10.2018 г. А-V-A.

На полустанке елочка

На полустанке елочка стоит вся в конфетти.
В прикиде да с иголки я вышел на пути.
Не очень-то уверенно кружился первый снег,
Фонарь молчал потерян,
мой прочитав побег.

Два берега, два берега в ручье и у реки...
На старой шлюпке Беринга
тонули рыбаки...

С рассветом ангел явится:
слепой моторвагон.
До городка останется последний перегон.
А там — свобода белая, девчонки да кино,
И месть такая спелая, как старое вино.
Два берега, два берега в ручье и у реки...
На старой шлюпке Беринга
тонули рыбаки...

На тёртой, серой площади
живёт дегенерат.
Подобно сивой лошади
он врал сто лет назад.
Судья ему поверила,
пятнадцать мне в рюкзак,
А я с другого берега...
да пусть живёт, коза.

Два берега, два берега в ручье и у реки...
На старой шлюпке Беринга
тонули рыбаки...

На полустанке елочка
стоит вся в конфетти.
В прикиде да с иголки я вышел на пути.
Не очень-то уверенно
кружился первый снег,
Фонарь сказал потерян:
последний твой побег...
20.10.2018 г. А-V-A.

Летели

Гонимы ветром облака
Бока царапают о шпиль.
Летят осколки свысока
На крыши и автомобили.

Луна под гримом и в джерси
Кивает поздним пешеходам.
И мне кивнула... grand merci,
Прикинув шансы и расходы,

И пригласил на randevu
В Асторию — винтаж и школа.
Там так готовят пахлаву,
Как сыр-паштеты у Пушкина.

Она ни ела, ни пила,
Всё танцевала увлечённо.
К ней подлетали два орла,
Я показал им «магнум» в чёрном.

Потом гуляли до утра,
Держась в доверии за руки.
И распрощались у Петра,
Зари слышав первой звуки...

Гонимы ветром облака
Бока царапали о шпильи.
Летели крошки свысока
Холодно-мокрой серой пылью...

22.10.2018 г. А-V-A.

И, бывало

Не в кабак я ходил, не в кабак:
В откровений хмельные страницы.
Там такие сердечные лица,
Хоть и в шрамах заядлых рубак.

И ругали царей за столом.
Выход входы искали у жизни.
И слезинки роняли на тризне,
Если друг умирал за углом.

Если жизнь зажимала в тиски,
Не молился на образ на полке —
Здесь ушко находилось в иголке
И, бывало, что с женской руки...

Да, ходил я, давно... в кабаки...

22.10.2018 г. А-V-A.

Сопки

От воротника до третьей кнопки
Блузка не застёгнута, глаза
Не поднять от лога — дышат сопки!
По спине мурашки... тормоза
С визгом переводят на скользеньё
Разум, вдохновенье, этикет...
Шаг, секунда, губы на сближенье —
Небеса разверзлись! Голос: Шкет!
И куда мы взглядом улетели?
Ой! Ну не убудет же — сама
Манишь рисовать себя в пастели,
И рискуешь умыкнуть с ума
Мальчика... а чтобы... скажем... если?
Убежала, не сказав и нет...
Разучу последний хит от Пресли,
И на клумбах соберу букет!..

22.10.2018 г. А-V-A.

Кирпич к кирпичику

Кладу — кирпич к кирпичику —
дорогу в небеса.
Нет, не к вратам Апостола, а дальше:
в август детства.
Там вечером, счастливые,
сшиваем паруса,
И запросто заходим в дом к семейству
по соседству.

Нет, там не идеальны мы:
и склоки, и враги.
Забот-хлопот, как водится, вагон
и две тележки.
Но как-то всё попроще что ль...
без стёба дорогих
Вещей и их владельцев, что,
прошли в ферзи от пешки.

То, что творится на Руси сегодня —
не бардак.
Беда, Одна Беда На Всех —
Пустодушевных Пляска.
И знаете, что страшно-то? —
ложатся города
Безропотно. Безмысленно.
Как морду в баз Савраска.

На бунт? На революцию?
Нет, без Вождя мы — Тьмы...
Добра к другим, внимания...
тепла любви по кругу...
Кладу кирпич к кирпичику —
защитой от сумы,
И, иногда, горбушечку отправлю
в помощь другу...

23.10.2018 г. А-V-A.

ДВА РОСЧЕРКА. ТРИ ТОЧКИ...

Два росчерка. Три точки.
И с кончика пера
Сходила и Любовь. И Муза. И — Богиня.
Не рисовал — творилась...
и в тонкий свет утра,
Легко качнув бедром,
вплывала чуть пружиня.
Загара флёр красивый на бархатных ногах.
Под белым шёлком грудь —
ни строчки, ни изъяна...
Искал я вдохновений на заливных лугах,
Увидел: на мостках столичная Татьяна,

Любуясь иль печалась обнажена стоит.
Упал в траву лицом, лежал, она купалась.
Спеша, карандашами,
вносил в блокнот сей вид,
Подробности фигур, как фото и остались...

24.10.2018 г. А-V-A.

Эхо рассветной любви

Город не мог не услышать
Эхо рассветной любви...
Вдох, и взлетали на крыши
С тонкой как луч визави;

В голос ломали преграды
Из перекрытий дворца,
И из окна анфилады
В реку бросали сердца —

Выжили, выпали с громом
На середину шелков...
Городу... нет не знакома
Двух обречённых любовь:

Вечер... железная птица
В клюве её унесёт...
Он до весны затаится...
Может, и Город спасёт...

25.10.2018 г. А-V-A.

СНЕЖИНКИ

Снежинки падают на руки.
Держа в ладонях жар души,
Они молчат на акведуке —
Снежинки слушают в тиши...

Так много слов, так много чувства,
И в горизонт течёт река.
На мокрой площади Искусства
Случайно встретились века...

Снежинки падают на руки
И испаряются в тиши.
Молчат слова, притихли звуки:
В союз сливались две души...

28.10.2018 г. А-V-A.

НОЧЬ

Столкнулись день и ночь
лоб в лоб на перекрёстке:
Рассвет мигал зелёным
и завлекал листвою.

Я поспешил на визг из парка,
и наброски,
Сорвались с ветром следом,
как утки за молвой.

Рассвет исчез в лучах наставшего сегодня.
Разбита в хлам и дымы,
тихонько стонет ночь.
Гуашью шью порез и ленты рву с исподней
Чтоб личико припрятать, тихонько уволочь

В каморку — там без слёз,
без суеты и охов
В порядочек настроить
причёску-грим Мадам.
В согретую постель
спешила что ль, дурёха,
Теперь тебе не выйти без маски...
по садам,

По паркам-площадям и гости, и туристы
Собрались, чтоб навеки
запечатлеть с собой
Тебя на фонах и...
ансамблей звуки чистых,
И памятью гордиться,
и хвастаться судьбой.

Собрал, почти на ять...
бинт, степлер и белила.
Смущённо улыбнулась и вышла в небеса.
И встали день и ночь напротив, говорила
Им нежности Планета
и вальс завёл Пульсар*...

01.11.2018 г. А-V-A.

КАК МАЛО ДО ВЕСНЫ...

Как мало до весны: ноябрь, январь и март.
Не отберут тепла галдящие метели.
И что с того, что мы две разных параллели?
Встречаемся во снах и за границей карт.

Слома, поправ закон, переметнёмся в май:
Душистая сирень, черёмуха на взводе...
Трудоустроим ночь и в путь на пароходе,
По рекам и каналам историй через край.

* ПУЛЬСАР — астрономический объект, испускающий мощные, строго периодические импульсы электромагнитного излучения в основном в радиодиапазоне.

Свою напишем там,
где не достать в метель:
На цыпочках стоят и облачка, и вьюга.
И в темноте звучит зелёная капель,
И кажется, что мы спасёмся друг об друга...

Как мало до весны: ноябрь, январь и март...

01.11.2018 г. А-V-A.

КОШКА. ПТИЦА. КЛЮЧИ

По лабиринту тем, моментов и событий
Гуляет кошка-мысль, не ловит птицу сна.
Мечтаешь: за углом ждёт чередой открытий —
Твой в клеточку корабль помчит
в ручьях Весна.

Взойдёт любовь из тем в давно забытых
прошлых,
Как бабочка вспорхнёт над фитильком
свечи...

Тихонько засопишь —
приляжет в ноги кошка,
И где-то под рукой заходят ключи...

02.11.2018 г. А-V-A.

Знаешь, знаю

Растекается февраль по ручьям и лужам...
Знаешь, мне уже не жаль,
что с тобой раздружен.

Знаю — птицы налетят,
улыбнут прохожих,
И тропинки захотят увести похожих

В точку G, к воротам в Ад,
в вечный сад Эдема.
Вот не знаю, буду ль рад —
в обществе проблема.

На любовь, на боль — цена,
тянут на эстраду.
Я любил её до дна... да подала яду...

Должен был упасть, ушёл...
выброшен волною...

Знаю: будет хорошо... этою весною...

12.02.2019 г. А-V-A.

ЕДИНСТВЕННОЙ НЕБЕСНОЙ

И ровно в полночь, веткою в окно,
Забросит Осень первый жёлтый лист.
Я жду её... мыслишка есть... но! Но!
Ей предложу тонюсенький батист:

Покроюсь обнажённой, сесть на трон,
Позировать... задуман мной портрет
Единственной Небесной... Вавилон
Владел таким... но затерялся след...

Она сидела робко... грудь рукой
Прикрыла под накидкой... ног тиски.
Мне нужно пять стихий... она — покой...
Стянул накидку... зелень глаз мирских

Засыпала вопросами — как, что?
Не знает силы женских губ и чар,
И мне пришлось рассказывать о том,
Учить любви, гусарству... как свеча

Горело бабье лето за окном...
С набросками разбросаны листы.
А Осень в пеньюаре кружевном
С ближайших дач носила мне цветы...

30.08.2016 г. А-V-A

НОННА ИЛЬЕНКОВА

Россия, Санкт-Петербург

ЕСТЬ ТАКИЕ СЛОВА

— Есть такие слова,
Что как сажа бела...
— Сажа?
— Да!
Отмывается сажа!

— Есть такие слова,
Что горят без огня!
— Без огня?
— Без огня!
Обожгут тебя даже!
— Есть такие слова —
Убивают слона.
— Как... слона?
— Так — слона!
Они ранят прицельно!

Есть такие слова,
Что страшны, как война!
— Как война??
— Да, война:
В них вражда беспредельна!

— А еще есть слова —
В них звенит тишина...
— Тишина?!
— Тишина...
А душа замирает...

И частенько в глаза
Набегает слеза...
— Как — слеза?
— Да...слеза...
Так от счастья бывает...

— Это что ж за слова?
— Как люблю я тебя!
— Ты — меня?
— Ты — меня!
Разве это неясно?!

В них черемухи цвет.
В них и солнечный свет...
— Только свет?
— Ясно — нет!
С ними ночь так прекрасна!!!

Реквием

Какая сила вновь сюда манит
Необъяснимой тайною меня:
Бродя среди могильных старых плит,
Разгадывать загадки бытия?

А музыка умолкших голосов
В хорале неподвижной тишины
В полуистлевшей вечности гробов
Здесь вечные тревожит сны...

Кто здесь покоится —
юнец или старик?
Какая правда под землею скрыта?
Ничтожен был?
Повелевать привык?
Труслив?
Или глядел в глаза открыто?

Был беден, как Иов?
Или, как Крёз, богат?
Предпочитал разврат?
Иль был сухим аскетом?
Неряшливый во всем?
Иль был щеголеват?
Здесь, на Земле, никто не знает это.

Непостижимой ваша жизнь была.
Обиды прятали в дымок от папиросы.
А стройки века на хребте неся,
Не задавали лишние вопросы.

Параболами пройденных путей
Под плитами закончили дороги,
Отдав стране весь пыл души своей,
Красивые и сильные, как боги!

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Здесь биографий, связанных узлы,
Знаменовали тех событий крохи,
Перечеркнувшие историей страны
Кровавое лицо эпохи.

Здесь реквием поет моя душа,
А жизнь стремится вдаль неудержимо.
Уже привычно шинами шурша,
И двадцать первый век несется мимо!

ЛЕВАЯ-ПРАВАЯ...

Заглянуло солнце в окошко,
Закружилось над головой,
Я его придавила ладошкой,
Чтоб осталось только со мной.

Руки словно током пронзило,
Боли не было никакой.
Правая быстро рука остыла
И наполнилась чернотой.

Солнцем левая наливалась,
Из пригоршни солнышко взяв,
А вот правая ухмылялась:
— Ты лишь левая, солнечной став.

Словно силой своей похвалялась:
— Ведь я права-Я здесь рука,
Правота её мне казалась
Тучей чёрной издалека.

Левая солнечным светом дарила,
Факелом людям его несла,
Как бог славянский Ярило.
Страстью и негой поила.
Потому что от сердца шла...

ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь

Белая птица

Тебе ли не знать, как поют чёрные
струны, касаясь изгибов пальцев...
Тебе ли не помнить,
как кровь читает теням стихи...
Так провожают в мир благие вести.
Все слёзы одного цвета.
Все цвета красные.
Назову эту осень я Авелем.
Назову эту зиму я Каином.

Эрос и Танатос

На острие стрелы...
Стихи прижаты к телу, как псалтырь...
В каждом — биение сердца бабочки.
Этот завораживающий медлящий танец
Замирающих в неведомых изгибах...

Писать с завязанными глазами...

Попавшие на пир блаженных...
Все восходящие луны...
Все многомерные петли строк...
Поэзия — всегда самоубийство...

Ты выбираешь —
Сталь или кружево для имени любви...
В этих развернутых силах натянутых струн
На герцы касаний разложена речь,
Укороченная тишиной...
Осыпается с пальцев Его ВЫСОЧЕСТВО звук
Живых переплетенных линий...
Заклинатель звучания,
Когда устанет плоть,
Звук станет ангелом.

Завещание воспламененного огня...
Согреваю строку вслух,
В воздух роняя буквы губами.
Беру на вдох сквозную, обнажённую...
Встретимся в высоте,
Я научу тебя танцу всевластия...

Танцу открытых объятий,
переплетенных рук,
Острию рифм.
О, посвященная моя...
Исходящая нежностью,
Губы твои сладкие и горькие,
В трепете и жаре помолвлены со мной...
Плен совершенного ритма...
Пластика эроса и танатоса...
Не жалея себя, царствие моё,
Пожелай себя, жажда откровения...
Ты еще невероятней,
когда острее карандаша...
Когда молишься Свету на качелях любви.

*Vesper**

Знающая сладость,
Знающая сокровенное,
К соцветиям твоих звёзд слетаются пчёлы
собирают необратимые мотивы
безмолвья молитв...
«Tres calme et doucement expressif»**
Вчитываюсь в ремарки Дебюсси
на полях партитуры безвременья...
В стихах твоих все кадры
канонического прочтения Богом слова
«Terra Incognita»...
у тёплого края книги,
где все страницы пусты...

Глагол всевластия

Когда-нибудь, когда ты перестанешь
меня любить...
Когда коса сомкнется поцелуем
с камнем...
Мечты заполучат нас и продолжат
свой путь...

* Vesper — от лат. вечерняя звезда.

** «Tres calme et doucement expressif» —
очень спокойный и мягко выразительный
звук.

Вы, слова мои, взяли себе половину
жизни моей,
прежде чем стать молитвой...
Вы поселились в корнях моих листвою
звнящей,
Там, где сложенные в молитве руки
мои немели,
Пересекая царствие смерти.
Безостановочный фосфор времени,
Твои выпады парировать я пришел —
Спиральный алый рукописный текст
стекает по рукам...
Это не стихи, это карта.
Когда мы с нежностью дрожим между
движением и действием,
Между зачатием и рождением, между
желанием и глотком...
Наши головы склонены,
наши тела переплетены.
Любовники огня,
Мы беззащитны пред желаньем...
Когда обнажены глаза...
В доверии пальцев руки цветут любовью.
Глагол всевластия,
я прочту тебя ей в губы
В ночном самоубийстве тесноты...
Срезанный воздух у горла,
перехваченный шелковой лентой,
Где дыхание свято...
Хищное восхищение вырастет
до обладания...
Как красив её танец,
Она охотится, она так голодна,
Скрытое моё до краев наполняя.
Бейся о руки, о губы,
Бейся, скользя откровеньем, отравлением,
омовением...
Произрастай из смерча лепестков
за пределом белой музыки...
Я беру тебя во имя того, что мы есть,
любовь моя.
Я могу уверовать во множество богов...
Но лишь в одну богиню.

Людам мнится смерть лишь
как лишение...
Людам мнится любовь лишь как тело,
как вещь...
Они, дабы купить её, готовы умирать,
А, умирая, готовы для её продажи.
И поэтому вам поистине не о чем сказать.

Нежное стихийное бедствие

И капает на тонкий лист бумаги тонкое
чувство.
Во власти пауз перечитывать тебя
пальцами в предсердие весны...
Нежное стихийное бедствие,
Расположившееся в серебряном
мгновении этого вечера.
Руна луны скользнула вдоль твоей
плавности
Над стеблем тела твоего постижением
звуков.
И если любовь — это разговор душ,
То нежность — это разговор
прикосновений.
Мы дали имя рукам.
Может быть, это так лишь сегодняшней
ночью...
Пока ветер на твоей коже говорит моими
поцелуями.
Мои слова предают меня, срываются
с моих губ...
Цветение алого... я говорю о открытых
взглядах,
О отголосках тебя, посетившей мои дни,
О плывущих по течению в языки пламени.
Я хочу узнать тебя прежде имён...
Узнать о трате вечного цветка,
облаченного в пламя...
В котором нет закона формы...
Молящая о смертном приговоре,
Как незаконны эти слезы вырвавшейся
нежности.
Тревожить мир глотка...
Пить из губ тебя...
То распаленное и то опустошенное
в тебе...
Всё сказано,
Опадают белые цветы,
Белоснежную тень отбрасывают
На нашу маленькую смерть на отмени
глотка.

Так верят в сердце

И день, казалось, первым был из тех,
которым присягают на мгновенье...
В корнях, что выросли из почвы,
в подреберье
Подвздошной милости проснувшихся
аллей,
Твоих молитв просроченные письма
читает незаконный адресат.

Где заживо одетый в кожу дней,
окаймленный сушей и морями
Ты вспомнишь всё, когда качнется твердь,
Ты вспомнишь всё, расставшись с якорями.
Зарубки возраста... в том узнавании ран...
Стоим, в них...

Кто нам поверит, что мы были
И босиком спускались в храм к богам
по тропке королевских лилий?
В корзинах ломких нас пустили по воде
Рожденных мертвыми до первых
хриплых скрипок,

Где и цветы молились синеве,
К снегам губами прижимались и молились.
Как возраст ненадежны имена
предчувствием, что постареют.
И ветер каменный играет в исполинах,
и кружится у листьев голова.

Расстрелянные вехи тесноты,
Пляски в рубашках, вековая гильотина...
Но где-то здесь, наверно, были мы...
Друг другу кем-то здесь, наверно, мы были.
Дрожишь, как лист, и понимаешь
что дрожишь,

Но есть секрет — можно не падать в эту
осень...

Можно остаться, и никто тебя не спросит,
Зачем тебе безумная зима.
Коленно входим в реку... В реку строк.
Как нежно (страшно) листьям и они
смеются...

Я первой строчкой выкупаю их испуг,
Последней размыкаю круг,
На человеческом языке они прольются...
Я выкупаю право быть в ветвях
Касаний родственных... на ниточке часов,
На той серебряной, которая на страх,
Запуталась (переплелась) и ждёт ответ
Ветров.

Нас всех залечат или осквернят?
Там, где так тесна близость, вне обрядов
тела,

Дрожь отвечает: — так не говорят,
Так верят в сердце, обвенчавшись с тленом.

Блаженны

Застуженный молебен...
Звенят фарфоровые карты таро.
Стерильный знак господства
Открывает свои библиотеки боли...
Замороженные слезы в смычке гортани,
Пьющие столь жадно приколотый
к пейзажу напиток тишины...

Упоение жертвой падает в море
своих теней...
Пламенеет белым на бессловесной полосе.
Гадание на теле... окаменеет ли душа
неузнаванием?!

Имя некрещеной травы в разрезе звука...
И ты, танцующий авторство смерти
и жизни...

Последний зритель самого себя...
Тебя вновь прочли по слогам...
Проснись и смертью пьяней.
Говорят, снег это слеза сострадания...
Сквозь это обручение вещей,
Надышавшихся светом на глубине потерь,
Между нами ровно две тишины
смокнувшей речи.

В этих Граалях, растворяясь, ложиться
на листы каплями чернил белых,
Тех, что не имеют слов... тех, что скрыты
меж словами.

Ветхие, безостановочные...
Еще слишком рано, чтоб остановиться.
Все священные преграды, дотла раздетые
и одетые в кровь... кровоточат.
И небеса, как аварийный выход, тем,
Чьи раны мерцают нежно...

О, память встретившихся рук...
Прислушиваться к прерывистому
дыханию ночи
Раскрытым лезвием, белыми строками.
Одетые лишь шорохом листьев, вы, так
верившие в руки Бога.
Шелестит слеза последнего
оторвавшегося...

И тень его любви взлетает так высоко.
Венецианская пыль... Эта листва
обмякшая в унижении...
Благородство исполнения последнего
поклона...

Высокий нотный стан на снятой голове
глубины беспамятства.
Белый андрогин, склонившись, пил
синюю воду из неба.

Жизнь — игра в тело?
На какие кресты нас положат с тобой?
О, сколько швов носит в себе листва,
В тех огненных доспехах опадания,
Где воздух вновь свободен, как страница.
Наша жизнь — это плата, слышать,
как случается Бог
В самом прекрасном месте для казни.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

О, просторы, равняющие до равенства,
О, просторы безмолвия...

Недолго дотерпеть до родины — всего
лишь листопад и седину...

Даль разлук...

Ищет неведомое имя для первенца
Там, где жизнь всегда

как что-то необязательное.

Дихотомия...

Мгновение назад переступил я через
что-то...

Ступив на край другого состояния...

Понравился ли я Вам, о мисс Смерть?

Вы доверили мне стать запятой в Вашем
стихотворении,

А себе точкой.

Оставив на груди моей нетривиальный
знак...

Под музыку эпохи возрождения...

Когда мы были листьями багряными...

Блаженны

*Ortus**

Пьющие влагу терний,

Приближая неминуемый трепет...

Не миновать нам места, где растут
змеиные головы.

Где тонко натянутая вода пытается
слиться с влагой тела благодарно.

Обереги объятий — копии Соломоновы.

Где строгие библейские боги отпускали
всех птиц из клеток, в надежде,
что обездоленные деревья рук снова
познают Любовь.

И было так тихо...

И было так тихо...

Как в паузе между вдохом и выдохом...

Мягкий удар мотылька,

Всё выше и выше подбирающийся к свету
отворенного окна...

Летающий мимо неминуемой казни звуком...

Оставляя на холодном стекле след
дыхания бьющегося сердца.

Сквозь кому мира

Белые царапины восторга...

Обжигая губы и горло...

Камерная музыка... и руки пряят плавно...

Сквозь кому мира, где цветы между
страницами книг мертвы аортами.

Когда ты повернешься к ветру,

Прядь волос уберу с твоего лба

и поцелую строкой.

Хрестоматийно

И всё что было мной становится твоим...

Росчерки древних молитв бабочек

о порезы воздуха —

Хрестоматийно, Хрестоматийно.

Освобождаясь от слов

Сказать ещё несколько

Верующим в разные виды одиночеств

И одну любовь в невесомой рубашке...

Любовь, слышавшую сердцебиение яблока,

Вычеркнутую из беловиков библий.

Забери моё сердце

Бог пишет на песке...

Договорись до прозрачного

фильм о конце снега...

В дозволенность наготы

Скоро придут опадать ангелы

Любовью

*Carmina morte carent***

Она, как форма наготы...

Этой нежности, этой растраты...

Она непостижима и щедра в вибрациях
своих...

Carmina morte carent...

Поэзия не умирает...

Carmina morte carent...

Я пил амброзию с твоей руки.

Всем, лавром венчанным,

Богеме рифмы,

Невыдержавшим верхних нот...

Простится им дозволенность широт,

Сердца биение качающего воду.

Смотрите на неё те, кто искал её взгляда,

Те, кто ждал её, берите её...

Она — первая и последняя,

Почитаемая и презираемая...

Она — жена и дева,

Она — блудница и святая.

Она прибывает в тех, кто возник в ней.

Она раба того, кто породил её,

Она госпожа того, кто полюбил её...

* Ortus — возникновение.

** Carmina morte carent — поэзия лишена смерти.

Она — молчание, которое нельзя постичь,
 Она — стыд и дерзость познавших её тело,
 Она — презируемое и великое
 Она — бедность и богатство...
 Не призирайте ее послушание,
 Не презирайте ее воздержание
 И не бойтесь ее силы, вышедшей
 на свободу...
 Она — та, что трепетна... та, что слаба
 и невреждена...
 Она молчит и говорит в тебе,
 Она мудра и неразумна,
 Она наслаждение...
 И вы, ласкающие её, и вы,
 пренебрегающие ею...
 Carmina morte carent...
 Убийцы среди убийц или Последние
 апостолы,
 Вы открываетесь ей,
 Она — жизнь, она — смерть,
 Она... закон.
 Уничтожавшие её, снова будут искать её.

В день, когда она будет далека от вас, она
 будет по-настоящему близка.
 Она — речь, которая доступна каждому
 и которой нет,
 Ибо так велико множество ее слов...
 Она — одеяние ваше...
 Она — буквы, она — голос... она —
 наполнение голосом...
 она голос первой мысли, она молчание
 первой мысли...
 безмолвие, которое никогда не будет
 познано.
 Вечная слеза её...
 Благословляет белые листы и скудность
 яств.

Ветер неистовый

Ветер неистовый
 сорвал все ноты моего сердца...
 он говорил со мной, он просил меня,
 он молился моей верой.
 он нанизывал моё тепло на утреннее
 изыщество её движений...
 Медленные лодки рук,
 Романсы роз,
 Очерки ветвей,
 Безупречная стойкость красоты,
 Книга Чисел,
 Сонаты утрат,
 Остуженная причастием ночь,
 Почерк...
 Сакрально
 Протяжение чтением...
 Многие любили красоту...
 Но кто любил тоску красоты?...
 роняю буквы в твои ладони...
 в проросший сад...
 О время, расскажи всем правду,
 О том, что мы умрём.
 Тем взглядом, цвета юности,
 Чекая новую монету...
 Где я иду на ощупь
 к обезумевшим цветам...

НИНА БЕЛАНОВА

Украина, г. Днепропетровск

ЗОЛОТАЯ ЖИЗНИ ОСЕНЬ

Лёг на парк тумана пар.
Прогоняю прочь тревогу.
Три подруги — Божий дар,
Освящают мне дорогу.

Три девчонки, три сестры:
Вера выросла с годами,
Люба писем жжёт костры,
Жёлтых листьев origami.

В небеса с немой мольбой
Смотрит маленькая Надя...
Будьте, милые, со мной,
Не оставьте, Бога ради!

По ночам — сомнений груз,
Поутру — мороза проседь...
Незапятнанная грусть —
Золотая жизни осень...

24 октября 2018 г.

НА СВЕТ ЛЕТАТ КОРАБЛИКИ

Спустилось Небо, чалится —
Волнуется река.
Кораблики качаются
На белых облаках.

Кораблики бумажные
Сдались на волю волн.
Смирилась. И неважно мне,
Кто первым приглашён.

Мелькают серебристые
Бочки хищных рыб.
Слышны стенанья пристани
И старой лодки всхлип...

Мы все по жизни странники
Средь сотен островов!
На Свет летят кораблики
Из детства моего...

27 октября 2018 г.

НАСТРОЕНО ВРЕМЯ НА ОСЕНЬ

Пожар золотых тополей
Среди зеленеющих сосен...
Пятниста, пестра акварель —
Настроено время на осень.

Иной не поймёт, проворчит:
«Терпеть не могу эту слякоть!»
Отсюда — простуда, врачи...»
И примется охать и ахать.

Романтику лишь нипочём
Капризы нелётной погоды.
Душа его светит лучом
И видит все тайны природы:

Предутренний трепет осин,
Смущенье опавшей берёзы,
И в лужах — осеннюю синь
И ветра остывшие слёзы...

25 октября 2018 г.

ОСТАЛОСЬ ЖИТЬ

Колодец мыслей пуст. На сердце легче...
Где мысли все? Умчались табуном!
Рассыпался ньютоновский бином
И узел гордиев мечом рассечен!

Конец пришёл скитаньям, бездорожью,
Спрямился путь без мыслей галдежа.
Смирением наполнилась душа.
Осталось уповать на милость Божью.

Осталось жить, дышать... И будь, что будет!
У светлой грусти — неземной покой,
Что дарит осень щедрою рукой,
Всё золото листвы неся на блюде...

4 ноября 2018 г.

ПАМЯТКА

Если хочешь быть здоров,
Наперво учись

Очищать от скверных слов
Речь свою и жизнь,

Не завидовать, не лгать,
Не губить сердца,
Чтить заботливую мать
И любить отца,

Не развязывать войны,
Выпуская пар,
Не пугаться седины:
Зрелость — Божий дар!

Впрочем, это — для святых...
Будь самим собой!
Для кого-то дорог ты,
Как никто другой!

В чём бы ты ни оплошал,
Робок, иль сердит,
Помни, близкая душа
Всё тебе простит.

5 ноября 2018 г.

МНЕ ДУШУ ГРЕЕТ НАТЮРМОРТ

Мне душу греет натюрморт:
Окно, фарфоровое блюдо,
На нём — орехов грецких груды
И рядом — созерцатель кот.

Надпит слегка вина бокал,
Надкушена краюшка хлеба...
Осенней синью льётся небо
На яблок жёлтые бока.

А за окном летят листья,
Росой янтарной каплют с веток.
Как дороги в меланже цвета
Тепла последнего следы!

Как жаль, что всё предрешено:
Придёт ко мне зима, лютуя,
И сменил гамму золотую
На чёрно-белое кино...

12 ноября 2018 г.

ЕВА ТАЛАЯ

Украина. г. Харьков

Не сотворён был мир для боли...

Не сотворён был мир для боли.
 Но так неопытна душа!
 Себя калечит мимо воли,
 И плачет горько, чуть дыша...
 Она не ведаёт, родная,
 Что в этом мире всё не так.
 Лишь здесь, всю боль превозмогая —
 Люби!
 А боль — такой пустяк.

20.05.18.

Не сумела, не смогла...

Это не боль,
 И не отчаянье разлуки.
 Ничто не в силе принести сильнее муки.
 Как только то,
 что не сумела,
 не смогла.
 Хоть так хотела,
 так любила,
 берегла...

май 2018

Не разлюбила я тебя...

Не разлюбила я тебя,
 лишь чуть в разлуке огрубела.
 И свою память беребя,
 пойму — жила, а не болела.
 Привыкла думать с тобой врозь,
 но об одном,
 и непременно,
 я буду чувствовать насквозь...
 тебя...
 со всех концов вселенной.
 Касаться лёгким ветерком,
 и слёзы оставлять на стёклах,
 и отвлекать тебя звонком,
 где вместо слов,
 весь смысл во вздохах...
 Ты будешь злиться на меня,
 и долго требовать — словами,
 тебе ответить на слова,
 но те от чувств устали сами...
 Не разлюбила я тебя...
 В разлуке просто потеряла —
 чудесный дар,
 саму себя,
 и как и ты — пустая стала...

Но не пугает пустота,
 она лишь спутница разлуки.
 Пугает неба высота,
 и ищут руки твои руки...

7.06.18.

*Мы здесь по не случайности
случайно...*

Мы здесь по не случайности случайно.
 Среди всех бесконечностей дорог,
 Судьба не может быть какой-то тайной,
 Пусть даже не пускает на порог.

Судьба, она среди тех кто с нами рядом.
 Мы все по не случайности верны.
 Мы всё уже сказали только взглядом,
 Лишь потому, что душами родны.

Когда-нибудь мы вспомним непременно,
 Все клятвы, что не зря были даны,
 И каждый раз, в любви, самозабвенно,
 Будем стремиться в райские сады.

И там, от случая, закономерно,
 Познаем суть бескрайнего пути,
 Чтобы вернуться, неслучайно верно,
 И вновь судьбу в родных глазах найти...

18.06.18.

Рук тепло...

Лето ушло...

Прошла его пора...
 Теперь нас разделяет межсезонье.
 И осень заявляет на права,
 своей поры,
 пугливая спросонья.

А всё, как будто только вот, цвело!
Но время неподвластно этикету —
 не ждёт, не притворяется оно,
 и не подкупишь время за монету.

Всё чаще холод в гости по утрам,
приходит, чтоб согреться до полудня,
ведь осень разрешила всем ветрам,
не вежливыми с нами быть сегодня.

И что поделать?
 Кутаясь в пальто,
 мы позволяем осени случиться,
 и больше ценим рук тепло за то,
 что им теперь возможно насладиться.

24.09.18.

*Всё есть ничто,
из ничего всё это*

Зачем ты задаёшь опять вопросы?
Зачем опять без умолку твердишь,
О том, о чём давно остыли росы,
Зачем ты снова память теребишь?

Я знаю в этом мире всё что было,
Возможно, даже знаю что потом.
А ты, тоска, не быстро ли забыла —
Фонарь, и ту аптеку за углом?

На все вопросы есть свои ответы,
И жизнь своим откроет их ключом.
Зачем твои выслушивать советы?
Исхода нет, коль замкнуто кольцом...

Всё есть «ничто», из «ничего» всё это!
В тебе есть мир, и мир есть тоже ты.
Ты у души своей спроси совета,
Она из мира божьей пустоты.

15.04.18.

Трогательное...

Дождь солнце вдохновил на лето,
И быстренько исчез с дорог,
Чуть радугой задел за небо,
Позвал котенка на порог.
И шурясь, маленькое чудо,
Считает капли с козырька.
В росу б пойти — решиться трудно,
И гладит солнышко зверька.
Чуть трогает его за холку,
И гладит ласково бочка.
Мурлычит котик, сбитый с толку —
«Кто ж трогает его тогда?»

16.07.18.

*В разлуке не одна я
виновата...*

В разлуке не одна я виновата.
Хотя, вина на мне, за нас двоих.
И пройдена мной точка невозврата —
Не оправдала я надежд твоих.
Чрезмерная взята за это плата —
Не вижу больше крыльев за спиной.
За грех мой, для меня одна расплата —
Разлука, что оправдана тобой!

03.09.18.

Созерцай!

Когда устанешь созерцать —
 закрой глаза и слушай.
Пусть время обратится вспять,
 законы все наруша.
Ты вспомнишь — ты уже здесь был,
 и всё уже случилось.
Ты созерцай... Ты всё забыл —
 от этого усталость.
Ты созерцай... В миру один —
 один ты будешь с миром.
Ты этой жизни господин,
 но покорён «кумиром».

Мир разучился созерцать.
 Мир разучился слушать.
И нет желания понять —
 желанье только рушить.

Август 2018.

А где метаморфоза?

Вот, час поэзии прошёл,
теперь всё больше проза.
Реальность разум предпочёл —
а где метаморфоза?

Правдивы будьте же со мной,
хоть так от правды горько!
Лишаться крыльев не впервой,
но падать снова — больно.
Так манит небо синевою,
душа ж кричит — довольно!

Всё больше грусти между строк,
и ждать стихи подолгу.
Такой вот жизненный урок —
Летать — но так не долго...

И всё ж поэзия живёт
и без любви томится.

И в свой отчаянный полёт,
без крыльев устремится.

Ведь правда мира такова,
что в миг метаморфозы,
поэзии немые слова,
а проза — просто фразы...

5.08.18.

Взгляд...

Каким до потрясения знакомым,
Бывает взгляд вошедших в душу к нам.
Каким жизнь подчиняется законам?
И чьим мы доверяемся рукам?

И лишь по взгляду и руки касанью,
Мы разум заставляем замолчать,
И отдаем себя души спасенью,
Ведь души, просто, не умеют лгать.

Вы не ищите быстрого решенья,
Ваши глаза умеют всё сказать.
Не даром разум жаждет отреченья,
И так старается за чувства наказать...

20.08.18.

Возьми любовь с собой!

Возьми любовь с собой!
Она не много места,
займёт рядом с тобой.
Ей будет интересно —
кричать, когда «немой»,
и плакать, когда «счастье».
И за одно с душой
забыться в одночасье...
Чтоб со своей мечтой
ты смог бы повстречаться —
возьми любовь с собой,
не нужно расставаться...

20.08.18.

Немає вороття...

Напевно вже немає вороття.
Там де були сади — засипав попіл.
І канув мир народу в небуття —
Мого народу, що розбитий навпіл.

Вже не важливо більш чия біда,
І в очі перестали зазирати.
Собі чужими стали всі — хіба,
Не ворожнечу нам внесли до хати?

Чому на брата брат? Іде війна.
Чому є ті, що ворогам «стелили»,
І ті, кого с корінням вирива,
Спотворена брехнею, люта сила?

Усе минеться...

І мине війна...

І хто є хто, одразу стане видно.
На кого ляже за це все вина?
Чи так повинно було жити гідно?

август 2018.

Моя душа

не может серой стать...

Как будто отключили от небес,
И серость беспощадно рвётся в душу.
Пространство, вдруг лишённое чудес,
Как серый дым срывается наружу...

Моя душа не может серой стать!
И чуда своего не отпускает.
Она умеет очень долго ждать,
И никогда любовь не оставляет.

По ниточкам, по крохам её вьет,
Для тех, кто о любви ещё мечтает.
И так, без сожаленья, отдаёт,
Себя тайком на нити распускает...

7.05.18.

Просто жить...

Я потихоньку привыкаю,
Ищу следы и нахожу.
В чужих глазах «своё» встречаю,
В себе «чужим» я дорожу.
Как будто всё смешало время,
Я узнаю себя во всём —
Нести не стало легче бремя,
Но жизнь идёт своим путём.
Мир в круговерти не стихает,
И мы в миру всегда спешим.
Покой — он где-нибудь бывает?
Достиг ли кто своих вершин?
Быть может взять остановиться,
Не «привыкать», а просто «быть»?
Покуда сердце будет биться,
Уж постарайтесь просто жить!

7.05.18.

БАХ АХМЕТОВ

Узбекистан, г. Ташкент

Метаморфозы

Однажды у меня дома поселилась серая
мышка.
Через некоторое время она стала рыжей
кошкой.
А потом — черной собачкой.
Еще через три дня
появился изумрудно-яркий гекон.
Затем пришла очередь черепахи с ее
снами о бесконечности...

А потом возникла она...
Девушка, с волосами цвета льна.
С внутренними рифмами и сбоями.
С вечной спешкой и отставанием.
Улыбкой, слезами, черепахами, геконами,
кошками, собачками, птицами, рыбками
и еще Бог знает с чем внутри.

Словно новый Ноев ковчег
плыл по маленькому океану квартиры.
Меня тоже звали на борт,
но я отказался.

Меня страшат такие дни,
когда как будто бы все ясно.
Они безумию сродни,
и, как безумие, опасны.

Люблю сомнений океан.
И мир в тумане непонятный.
Он свыше нам, как выход дан,
в спасительную вероятность.

Быть может, да...
А может, нет.
Двоятся нежности границы.
И кто-то с грустью смотрит вслед.
А кто-то — светится и снится...

Настроение

В это холодное утро...
В это неизбежно-сиротливое утро

ты прикасаешься к дождю
всем своим прошлым,
и оно вдруг становится легким...
Становится бесконечном далеким,
как одинокая ворона
на крыше соседнего дома...
А время выходит из комы,
начинает дышать...
Включает свое вечное «так-не-так»,
включает ключевой вопросительный знак.

Но пространство в окне —
это всего лишь пространство в окне,
а не отклик твоей пустоты...
И все это — снова ты,
точнее, пока еще ты.

Плюс твоя бескорыстная осень,
заточенная на многоточие...
Много же в карманах у нее добра,
а в глазах — серебра.
И вот, она смотрит в твои глаза,
и медленно говорит:
«Я знаю, знаю, что так нельзя,
Но все у меня болит.
И то, что уже свершилось..
И что не свершилось еще...»
А ты обнимаешь ее молча,
подставляешь плечо.

Меня прощали — не прощали.
Меня пытались приручить
то легким облаком печали,
то тихим голосом в ночи.

Меня пытались сделать тенью,
меня пытались объяснить.
Но побеждало неумение,
и вновь ввалась чужая нить.

И растворялся между строчек
неуловимый образ мой.
Похожий лишь на легкий прочерк
над бесконечной пустотой.

Каждое слово отчаянно
цепляется за смысл перед тем,
как сорваться в белоснежную
пустоту листа...

Цепляется каждой своей буквой
за любой смысл
перед тем,
как раствориться в молчании...

Каждое написанное слово
завидует ненаписанному...
Отчаянно завидует безграничности
невысказанного...

Мы тоже — слова.
Такие же упрямые, отчаянные
слова...
Цепляемся за смыслы.
Каждый день
пытаемся найти эту нить...
Эту исчезающе малую точку
на белом листе...

На пустом белом листе жизни.
На бесконечно пустом листе...

Ночной джаз

Из всех версий нашего «я»
мы выбираем самую несовершенную,
самую непрочную,
самую уязвимую...
Постоянно зависающую
от нехватки нежности,
от логических неувязок,
противоречий
странностей...

Самая незавершенная версия,
с открытыми настежь возможностями,
вызывающими оторопь,
а точнее, сквозняк...

Самая странная версия,
где любое объяснение ложно,
любое сближение тревожно,
и каждый день
балансирует на грани возможного,
перед тем как исчезнуть
в туннеле времени...

Из всех версий нашего безумия
мы выбираем самое безопасное,

чтобы раствориться
в нем навсегда
капелькой света,
кристалликом боли...
Точнее, кристалликом соли,
что, впрочем, одно и то же.

Особенно в той версии,
где приходится жить без кожи.

Мятный холодок уходящей музыки...
Невозможность остановить ее уход.
Выбери меня для последнего плача,
Для последних нот.

Выбери мой сон для последнего
пробуждения.
Тонкое небо не выдержит груз...
Мятный холодок твоего прощенья,
последней нежности затихающий пульс.

А то, что было когда-то знанием,
станет свободой и пустотой.
Выбери меня для своего молчания,
пока я живой...

Она расставляет книги
по возрастанию грусти.
...А где-то туман молочный
собой укрывает город.
Она разбирает письма
из прошлой как будто жизни.
...А где-то огонь пылает,
и отблеск его на лицах.
Она переводит стрелки
настенных часов на осень.
...А где-то часы другие
давно уже спят под снегом.
Она наводит порядок
хоть знает, как он опасен.
...А где-то в пустой квартире
сидит у окна собака.

2015 г.

Как написать рассказ

Убрать финал, убрать начало.
Оставить только середину.
Оставить на стене картину,
и предвечернюю усталость...

Оставить диалог их краткий.
И в чашке — недопитый чай.
И стол хромой, и опыт шаткий,
и утром — тихое «Прощай».

Оставить долгое молчанье...
И след надежды на снегу.
И сон, что зимними ночами
все время снится старику.

И рук худых рисунок резкий.
И глаз его прощальный свет.
И чью-то тень на занавеске.
И в книге — порванный билет...

Ночной джаз

Тяжесть несказанных слов лежит на губах,
на побелевших от боли губах...
Прячется в темных глазах,
в темных, как осенняя ночь — зрачках...
И каждый шаг становится
преодолением тяжести,
преодолением невозможности
жить в этом силовом поле нежности,
в бесконечном ожидании,
в бесконечном прощании.

И всех этих попыток выбраться
за пределы имени
за границы времени.
Освободиться от этой тяжести,
и нежности,
и абсурдности.
Ежeminутное столкновение
со своим отражением.
Со своим молчанием,
со своим знанием...

И когда все невысказанные слова
вдруг осыпаются палой листвой,
осыпаются в бездну прошлого
пожухлой мертвой листвой,
ты просыпаешься в пустоту,
и чувствуешь каждый миллиметр кожи,
по которой скользит осеннее Ничто,
и крадет у тебя улыбку...

Крадет у тебя усталый жест руки,
отбрасывающей утешение,
как дырявое одеяло,
пока ты устало
зависаешь над сверкающим лезвием
предпоследней строки.

В коробке спичек
уравнены ожидания.
Изменчивость дыма
не оставляет шансов
нарисовать фигуру
нового обладания.
И только растерянность танца...
Возьми коробок,
возвеличь огонек
до размера надежды,
тонкой, как сигарета.
И если у судьбы
есть какой-то урок,
то впереди бежит
собачка ответа
на прочном поводке
твоего прошлого,
но длинном достаточно,
чтоб укусить
убегающее будущее
и усталость дотошную,
не умеющую считать смыслы,
или просто жить.

2011 г.

У ноября усталое лицо.
Глаза его холодные прикрыты.
И небо наливается свинцом,
как оболочка дней — извечным бытом.

А впрочем, в мире смертен даже быт.
И это утешением нам служит.
Ноябрь понимает все, молчит
и медленно свои обходит лужи.

А кто-то слепо шпарит напрямик...
Подумаешь, насквозь промокли ноги!..
Ноябрь — это осени старик,
уставший подводить ее итоги.

Как человек, не знающий зачем
ему нести своей надежды бремя,
он выберет одну из тысяч тем.
И этой темой снова будет время.

2015 г.

Мое обугленное небо
вдруг сжалось до одной строки.

И шел я вновь за нею слепо
по грани ветра и тоски.

А город всё переиначил,
и судьбы перетасовал.
Как прост ответ у той задачи,
что убивает наповал...

А небо было так возможно,
так близко были облака...
Но жизнь безумна и тревожна,
И ночь, как дуло у виска.

Мы дети синего цвета...
Бесконечно синего цвета.
Бездонного, как небеса.
Поющего, как океан.

Мы дышим его лазурью...
Бесконечно-живой лазурью.
Наши легкие полные его нежностью.
Наши сердца переполнены его
музыкой.

Мы дети синего цвета.
И нет у него границы...
Где-то под нами — птицы,
осень, деревья, город...

Где-то ноябрь тихо
бродит совсем озябший.
Ищет глоток надежды,
глоток синего цвета,
пьянящего синего цвета...

Мы дети свободы синей.
Дети летящих линий...
Бесконечно летящих в небо,
ведущих нас за собою...
Ставших нашей судьбою.
Однажды, во сне далеком...
В таком ненадежном небе.

Мы дети синего цвета...
Бездонного, как мгновенье,
что длится порою вечность....

А где-то в глубинах боли
уже рождается красный...
Как будто бы капля крови
случайно упала в синий.
И мир покачнулся тихий,
и желтый ноябрь вздрогнул...

В этой книге не хватает
одной страницы.
В этом романе не хватает одной
развязки.
Одного финала,
одного начала.
Одного автора
не хватает в этом тексте.

Одинокая тень бродит
меж строчек
бродит бесконечно
в коридорах строчек
спотыкается о точки
пьет ледяную воду молчания
ищет что-то,
но давно не помнит что именно...

В этой книге не хватает одного
имени
не хватает одного короткого звука
звонкого как кубик льда
в пустом стакане
в пустом как осень романе
в зиянии вырванной страницы,
что так пронзительно длится...

В этой книге, — давай говорить
прямо! —
не хватает тебя...
только тебя одной
впрочем, это такая старая драма
вечная драма за каждой стеной
за каждой точкой
запятой
многоточием.

А впрочем,
впрочем,
не в этом дело,
а в том, что пробелы
перетягивают на себя все
остальное...

В этой книге
кто-то пытался стать мною.
Но стиль подвел его.
Ах, этот стиль!...

Положи ее обратно на полку.
Не стирай с нее пыль.

В этой местности незнакомой,
В этой области непонятной,
невозможно дойти до дома,
и нельзя повернуть обратно.

Заблудились, и компас глючит.
И туман с каждым днем плотнее.
В этой местности правит случай,
лишь надежда немного греет.

Так и бродим по ней вслепую...
В лабиринте иллюзий вечных.
И какую-то жизнь рисуем,
и какие-то раны лечим.

И все спорим о том, куда же...
И все верим, что правда рядом.
Только что напоследок скажем?
Или просто ответим взглядом?

Или просто ответим тихо,
что пытались дожить до света.
Говорили, что где-то выход.
Где-то рядом, так близко где-то...

Сгоревшая спичка
на пустом столе.
Слишком поздно
Приходит пространство
свободы.

ИДА ЗАМИРСКАЯ

Украина, г. Северодонецк

МОИ ПЕРЕВОДЫ

THE PEACH TREE • by Vanessa Wang

ФИДЕЛИЯ

Фиделия* испытывала самые нежные чувства к молодому хозяину дома. Она любовалась золотистым цветом его волос и сапфировой синевой его глаз, она трепетала от удовольствия, когда хозяин бережно наклонял ветви, срывая сочные плоды с дерева. Ей нравилось, как он тихо и блаженно улыбался, словно «человек не от мира сего». Часами хозяин просиживал под деревом, склонившись над книгами, и его волосы слегка касались страниц. Фиделия ощущала тепло его тела и долго хранила в памяти каждый изгиб его позвоночника, когда он сидел, опершись спиной о ствол. Пот, выступающий на его коже, проникал в поры коры до самых её глубин. В это время тишину нарушал лишь шорох переворачиваемых страниц да шелест листьев на ветру.

Каждый день Фиделия с нетерпением ждала появления юноши. Она высматривала его в саду, среди многочисленных клумб, разбитых вдоль стены дома, выискивала его у трехэтажного фонтана, расположенного в самом центре двора, среди трав и живых изгородей, — везде и всюду, насколько хватало взгляда. И когда юноша появлялся, стройный и уверенный в себе, и направлялся к ней, Фиделия дрожала от переполнявшей её гордости, — ведь среди множества разных растений и деревьев хозяин выбрал именно её. Она так трепетала от нетерпения и возбуждения, что однажды на её ветках распустились сразу все цветы. Они были не розовые, как у обычных персиковых деревьев, а ярко-красные.

Летом юноша срывал сочные плоды и ел их. Его зубы впились в сочную мякоть персика, сок стекал по его подбородку, капал в траву и поил почву под его босыми ногами. Персик источал такой сладкий аромат, что трудно было удержаться от соблазна вкушать сочный плод. Надо было предвзительно снять тонкую кожицу, чтобы затем долго наслаждаться нежной мякотью и, испив последние капли нектара страсти, выплюнуть облаस्कанный косточку в землю, где её давно дожидались разветвленные корни, да-

* Фиделия — сорт персика американской селекции.

рующие энергию Сотворения и Зарождения новой жизни от своего возлюбленного.

Иногда юноше хотелось поговорить с деревом. Он шагал взад и вперед и бормотал слова, которые Фиделия не понимала, или устраивал целый спектакль, покачивая головой в знак несогласия и повторяя всё снова и снова. Потом он опускался на одно колено и вытаскивал из кармана черную коробочку. Открывал её и любовался драгоценным камнем, волшебным сверкающим в лучах солнца. Вечерами он взбирался на дерево и долго вглядывался в звездное небо, смотрел вниз на раскинувшиеся в ночной долине дома и тихо вздыхал. Фиделия чувствовала всю глубину тоски своего хозяина, и ей страстно хотелось помочь ему.

Наступило время, когда юноша перестал приходить к дереву. Это была осень. Всю осень ветер слушал, как вздыхала Фиделия, с нетерпением ожидая прихода хозяина, но солнце садилось за горизонт, на смену ночи приходило утро, на смену осени зима, за нею весна, на стволе всё резче проступало новое годовичное кольцо, а хозяин всё не появлялся. Фиделия внимательно прислушивалась к щебетанью голубых соек, которые часто усаживались на её ветви, чтобы обмениваться новостями, и однажды из их таинственного разговора она узнала, что в доме поселилась новая хозяйка. Больше всего на свете хозяйка любила розы, и теперь юноша проводил с нею всё свое время в розарии. Вдвоем они плели венки или составляли разноцветные букеты, подбирая на свое усмотрение тот или иной вид роз. Фиделия завидовала острым шипам на розах, которые впивались в пальцы юноши и оставляли кровавый след на его теле, ведь у нее такой возможности не было: когда хозяйка впервые отведала персик, её лицо покрылось красными пятнами, — с тех пор молодые больше ни разу не приходили к деревцу.

Вскоре о персиковом дереве совсем забыли. Ветви безжизненно повисли, и большая лоза роняла слезные капли сока. Опавшие плоды, поедаемые мухами и их личинками, гнили от перезрелости. Ярко-красные цветы с каждым годом теряли свою красоту, пока совсем не побелели и не перестали распускаться.

К тому времени, когда юноша снова вернулся к Фиделии, он превратился в облысевшего старика. Его кожа покрылась пигментными старческими пятнами, голос превратился в хриплый дребезжащий шепот. От былой красоты и силы не осталось и следа. Он пришел один, прижимая к себе деревянную коробочку. Робко опустился на землю и прислонился к дереву, как бывало когда-то. Тщетно Фиделия старалась привлечь к себе внимание: выпрямила ствол так, чтобы старику было удобно опираться на него спиной, распустила свои корни, чтобы ему удобно было сидеть, — но старик ничего этого не замечал. Он гладил лакированную поверхность коробочки и что-то бессвязно говорил. Слезы стекали по его лицу и застилали глаза. Глядя на маленькую коробочку, Фиделия вспомнила о том времени, когда она была не менее привлекательной, чем эта коробочка с драгоценным камнем, волшебным сверкающим в лучах солнца. Но теперь у неё не оставалось никакой надежды на то, что хозяин снова вспомнит о своих чувствах к ней, ведь и тогда всё его внимание было приковано к этому прекрасному камню.

Современная американская новелла (Мои переводы)

REGARDING MAGIC BY DAVID BASSANO ДАВИД БАССАНО. БЕЗ МАГИИ НЕ ОБОЙТИСЬ.

Я уже не помню названия того проклятого клуба в Вайлдвуде. Фасад был выкрашен в синий цвет и при искусственном освещении выглядел серым. Окна отсутствовали. Над дверью была розовая неоновая вывеска, но я не могу вспомнить, что там было написано. Кажется, БАР. На этой улочке было несколько баров, ничем не примечательных снаружи, — все на одно лицо. Стоило вечером лишь открыть дверь, как на тебя обрушивался такой шквал музыки, что дверь тут же с визгом и скрежетом захлопывалась. Но с каждым разом, пока мы там были, музыка звучала всё реже, и редко какой гость переступал порог этого заведения.

Двор за баром представлял собой заброшенное и безлюдное место, где в беспорядке валялись старые бетонные конструкции и битое стекло. Я помог ребятам вынести их аппаратуру через заднюю дверь клуба. Как и в большинстве подобных заведений, это самая обыкновенная ударная установка, так что я обычно приношу с собой собственный малый барабан, тарелки и барабанные палочки. Иногда я просто кладу палочки в задний карман и иду. А ещё я всегда держу запасные барабанные палочки в машине.

В ту последнюю летнюю ночь я выносил через черный ход усилитель Рэя, а навстречу мне спешил звукооператор, которому в рот палец не клади. — Так что у тебя там дома? — спросил он. — Дай-ка угадаю. Две бас-бочки. И я, как дурак, ответил: «Одна педаль, Yamaha». — О, я думал, что у тебя «double-bass», потому что у твоих барабанов слишком долгое звучание, — сказал он. — Играют без передышки. И пауз не слышно, сам знаешь, что я имею в виду!

Тут я спросил его, который час, и он сказал, что три. Я понёс усилитель дальше, но он не отставал от меня. «Послушай! Тебе не понравилось, что я сказал? Да я лишь хотел помочь!» Я спустился по ступенькам, присыпанным песком, и направился к автомобилю Рэя — серебристая Mazda RX-7 была припаркована сразу за баром. Я никогда не слушал тех, кто не умел играть. А ребята, которые умели играть, молча делали своё дело.

Я положил усилитель в багажник и поднялся по ступенькам. Я решил, что Рэй может и сам справиться со всем остальным, и отправился на поиски Кайла. Тот стоял на тротуаре и, облокотившись о перила, смотрел в сторону океана. Над пляжем навис густой туман и в свете уличных фонарей почти ничего не было видно, но мы слышали, как волны бьются о берег. В этот час на тротуаре не было ни души, все магазины были уже закрыты. Тишина стояла такая, что можно было расслышать шум мельчайших капель туманной измороси.

Я встал рядом с Кайлом и сразу почувствовал, что ему не по себе. Он сильно переживал, когда был недоволен концертом. Этой ночью мы выложились

полностью, но зрителей было слишком мало. Кайл нервничал от того, что все силы были потрачены впустую. Он вечно был собою недоволен. И сейчас его настроение резко упало. Такое наблюдалось уже давно, поэтому я подумал, что не мешало бы ему дать антидепрессант, — он ведь и раньше принимал Прозак. Конечно, когда-нибудь это могло закончиться плохо. Всё-таки он был талантливым сонграйтером. Таких я больше не встречал.

— Сильно устал? — спросил я.

— Как чёрт. Мне надо к восьми быть в казино.

— Оставайся на ночь лучше здесь, в Вайлдвуде, — предложил я ему.

— Слишком дорого стоят номера в гостиницах. Лучше когда-нибудь летом.

Потом он поинтересовался, куда запропастился Рэй с Мэттом.

— Думаю, что Рэйн завёл «шуры-муры» с той птичкой.

— Бедный старик. Ну, мне пора. Поесть бы где-нибудь.

— Тут недалеко есть небольшая ночная закусочная.

— Ладно. Поужинаем, а после я вздремну в комнате для персонала. Я уже так делал.

— Какая чудесная ночь на дворе! — Ага, — он иронически ухмыльнулся.

— Народ настолько обленился, что ему трудно выбраться из дому и пойти куда-нибудь, где можно послушать живую музыку, — сказал я.

Он кивнул в знак согласия. — Знаю. Кроме кавер-версии их ничего не интересует. Готовы слушать любую лажу, лишь бы можно было потанцевать. И хозяин бара заинтересован в этом, потому что когда люди приходят повеселиться, они пьют много пива. Это же полный отстой, когда тебе приходится играть всякую муть «на публику», для тех, кому ты до лампочки. Нам не светит никакой контракт.

Снова это слово, подумал я. Неужели нельзя обойтись без него? Вот так и с рекорд-лейблами, — ни один разговор не обходится без них. Эти лейблы занимаются менеджментом, властвуют над музыкантами. Это те организации, которые полностью зависят от кредитных компаний. Мы ненавидели их и в равной степени любили за возможность заключения контракта со звукозаписывающей компанией.

Облаять их было делом несложным. Каждому нравится чувствовать своё превосходство. А так как музыканты догадывались, что могут думать о них владельцы лейбла, то им самим определённо нравилось чувствовать своё превосходство. Те лейблы, которые заходили в бар не с самыми благими намерениями, были представителями какой-нибудь звукозаписывающей компании. Как говаривал Кайл, их не заботили музыканты, или музыка, или фанаты. Кайл сомневался в их честности и советовал держать с ними ухо остро, даже если те будут предлагать заключить контракт. Прежде всего необходимо нанять хорошего адвоката на случай судебных исков, если тебя попытаются обмануть и с тебя будут требовать сверхъестественной нагрузки; должна быть уверенность в том, что музыка должным образом защищена авторским правом, чтобы её никто не смог присвоить, и нанять бухгалтера, чтобы убедиться, что авторский гонорар не занижен. Меня всегда удивляла такая информированность Кайла. В его голосе звучала уверенность, которая передавалась и мне.

Я долго размышлял над его словами и пытался представить, что можно чувствовать, если играть только для себя, не думая при этом ни о каких контрактах, не задумываясь ни о чём. Когда я стоял рядом с Кайлом, облокотившись о перила и чувствуя прикосновение барабанных палочек в заднем кармане, я невольно вспомнил о старом сарае с песчаным полом, на котором стоял красный Pearl Уэйна. Уэйн научил меня играть на этом барабанае во время джем-сешн, Клинт играл на гитаре, а Дейв на своей старенькой хрипящей бас-гитаре Rickenbacker. Я наблюдал, как играл Уэйн: казалось, без каких-либо усилий, — так может парить птица в ясном небе, — а затем Уэйн вручил мне барабанные палочки и разрешил поиграть вместо него. Я учился играть у Уэйна, потом играл самостоятельно. Поначалу ребята играли простые вещи, поэтому я остался с ними. Постепенно в течение года я обучился игре, и когда мои руки и ноги привыкли к нагрузкам, Уэйн, который обучил меня элементарным навыкам, дал мне пару старых тяжелых палочек, выщербленных от ударов об острые края тарелок, для укрепления запястий, а я купил педаль, чтобы можно было упражняться. В сарае всегда пахло пивом; летом от влажного песка веяло прохладой, а зимой приходилось вдыхать запах керосинового обогревателя. Электрическая проводка была неправильно заземлена, и Уэйн предупредил меня, чтобы при пользовании микрофоном я соблюдал осторожность. Но мне это было совсем ни к чему, — я хотел лишь играть на барабанае ту музыку, которая звучала в моей голове, и ощущать, как легко тело подчиняется ритму. Я заработал мозоли на руках, мои запястья горели, зато моя душа научилась летать — в том невзрачном сарайчике, который находился на самом краю старой фермы в Нью Джерси.

Я уже знал, что такое играть для себя, и мне было интересно узнать у ребят, а каково это, когда ты играешь за money. Они сказали, что рекорд-лейблы самые настоящие проститутки; но и о нас можно было сказать то же самое. Мы хотим, чтобы лейблы помогли нам разбогатеть и стать знаменитыми, не так ли? Нам нужны деньги, девушки, музыкальные шоу и популярность Rolling Stone. Почему-то мы думали, что всё это мы получим, стоит лишь взмахнуть волшебной палочкой, — и вот мы уже рок-звезды. Как-то раз Рэй сказал Кайлу, что нам нужно отправлять как можно больше демо-записей в звукозаписывающие компании, явиться прямиком туда и потребовать высоких гонораров, на что Кайл ответил: «Я не хочу этого, дружище. Я бы хотел, чтобы однажды после концерта ко мне подошел этаким крутой влиятельный господин с сигарой в зубах и сказал: «Окей, ребята, у вас есть шансы».

Я хочу, чтобы музыка, которую мы играем, обладала магической силой.

Михайло Петренко.
Недоля

Парафраз

Світлана Ткачук.

З Ісусом й я молилась...

У тім світанку кукурікав півень,
Щоб у цім світанку воскресала я.

С Иисусом я молилась...

С Иисусом я молилась в Гефсимании.
И ночь пылала, бескрайностью звеня.
Летел рассвет —

весь в позолоте ранней,
И тот, кто, может, отречется от меня.
Ещё Иуды поцелуй там будет
И плач бессилья, втиснутый в петлю,
Ну, а потом лишь люди, люди, люди.
Один ответ: «Прощаю и люблю!»

Разверзлись тут в душе
волнений хляби —
Итог раздумий сердца моего.
Явился мне благочестивый раввин,
Священномученик апостол Симеон.
Он усыпил тот беспросветный ливень,
В котором мучилась душа моя.
В то утро долго Гефсиманский пивень
Пел для меня, — и воскресала я.

Гладит вітер...

Гладит вітер роси вечорові,
Крає простір сонний небокрай.
Мені тісно у твоїй любові,
Ти за це мені не дорікай.
Поміж небом і поміж землею,
Де літує вечір, — я і ти.
Ні! Не буду бранкою твоєю,
А піду у велич самоти.
Мені ж тісно у твоїй любові,
Роз'ятрила душу сон-трава.
Гладит вітер роси вечорові,
Гостриш ти притуплені слова.

Гладит ветер...

Гладит ветер полные росы,
Воздух режет сонный небосвод.
Мне в твоей любви совсем непросто,
Упрекать меня не хватит слов.
Между темным небом и землею
Мы с тобою в мире суеты.
В одиночестве ишу покоя,

Не в твоём плену, поверь мне ты.
Мне в твоей любви совсем непросто,
Бережит мне душу сон-трава.
Гладит ветер росы, а ты остро
Точишь притуплённые слова.

Неба торкнувся ладонями вечір.
Дивний. Чого ж то він так кахикає?
А я шукала від себе втечі,
Щоби не чути того, як він дихає.
Зорі сідали на плечі гречно.
Ніби все добре. Так все мало статися.
А я втікала беззаперечно,
Щоби в обійми йому не датися.
Наздоганяв. Усе більше жмурился.
Спогад про тебе я приміряла.
Зловився вечір. Так сильно хмурился.
І я порятунку в нім не шукала.
Я порятунку шукала в неба.
Воно, високе, того не чуло.
Вбралася в спогад, спогад про тебе,
Окуталася коварною і заснула.

Вольный перевод

Вечер ладонями синюю гладь
нежит и странно, взволнованно
дышит.
Мне от себя так хотелось сбежать,
Чтобы дыхания ветра не слышать.
Зори смиренно упали на плечи, —
Небу привычна их тихая власть,
Мне бы бежать без оглядки в тот
вечер,
Чтобы в объятья его не попасть.
Вечер вдогонку летел, полон гнева, —
Я же тоску по тебе примеряла.
Гневался вечер, хмурилось небо,
Я же спасения не искала,
Лишь обратилась к небу с мольбою.
Грустно молчала небесная синь, —
Я примеряла разлуку с тобою.
Так и заснула, укутавшись в сплин.

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

John Gillespie Magee High Flight

Oh! I have slipped the surly bonds
of earth

And danced the skies
on laughter-silvered wings;
Sunward I've climbed, and joined
the tumbling mirth
Of sun-split clouds — and done
a hundred things

You have not dreamed of —
wheeled and soared and swung
High in the sunlit silence. Hov'ring there
I've chased the shouting wind
along, and flung
My eager craft through footless halls
of air.

Up, up the long delirious,
burning blue,
I've topped the windswept heights
with easy grace
Where never lark, or even eagle flew —
And, while with silent lifting mind
I've trod
The high untresspassed sanctity of space,
Put out my hand and touched
the face of God.

МОЙ ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
Полёт в заоблачную высь

Я вырвался из царства темных сил,
И был безумно весел этот взлёт:
Навстречу солнцу смело воспарил
Ликующий серебристый самолёт.
Он в облаках неистово кружил
И танцевал космические танцы,
Выписывал шальные виражи
И спорил с ветром в солнечном
пространстве.
Всё ближе к солнцу, выше облаков, —
То не по силам даже хищной птице, —
Взмываю вверх, азартно и легко.
Чтобы коснуться божьего чертога

И благодати божией напиться,
Простёр я длань, —
передо мной лик Бога!

ПЕРЕВОДЫ ИЗ АНГЛИЙСКОЙ
«ОКОПНОЙ» ПОЭЗИИ 20 ВЕКА.

Before the Battle by Siegfried
Sassoon

Зигфрид Сассун. Перед боем

Сребрится в сумерках вода,
И возле самого пруда
Шумят дубы и тополя,
Небесный свет струится.
Вдруг вскрикивает птица, —
О, ночь таинственная,
спаси и сбереги меня!

О доле ли молиться мне,
Ведь страх исчезнет в ночной мгле;
Мне ненавистен смертный бой,
Не лучше ли туда свернуть,
Где в лилиях болотный путь.
Пусть веет холодом покой,
Играют тени под луной, —
я в твоей власти, мир ночной!

Attack by Siegfried Sassoon
Зигфрид Сассун. Атака

На Шмен-де-Дам обрушился рассвет,
Сквозь дым атак сочится алый свет
На ошетилившийся перевал.
Скрежещут танки, падают в кювет
И снова лезут вверх и на барьер —
Высотки устрашающий оскал.
Там пушки бьют — озлоблена броня,
«Огонь» кричит осипший офицер
И рвётся в бой, противника кляня.
Но гибнет экипаж, идёт ко дну.
Из сжатых губ и воспаленных глаз
Уходит время. Может, бог не даст...
О, Господи, останови войну!

*Любовь Ларкина
(Россия, Свердловская область, г. Асбест)*

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ В ДЕТЯХ ВЕТЕРАНОВ

Иногда мне кажется, что я помню о войне, хотя сознаю, что родился уже после войны.

Знаю, что это невозможно, но всё же я чувствую всем своим существом, что она во мне, в каждой моей клеточке, в моей крови, в моей благодарной памяти.

Помню не так, как события собственной жизни, но памятью моих родителей.

Каждый прошёл свой путь военного лихолетья. Каждый испил полную чашу напитка, замешанного на крови, слезах, на горе народа. В них, в моих родителях для меня сконцентрированы все те замечательные черты их современников военного поколения, чью молодость, словно фотовспышка, высветила вдруг зарево страшной битвы, в этот стоп-кадр, куда вошли долгие четыре года беспримерного подвига всего советского народа, внимательно вглядывается вот уже не одно поколение.

И каждое поколение чувствует живую, пульсирующую нить, связывающую нынешнее с тем поколением из сороковых.

Они были такими земными. Любили розыгрыши, могли хохотать до слёз, танцевать до упаду. Спорили о чём угодно до хрипоты до рассвета. Любили жить и верно любили.

Родина, Отчизна для каждого начиналась с самого чего-то родного, близкого — отцовского дома, пахнущего хлебом, лаской материнских рук, первого поцелуя.

Высоких слов не говорили, и было им, что защищать в час смертельной опасности, что сделало их, вчерашних мальчиков, нестигаемыми и мужественными.

Скольким из них так и не довелось перешагнуть за порог своего взрослого двадцатилетия! Странно: Победа более, чем втрое, старше тысяч своих солдат.

Она пришла в такой же майский день несказанной радостью, вдруг подступила комком к горлу, слезами к глазам. Петь и плакать — в такой день нашей жизни нас заставляет это смешанное чувство одновременного восторга и печали?

Нас, не слышавших орудийных раскатов, не терявших в бою своих товарищей, не застывавших от холода в сырых окопах, не знавших чувства голода, бомбёжек, не испытывавших отчаянья плена! Только в день Победы!

Так значит, мы действительно помним ту войну!

Она вошла в нашу кровь и плоть из крови и плоти наших родителей, с их болью и радостью, обретениями и потерями, разлуками и встречами.

Трудно узнать в седых, согбенных ветеранах тех страшных лет семнадцатилетних мальчишек, которых всё меньше и меньше приходится на этот святой праздник 9 мая, в день Победы. «Неужто, столько лет прошло?» — спрашивают они друг друга. Говорят и говорят, наговориться не могут! Всё та же весна, и песни: «Катюша», «Соловьи», «В землянке». Только нет рядом друга, погибшего под Одессой, Прагой, Смоленском. Они никогда не услышат салюта Победы и не увидят поверженные знамёна наших врагов!

Мы помним войну. Мы не вправе забыть ни одного дня, ни часа, ни мгновения её горькой и страшной правды, как не вправе забыть всех павших, сложивших свои жизни на алтарь Победы.

Помните и вы, наши потомки!

БОЕЦ МЕДСАНБАТА

Густой пеленой падал мокрый снег на раскисшую дорогу, на шинель, на лицо, на ресницы, падал и таял, стекая холодными струйками с лица на подбородок, проникая за воротник, на разгоряченную продолжительной дорогой грудь.

Хотелось остановиться, запрокинуть голову, как в детстве, и поймать жаркими губами лёгкую и холодную снежинку, зажмурясь от удовольствия...

Когда это было?

Где-то рядом за этой белой пеленой идёт изнурительная и жестокая война.

Настя и её подруги из 118 отдельного санбатальона, перекинув через плечо ремень, тянула сани с раненым бойцом.

Маленькая, худенькая, она из всех сил старалась идти ровно, но измученная бессонными ночами, не успевавшая по-настоящему поесть, порою падала на раскисшую и скользкую дорогу.

Намокшая, заляпанная грязью, Настенька виновато оглядывалась, улыбалась измученной слабой улыбкой, останавливалась, поправляла повязку, успокаивая: «Потерпи, браток!».

Машины с боеприпасами, буксуя порой, проходили мимо на передовую, обдавая дымом и грязью. Хотелось пить. Снег уже перестал идти и вскоре в лучах заходящего солнца появились вражеские самолёты. Девушка уже знала, что это значит и, не дожидаясь приказа, свернула с колеи.

«Воздух!» — размахивая пистолетом, кричал комроты.

Полсотни метров Настя преодолела почти бегом по ухабам.

До спасительного ельника рукой подать, а по цепочке девичьих упряжек с ранеными уже яростно хлестали пулемётные очереди.

Девушка, замерев от страха, упала на сани, прикрыв собой бойца. Пулемётная очередь прошла совсем рядом. Щепка от саней больно ударила в щёку, и струйка крови потекла к губам. Она почувствовала её солоноватый привкус. В следующую секунду санинструктор уже бегом бежала к лесу, используя то время, которое понадобится лётчику развернуться на новый заход.

«Пить!» Настя очнулась, напоила из фляги раненого и опять впряглась в сани, чтобы, петляя между деревьями, продолжить свой путь.

В ту ночь девушки сделали семь рейсов к передовой.

Едва устроились, как стали поступать новые раненые с передовой, которая находилась на расстоянии двух километров от медсанбата. Нужно было их устроить, накормить, подготовить к операции или транспортировке в тыл.

Сумерки всё сгущались, и нужно было обойти всё поле битвы, обнаружить и подобрать раненых.

Вся похоронная бригада погибла, попав накануне в засаду. Пришлось и этим делом заняться санитаркам из медсанбата. Заглядывали в каждый окоп, в каждую воронку, под каждый куст.

Собрали убитых и сложили на телеги.

Уже совсем стемнело, когда Настенька споткнулась о солдатский сапог, торчавший из земли.

Сердце дрогнуло и гулко забилося в груди от предчувствия. Она потянула за сапог, присыпанный землёю. Девушка обнаружила, что сапог был на ноге, и она в спешке стала раскидывать землю руками, призывая на помощь подруг, которые поспешили на зов, бросив подводы. «Вдруг жив?...Жив!»

Настя вдруг почувствовала тепло человеческого тела. «Скорей!» — она спешила сама и торопила других.

Вот уже бойца откопали, уложили на ровное место. Санитарки молча делали своё дело. Потом, уложив на шинель, бережно отнесли его в медсанбат.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Немец целился прямо в лицо.

Бывалый боец давно бы сразил врага автоматной очередью, но у этого восемнадцатилетнего Феде, на которого только на днях надели солдатскую шинель, вручили оружие, неприятно подкосились ноги.

В мгновение ока перед ним пронеслась вся его коротенькая, ничем не примечательная жизнь, и первой же мыслью было у него: «А как же братишка без меня?»

То, что пришлось испытать Феде, с лихвой бы хватило и взрослому человеку.

Ему не было ещё и шести лет, когда в тридцать втором году и на богатые земли Воронежской области свалился голод и тифозная рука смерти. Пятерых братьев с родителями унесла тогда смерть, а на плечи этого мальчишки упала забота о младших Пантелее и Марине.

Только стала налаживаться жизнь, как пришла война. Ушли на фронт все мужчины села, и на хрупкие плечи детей, женщин и стариков легла вся колхозная жизнь с её задачами и проблемами.

Враг наступал, и все работали на износ, чтобы убрать и вывезти выращенный урожай хлеба.

Отступающие наши войска жгли золото перезревших полей, и едкий дым сжимал болью и слезами горло всех, кто видел это.

Через неделю фашисты вошли в село.

Но пришло время, и фронт повернул на запад, и немцы с большими потерями отступали, угоняя в Германию молодежь.

В селе были наслышаны об этом, и вовремя, перед отступлением врага, всё работающее население попряталось в балках, в оврагах, в зарослях, в тайных подвалах. Из этого села не удалось вывезти ни одного человека.

Федор Сергеевич долго ещё обивал пороги военкомата. Ведь война ещё шла, а его не брали на фронт из-за малолетства...

И вот теперь немец целится в него.

Преодолев мгновенный липкий страх и растерянность, Федя бросился на землю и взял на мушку врага.

Это было не только столкновение жизни и смерти, но и прошлого с будущим...

Первыми не выдержали нервы у врага. Он резко отбросил от себя автомат и поднял руки вверх.

Он стоял, как вкопанный, тараща свои белесые глаза на русского паренька, который уже совсем оправился и твёрдо надвигался на такого же молодого вражеского солдата.

Вот таким образом состоялось боевое крещение Соколинского Федора, до того не нюхавшего пороха.

Шёл 1944 год и бои уже шли на чужой земле.

С каждым днём всё яснее обозначалась заря долгожданной Победы над врагом.

По-прежнему лилась кровь сыновей и дочерей нашей Родины. Не раз глядел в глаза смерти молодой телефонист Федя Соколинский, затем радист 16-й тяжеломиномётной Келецкой ордена Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады.

Но, видать, под счастливой звездой родился он. Сжалилась судьба над его сестрой и братом, ожидавших бойца в родном селе — не тронула его пуля врага, мимо пролетели осколки, и, только ранняя седина тронула его каштановые волосы, свидетельство того, через что пришлось пройти пареньку Федору Соколинскому, выполнившему свой сыновний долг до конца.

Дети и внуки — постоянные слушатели нехитрых, но глубоко патристических рассказов бывалого солдата.

БОЕВОЙ ПУТЬ АННЫ ОЗЁРОВОЙ

Многие из нас ежедневно общаются с этой женщиной, когда приходят за продуктами в один из крупнейших столичных гастрономов.

И, расплачиваясь у кассы за покупки, встречают спокойный и внимательный взгляд кассира Анны Петровны Добрыниной. А вот о её фронтовой биографии, о том, что Анна Петровна в годы войны была снайпером, служила в 173 Оршанской Краснознамённой Стрелковой дивизии III Белорусского фронта, знают только близкие товарищи и родные.

Из приказа Наркома СССР от 21 мая 1943 года: «...25 июля 1943 года.

Сформировать на базе женских курсов отличных стрелков, при Центральной школе инструкторов снайперского дела Центральную женскую школу снайперской подготовки в составе двух батальонов... Отбор произвести из добровольцев — женщин с образованием не ниже семи классов,

прошедших обучение в снайперских комсомольско-молодёжных подразделениях всеобуча».

Два года и три месяца работала Центральная женская снайперская школа. За это время было сделано три набора общей численностью в 1885 человек. Первым её начальником стала Нора Павловна Чегодаева — выпускница Академии имени Фрунзе, участница боёв в Испании, воевавшая на Карельском и Волховском фронтах.

Самым многочисленным был второй набор в 887 человек, в который и вошла Анна Озёрова. 24 июня 1944 года в одном из подмосковных посёлков женщины-снайперы готовились произнести слова священной клятвы на верность Родине.

Позднее оказалось, что именно в этот день у деревни Черёмушки на Псковщине совершил свой беспримерный подвиг Александр Матросов. Впереди ещё были шесть месяцев напряжённой учёбы постижения тонкости снайперского искусства. Вот и долгожданный час — они на передовой!

Как принимали девичье пополнение? Вот что пишет об этом Герой Советского Союза бывший командир 690 стрелкового полка 139 стрелковой дивизии В. Гришаев:

«Весть, что к тебе в полк прибывает новое пополнение — из самых радостных на фронте. А если в полку будут служить ещё и снайперы, комполка должен радоваться вдвойне. Накинул шинель — и в штаб. Ну, наконец-то пришло пополнение, — думал я, теперь легче будет! Быстрым шагом дошёл до школы. Там, на заснеженном дворе, и выстроилось передо мной пополнение моего полка. Я, как увидел, в сердцах чуть не выругался от досады.

Стоят на притоптанном снегу девушки, шинельки новенькие, ещё не обмятые, лица розовые, совсем молоденькие... Что я с ними делать-то буду? Милые вы мои! А у самого — обида. Хорош, думаю, генерал, подбросил мне пополнение...

Что ж, приказ есть приказ, пополнение получено, надо готовить его к боевой работе...

Взялись они за дело. И я теперь, как на КП приду, совсем другую картину, чем раньше, вижу. Бывало, взглянешь в бинокль, и зло берёт. Фашисты безнаказанно по своим траншеям разгуливают, днём телефонную связь налаживают, и боеприпасы на передовую подносят. У штабных землянок и складов запросто на виду часовых меняют. Не прошло и недели с тех пор, как обосновались девчонки в полку, а спокойствию врага конец подошёл. Любой его шаг стерегли меткие выстрелы снайперов...»

Боевое крещение Аня Озёрова получила в обороне. Была ранняя весна. Днём снег подтаивал и в ложбинах был пропитан талой водой, как губка. Немцы тогда ещё и не догадывались, что у нас появились снайперы, и спокойно передвигались в полный рост. Анна, как и положено, вышла с напарницей Александрой Фёдоровой в 4 часа утра на нейтральную полосу. Заняли девушки высмотренные днём накануне удобные позиции, замаскировались, разложили патроны и стали ждать.

Томительно тянулись предрассветные часы. Вот уже затекли и замёрзли ноги. Пошевелиться нельзя — демаскируешься. Наконец-то показался человеческий силуэт. Выстрел. Через некоторое время на бугорок поднял-

ся второй вражеский солдат, но не сделал и шагу — был сражён пулей снайпера. По упавшему фашисту Анна выстрелила ещё раз. Тут ещё двое немцев оказались в поле зрения, но больше она не смогла стрелять. На глаза накатились слёзы. Не просто было простой деревенской девчонке стать солдатом...

В бедной крестьянской семье росло четверо ребят. Тридцать третий голодный год унёс отца, а в тридцать восьмом — умерла мать.

Аня к тому времени окончила семилетку и уехала в Мичуринск и поступила учиться в ФЗО при мясокомбинате. Только свыклась с городской жизнью, с самостоятельностью, как грянула война.

В первое время часто ей снилась родная деревенька Епанчино с бегущей среди луговых цветов речушкой. Тысячи её сверстников и сверстниц надели военные шинели.

Среди защитников Родины и были её два старшие брата. Не могла Анна оставаться в тылу и пошла добровольцем на фронт.

Сентябрь 1944 года. «В сложных условиях и при быстро изменяющейся обстановке девушки-снайперы проявляли небывалую находчивость при выборе огневых позиций и показали умение метко поражать цель. Член Военного Совета 3-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант Рудаков». Это выдержка одного из многочисленных писем на имя начальника Центральной снайперской школы.

За лаконичной формулировкой письма стоит многое — ежедневный, тяжёлый, изнурительный труд, который невозможно сравнить ни с каким другим трудом в мирное время. Вот, что рассказывает сама Анна Петровна: «Это было в Пруссии. Наши войска вклинились на несколько километров в немецкую оборону, но подкрепление во время не подошло, и наша группа с полковым знаменем оказалась на передовом крае. Мы узнали об этом только тогда, когда на нас обрушился шквал автоматного огня. Мы оказались в маленьком хуторе на краю леса. Справа от нас находился глубокий овраг и, чтобы захватить нашу группу, противнику было достаточно пробраться в этот овраг.

Помню, я оказалась у одной из узких щелей огромного сарая рядом с молоденьким лейтенантом. Тогда я подумала, что этот бой будет для меня последним, но страшнее смерти казался плен. Застрелить себя из снайперской винтовки невозможно, и я попросила лейтенанта сделать это, как только немцы ворвутся в сарай. «Не горюй, сестрёнка! — бросил он — У меня есть граната!» Мы видели, как фашисты группами перебежали в овраг, усиливая огонь, а потом забросали нашу сторону дымовыми пашками.

Когда дым рассеялся, мы заметили, что в лесу началось какое-то движение. Послали разведку.

В это время девушки перевязывали раненых, я наблюдала за местностью, а лейтенант прятал полковое знамя. И вдруг из лесу грянуло громогласное родное: «Ура!». Это пришло подкрепление. Линия фронта была выровнена. Трудно передать, какими счастливыми были для нас те минуты...»

Снайпер — это особый род боевого искусства. Снайпер, замерзая в лютую стужу, распухая от комариных укусов, часами ждёт свою цель. Малейшее движение грозит смертью, особенно, когда охота идёт на вражеского снайпера, когда перед тобой хорошо обученный противник.

В жестоком поединке побеждает тот, у кого больше выдержки. Поэтому ранения у снайперов были очень редкими.

За малейшую ошибку, демаскировку девушки платили жизнью. 180 женщин-снайперов погибло на полях сражений. Но ещё более многочисленные потери несли гитлеровцы, которые долго не могли поверить в то, что им не дают покоя «фрау» и считали, что на передовую прибыли сибирские стрелки. Только в «охоте» женщины-снайперы уничтожили более дивизии немецких солдат. А сколько им приходилось ходить в рукопашную, выносить раненых с поля боя, помогать разведке, обнаруживать доты, огневые точки...

Бывали в суровой фронтовой жизни и смешные эпизоды. Вот один. Однажды её напарницу срочно вызвали в штаб, и на задание пришлось идти одной.

Ночь. На фоне недавно выпавшего снега, ещё не тронутого разрывами снарядов, чернел кустарник да редкие стволы деревьев. Пройти предстояло около четырёх с лишним километров. Анна благополучно добралась до намеченного рубежа и только приготовилась выбрать подходящее место для маскировки, как заметила впереди за кустами двоих, стоящих друг против друга и загадочно молчащих. Кто это? Свои или чужие? Девушке были видны только ноги, а всё остальное было скрыто густыми зарослями кустарника. «Сколько же можно так стоять? Ведь время летит! — нервничала Анна, — так и рассвет начнётся, и я замаскироваться не успею». Решила незнакомец застать врасплох. Вскочила с криком: «Руки вверх! Кто здесь?» В ответ тишина. Хорошо, что до немецких окопов было далеко — не услышали. А те двое — как стояли, так и стоят. Тогда девушка стала бесшумно продвигаться вперёд. За кустами... стояла лошадь и спокойно дремала.

От столь мирной картины девушка чуть не разрыдалась с досады. Придя в себя, она ласково потрепала конягу по холке и тихонько прошептала: «Уходи, милая, тут тебя убьют». Направила виновницу происшествия в нашу сторону. А вечером в прифронтовой землянке было столько смеха, что хоть колокольчики на уши вешай.

Настал долгожданный конец героической схватки советского народа с гитлеровским фашизмом. Пришла долгожданная Победа. Взвод девушек возвращался на Родину. «Но снайперские винтовки были при нас, — вспоминала Анна Петровна. — Мы ждали отправки на японский фронт».

Когда военный состав пересёк границу у девушки, впервые после долгих лет, ступили на родную землю, сколько было радости и ликования.

Было это под городом Львовом.

«Мы расположились у небольшого лесного озера и принялись стирать своё нехитрое обмундирование, купаться. И вдруг: «Снайперы! В ружьё!» В первую минуту мы подумали, что это просто учебная тревога, продолжали дурачиться и со смехом натягивали свои мокрые гимнастёрки, которые прилипали и никак не хотели нам подчиняться.

Но на построении нам объявили, что недобитые полицаи убили связиста. Нужно было прочесать лес.

Фашистских приспешников было четверо и все они не ушли от расправы».

Много лет прошло с тех пор. Анечка-снайпер давно уже стала бабушкой, но не заросли травой забвения воспоминания боевой юности. Она призналась, что и сейчас ей снятся сны, в которых она всё ищет свою снайперскую винтовку под номером 2526, снимает вражеских «кукушек», идёт в рукопашную, выносит раненых с поля боя.

На её боевом счету 24 убитых врага...

Только в августе 1945 года, после демобилизации вернулась Анна Петровна в Мичуринск. Узнала, что один её брат погиб за Родину, а второй был тяжело ранен в бою и стал инвалидом.

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ТВОРЧЕСТВО ТИХОНА ХРЕННИКОВА

ДОСТИЖЕНИЯ 40—60-х ГОДОВ

Начало сороковых годов в творчестве Хренникова было ознаменовано новыми музыкальными замыслами. Он работал над созданием народной музыкальной комедии, которую ставил Иван Пырьев по сценарию Виктора Гусева «Свинарка и пастух». Это была его первая большая работа в кино. Увлекательный сценарий органически включал в себя музыку, и композитор воплощал её с огромным энтузиазмом. «Мирный фильм», однако, завершался уже в дни начавшейся Отечественной войны. Режиссер Пырьев монтировал картину в дни начавшихся фашистских налетов на Москву. В этих необычных условиях поэт Виктор Гусев дописал для сценария злободневные строки финальной песни, которая стала звучать вместе с музыкой Тихона Хренникова: «И когда вражьи танки промчатся,/Мы с тобою пойдем воевать...» Смерч войны буквально ворвался в казалось бы безоблачную картину. Мелодии фильма стали необычайно популярными и действенными в борьбе с врагом. Газета «Советское искусство» писала: «В суровые дни боев за нашу родную Москву выходит на экраны эта картина. И хотя её никак нельзя назвать оборонной лентой, «Свинарка и пастух» будит патриотические чувства у каждого советского человека, вызывает еще больше любви к родной Москве, ко всей нашей стране и её простым

советским людям. Горячим призывом к защите своей Родины звучат слова песни в финале картины» [1].

За участие в фильме композитор был удостоен в 1942 году Государственной премии. В другом фильме того времени — «Мы ждем вас с победой», — снятом И. Траубергом и А. Медведкиным, наряду с песнями В. Захарова и А. Александрова прозвучала песня Хренникова «Прощание» на слова Ф. Кравченко. Эта песня соединяла суровый гнев и нежную задушевность мелодии, сдержанный драматизм и маршевый ритм военных будней и стала горячим призывом к сражающимся воинам.

Хренников увлеченно работал в песенном жанре и издал в первые месяцы войны такие песни, как «Вороны фашистские будут перебиты» (на слова В. Лебедева-Кумача), «Песня о дружбе» (слова А. Барто), «Новогодняя песня» (на стихи И. Уткина). Все они приобрели широкую популярность. Композитор выезжал с концертными бригадами на фронт, в воинские части, госпитали, на предприятия. Нередко его спутником был писатель и друг Лев Кассиль. Создал Хренников и необычную для себя строевую армейскую песню «Все за Родину», вводя в походный марш лирическое начало. Та же особенность ощущалась и в таких песнях Хренникова, как «Воевать мы мастера» (текст В. Лебедева-Кумача),

«Уралыцы бьются здорово» (на слова А. Барто). Последняя из них получила высшую премию на конкурсе массовых песен. Была создана и шуточная песня «Есть на Севере хороший городок» на текст В. Гусева, которая стала любимым номером в репертуаре армейских ансамблей.

Находясь с осени 1942 года в Свердловске, где проживала его семья, Хренников обратился к поэзии Р. Бёрнса в переводах С. Маршака. Цикл состоял из пяти песен для сопрано, тенора и баритона. Романсы передавали различные настроения — от печали до радостного возбуждения. Наиболее выразительной была миниатюра «Лучший парень». Этот и другие романсы цикла ярко исполнял Ефрем Флакс.

Крупным произведением этого времени стала Вторая симфония до минор. Её первая часть была создана ещё в 1940 году. Она носила светлый и жизнерадостный характер и мыслилась как лирическая симфония, хотя в ней передавалась героика наших дней. Главная тема этой части отличалась лёгкостью, подвижностью. Но постепенно она приобретала драматичность и строгость. Побочная тема воспроизводила мир поэзии, трепетных переживаний и мечты. В разработке, однако, уже слышались тревожные интонации, чувствовалось напряжение и возникали эпизоды борьбы. Возникало ощущение пророчества скорых битв и сражений. Тем не менее в заключении оживала та радостная мелодия, с которой симфония начиналась.

21 августа 1941 года эта первая часть произведения была исполнена оркестром всесоюзного радиокомитета под управлением Николая Голованова и прозвучала в эфире. Хренников полагал, что первая часть

наполнена «радостью прекрасной мирной жизни». Но современники услышали в музыке не только безмятежность, но и большую драматическую силу. Особенно ощущалась она в разработке и тревожной репризе.

В начале 1942 года композитор продолжил работу над симфонией. Через три месяца были сочинены вторая и третья части, а к концу года была завершена и четвертая часть. Автор, откликаясь на грозные события войны, стремился передать твердую волю к победе над фашистским нашествием.

Вторая часть создавалась в самые тревожные дни, когда гитлеровцы угрожали Москве и рвались к Волге. Музыка передавала скорбное повествование о событиях кровавой битвы. Звучит мелодия солирующего кларнета, трогательная в своей печали и тревоге. Повествование получает все более драматические краски. Слышатся народное горе и авторский гнев. Звучат скрипки, но их голоса неожиданно обрываются. Адажио замирает.

Третья часть (Аллегро molto) тревожное скерцо. В его стремительном движении возникают незаконченные мелодии маршевого или песенного характера. Финал (Аллегро марциале), по мнению музыкальных критиков, перекликается с первой частью Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Противостоящие силы света и мрака, добра и зла вступают в решительный поединок. Звучит напряженный марш, который сменяется спокойной и даже несколько однообразной мелодией, неоднократно повторяющейся. Чувствуется слепая механическая стихия, несущая разрушение, смерть и насилие. Некоторое время

властвует злоба, исключаяющая мелодию, враждебная красоте. Но этой бесчеловечной силе приходит конец. Победу одерживают светлые и мужественные образы. Звучит уверенность в торжестве добра и света.

Премьера состоялась 10 января 1943 года в Колонном зале Дома союзов и имела большой успех. Симфония несколько раз транслировалась по радио и была высоко оценена критикой. Музыковед И. Нестьев относил исполнение к самым значительным музыкальным событиям в тогдашней Москве и считал её стилистической вершиной развития Т. Хренникова за последние годы.

Но сам композитор ощущал некоторую неудовлетворенность финалом произведения. Он переделал четвертую часть, придав ей драматургическую целостность и внеся радостное, оптимистичное начало. Так появилась окончательная редакция 1944 года, которая была исполнена 9 июня в Москве под управлением Н. Голованова. В итоге симфония заняла прочное место среди вершинных музыкальных сочинений времен войны: пятой симфонии С. Прокофьева и Седьмой Д. Шостаковича.

Сразу же после завершения симфонии Хренников вместе с И. Пырьевым и В. Гусевым приступил к работе над новым музыкальным фильмом. Первоначально озаглавленный «Дочь Москвы», он стал называться «В шесть часов вечера после войны». Картина вышла на экраны осенью 1944 года и была воспринята как художественное пророчество скорой победы. Зрителей волновала и «Песня артиллеристов» из фильма, и песни-ожидания конца войны, и мелодия встречи

в шесть часов вечера после её завершения. Газета «Красная звезда» сообщала: «Глубоко волнует финал картины — ожидания Кудряшовым любимой Вари в шесть часов вечера после войны. Эта встреча хорошо гармонирует с нашими сегодняшними чувствами: вся страна находится в преддверии великой победы...» [2].

Её празднование Хренников отметил в Берлине, куда он был командирован и где он играл для воинов, водрузивших Знамя Победы над Рейхстагом. Композитор уже вынашивал замысел новой лирической оперы — «Фрол Скобеев», — в которой был намерен воплотить черты русского национального характера. Примечательно, что идею создания такой оперы подсказал Вл.И. Немирович-Данченко, видевший единственного композитора для сюжета — Тихона Хренникова. Последний познакомился с повестью неизвестного автора 18 века о Фроле Скобееве и с пьесой Д.А.Аверкиева на этот сюжет. Замысел комической оперы созрел. Композитор обогатил действие национальным колоритом, выразительной мелодикой и яркой жизнерадостностью. К 1947 году партитура была завершена. Сразу же начались репетиции в Музыкальном театре имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко. Правда, нашлись противники этого замысла, считавшие сюжет из истории несовременным. Появилась эпиграмма: «Не лучше ль, Тихон Хренников, / заметить современников». Но работа над оперой продолжалась, и комический спектакль был доведен до премьеры, состоявшейся 24 февраля 1950 года. Дирижером стал С.А. Самосуд, художником — Б.И. Волков, солиста-

ми — Ю. Юницкий и А. Аникаенко (Фрол), Л. Авдеева и Т. Янко (Варвара), В. Андриевский и В. Канделаки (Тугай-Редедин), Г. Дударев и П. Коробков (Ордын-Нащокин). Л. Авдеева вспоминала, что это был один из самых ярких спектаклей за всю ее сценическую жизнь, а Г. Дударев считал «Фрота Скобеева» лучшим произведением в творчестве Хренникова и отмечал необыкновенное разнообразие мелодий. Эта плутовская комедия с переодеванием и похищением, запутанной интригой и двумя счастливыми свадьбами в финале пленяла зрителей и слушателей. Но, по настоянию критиков-ретроградов, опера была снята с репертуара. Но спустя пятнадцать лет возникла новая редакция этого произведения, которая появилась снова на сцене с другим названием — «Безродный зять». Теперь музыка обрела особую легкость, Фрол Скобеев стал более рельефным, опера лишилась излишней детализации, а финал ее ныне воспевал радость жизни, добро и любовь. Оперу с энтузиазмом приняли к постановке в Москве и в Новосибирске. Возрождение оперы стало триумфальным.

Вновь Т. Хренников пишет песни для фильмов. Для Ю. Райзмана была создана музыка к фильму «Поезд идет на Восток», а для Л. Лукова — к кинокартине «Донецкие шахтеры». Зритель хорошо запомнил «Студенческую песню» и «Поезд идет все быстрее» (на стихи М. Светлова). Любопытно, что в фильме Райзмана Хренников выступил впервые и как актер, сыграв роль поющего матроса, аккомпанирующего себе на аккордеоне. В 1954 году вышел фильм «Верные друзья» Г. Калатозова, для которого Хренников создал

песни «Что так сердце растроено» и «Лодочка», очень обогатившие картину и помогшие ей обрести счастливую жизнь на экране. Эти песни вдохновенно исполняли Г. Отс, Е. Кибкало, Л. Гриценко и М. Магамаев.

В 1948 году на Первом Всесоюзном съезде композиторов Тихон Николаевич был избран генеральным секретарем Союза советских композиторов. Хотя ему было всего 35 лет, но значителен был его музыкальный авторитет, замечательным была его общественная активность. На этой должности композитор проработал много лет, став с 1957 года 1-м секретарем правления Союза композиторов СССР. Три с половиной десятилетия он стоял во главе композиторской организации страны. А с 1961 года он становится депутатом Верховного Совета СССР, будучи избранным жителями Новгородской, Смоленской областей и Дагестана. Родион Щедрин размышлял о Хренникове так: «Что же делает Тихона Николаевича настоящим вожаком? Сочетание авторитета музыканта с редкими человеческими достоинствами. Талант радоваться достижениям других — собратьев, коллег <...>. Подлинная доброжелательность, сверхмобильные реакции. Способность все схватить и понять с четверти тона, мудрость стратегии, колоссальный опыт человеческого общения. Абсолютная неподверженность панике в трудных условиях...» [3].

Но эти обширные обязанности, легшие на плечи композитора, не погасили его творческого дара. Летом 1950 года он перечитал горьковский роман «Мать», вдохновился им и твердо решил написать оперу. Он отправился в г. Горький, бродил

по улицам Сормово, встречался с рабочими и с женой Заломова. Либреттистом был избран драматург А. Файко, вместе с которым Хренников принялся за работу. В 1955 и 1956 годах состоялось прослушивание написанной оперы в ленинградском Кировском театре и в Большом. Здесь увлеченный автор играл и пел все вокальные и хоровые партии. Высокую оценку опере дал Д. Шостакович («она на меня подействовала очень сильно») и дирижер Е. Светланов («необычайно творческий запал»). 8 января 1957 года в Большом театре начались репетиции. Постановкой руководил режиссер Николай Охлопков, художник Вадим Рындин и дирижер Борис Хайкин. В их замыслах и приемах было много интересного, ярко изобретательного, театрально выразительного. Особенно впечатлила всех сцена шествия рабочих, манифестация, организованная Охлопковым. Но грациозность и монументальность постановки, задуманной режиссером, вступала в определенное противоречие с характером музыки Хренникова, исполненной задушевностью, теплотой, человечностью. Это противоречие устранено не было. На сцене высились очертания завода, выступали гранитные знамена. На авансцене был символический светильник. Двадцать шестого октября 1957 года состоялась премьера оперы «Мать» Т. Хренникова. Это событие было приурочено к 40-й годовщине Октября.

На московской премьере побывала Ж.А. Заломова — вдова Петра Заломова, прототипа Павла Власова. Она писала: «Опера «Мать» всколыхнула в моей памяти события прежних дней, вспомнилось все пережитое. Невольно происходя-

щее на сцене я сравнивала с тем, что было в жизни <...>, спектакль мне понравился и оставил хорошее впечатление. Замечательна музыка композитора Т. Хренникова, особенно хоровые моменты: песня из первой картины «Осень темная», хор на железной дороге, хор «Довольно нам горя». Большое впечатление производит увертюра к опере в блестящем исполнении оркестра Большого театра...» [4].

Одновременно (с разницей в несколько дней) оперу Хренникова поставили в Ленинграде и в Горьком. Именно на родине автора романа «Мать» ближе всего подошли к своеобразию оперы как музыкального произведения. Режиссер А. Бакалейников постарался раскрыть прежде всего мир чувств и переживаний героев, к чему обязывала его музыка Т. Хренникова — не только героическая, но и лирическая. В споры о трактовке оперы «Мать» включился и поэт Сергей Городецкий, который свой отзыв написал в стихах:

Нужен был талант — и силы! —
Чтоб мысль в звук переиначить!
Тихон скромный, Тихон милый
С этой справился задачей.
Хороши большие хоры,
Оркестровых звуков грозы.
Хорошо, хоть слишком скоро,
Пролетают ариозо.
Но зачем дерзец удалый,
Умный режиссер-новатор
Заклучил в стальные скалы
Мебель, комнаты, вокзалы? <...>
Нет, Охлопков! Вы ошиблись!
Не нужна чужая призма!
Ведь в стилистике погибли
Сцены, полные лиризма... [5].

Опера «Мать» Т. Хренникова истолковала книгу Горького по-сво-

ему, глазами лирического художника. Произведение композитора отличается огромным лирическим богатством, жанровым разнообразием эпизодов, национальной характерностью, оригинальностью трактовки первоисточника, сочетанием выразительности чувствительных образов с общественностью массовых сцен, что нашло выражение в ариях, дуэтах — и хорах, звучавших соло в «поющем» оркестре. В этом заключается её своеобразие и сказывается её значение.

К сожалению, сначала из-за сложности оформления, потом из-за наветов недоброжелателей, затем из-за переоценки революционных событий в обществе замечательная опера Т. Хренникова быстро сошла со сцены. В Москве она продержалась

в течение нескольких сезонов, а в Ленинграде выдержала всего 11 спектаклей. Зато в Болгарии Русенский театр поставил оперу Хренникова спустя 10 лет после её создания и выпустил её с большим успехом

Между тем Тихон Хренников по-прежнему был полон энергии. С 1961 года он начал преподавать в Московской консерватории, а в 1966 году стал её профессором. За свои достижения в области музыки он в 1946, 1952 и 1967 годах будет удостоен Государственной премии СССР. Шестидесятые и последующие годы станут временем его заслуженного триумфа.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Советское искусство, 1941, 11 ноября.
2. Красная звезда, 1944, 19 ноября.
3. Советская музыка, 1973, 7.
4. Григорьев А., Платек Я. Его выбирало время — М.: Советский композитор, 1983 — с. 217.
5. Там же — с. 219.

*Лариса Лесина
(Россия, Санкт-Петербург)*

МУЗЕЙ ИСААКА ШВАРЦА В пос. СИВЕРСКИЙ

На тихой дачной улочке в уютном доме жил и работал гениальный Сиверский отшельник — Исаак Шварц, единственный российский кинокомпозитор, награжденный "Оскаром" за музыку к фильму "Дерсу Узала", поставленный Акирой Кurosавой.

Исаак Шварц удостоен Гран-при на многих международных кинофестивалях, ему трижды присуждалась высшая кинематографическая награда России — премия «Ника».

Именно здесь, в Сиверском, родились мелодии к более чем 100 фильмам, многие из которых вошли в золотой фонд отечественного и мирового кинематографа: "Братья Карамазовы", "Живой труп", "Дикая собака Динго", "Семейное счастье", "Карусель", "Бегство мистера Мак-Кинли", "Соломенная шляпка", "Егор Бульчов", "Станционный смотритель", "Сто дней после детства", "Дерсу Узала", "Из жизни отдыхающих", "Избранные", "Белое солнце пустыни", "Звезда пленительного счастья", "Обрыв", "Нас венчали не в церкви", "Мелодия белой ночи", "Блондинка за углом", "Проверка на дорогах", "Каникулы Кроша", "Необычайное пари", "Не стреляйте в белых лебедей", "Последняя жертва" и многие другие.

В гостеприимном доме Исаака Иосифовича двери всегда были распахнуты для людей, — к нему приезжают погостить Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Андрей Миронов, Зиновий Гердт, Иннокентий Смоктуновский, Сергей Соловьёв, Иосиф Бродский, Владимир Мотыль. Во время работы над фильмом здесь жил Акира Кurosава, неделями гостил Павел Луспекаев.

Двери этого дома распахнуты и сейчас для друзей почитателей творчества композитора. Здесь бережно хранят память об авторе множества мелодий, песен, романсов, здесь всегда звучит его музыка.

И.И. Шварц — народный артист России, лауреат Государственной премии России, академик Национальной академии кинематографических искусств и наук России и Российской академии кинематографических искусств «НИКА». В 2000 году ему была присуждена Царскосельская художественная премия «За уникальное собрание романсов на стихи русских поэтов XIX—XX веков». В 2003 году И.И. Шварцу присвоено звание почетного гражданина Ленинградской области.

Родился 13 мая 1923 года в городе Ромны Черниговской области (Украина).

Отец — Шварц Иосиф Евсеевич (1889 г. рожд.).

Мать — Шварц Рахиль Соломоновна (1890 г. рожд.). Супруга — Нагорная Антонина Владимировна, экономист. Дочь — Лапшова Галина Исааковна.

Исаак Шварц вырос в интеллигентной, хорошо образованной семье. Его дед по отцовской линии имел духовное звание, в начале XX века он переехал в Ромны из Прибалтики. Бабушка по линии матери была в родстве с известным скульптором Антокольским. Отец Шварца — филолог, окончил Петербургский университет, мама — выпускница Киевского коммерческого института, преподавала математику, литературу и русский язык в школе. Родители с ранних лет привили Исааку и его сестрам Софье и Марии любовь к чтению и музыке, которую Иосиф Евсеевич очень любил, сам был обладателем красивого, сильного голоса.

В 1930 году семья Шварца переехала в Ленинград, где он начал заниматься в Доме художественного воспитания детей (ДХВД) по классу рояля у преподавателя А.С. Замкова.

В доме часто собирались друзья отца по университету и устраивали настоящие музыкальные вечера. В Ленинграде Иосиф Евсеевич познакомился

с молодым Д.Д. Шостаковичем, творчество которого очень ценил и талантом которого не переставал восхищаться. Старшая сестра Шварца — Софья, в то время уже студентка консерватории, была прекрасной пианисткой. Именно она познакомила его с произведениями Моцарта, Бетховена, Чайковского, Бизе и других классиков.

В 1935 году в жизни 12-летнего Исаака Шварца произошло очень важное событие. Он принял участие в концерте молодых дарований в Большом зале Ленинградской филармонии — в сопровождении оркестра филармонии блестяще исполнил 1-ю часть Первого концерта Шопена. Юного пианиста заметил выдающийся музыкант и педагог профессор Леонид Владимирович Николаев. Шварц начал брать у него уроки, не оставляя занятий у А.С. Замкова. Однако вскоре случилось несчастье, в корне изменившее его судьбу, — 9 декабря 1936 года отец Исаака, едва оправившись после перенесенного инфаркта, был арестован органами НКВД. Этот день стал роковым для всей семьи. После изнурительных допросов в марте 1937 года Иосиф Евсеевич был осужден по 58-й статье за «антисоветские разговоры» и приговорен к 5 годам лишения свободы. Из заключения он не вернулся — погиб в лагере...

Летом того же года Рахиль Соломоновна с детьми выслали из Ленинграда в Киргизию, в город Фрунзе. Здесь она устроилась работать на швейную фабрику. Роль кормильца в семье занял 14-летний Исаак: он начал давать частные уроки игры на фортепиано детям местных чиновников. Участь в школе и давая по 3–4 урока в день, он выкраивал время для самостоятельных музыкальных занятий, как только удавалось найти где-либо «порядочный» инструмент, что было крайне непросто в условиях ссылки.

В ссылке судьба свела Шварца со многими образованнейшими людьми (среди «спецпереселенцев» были филологи, историки, философы), общение с которыми обогатило его на всю жизнь, во многом предопределило будущую работу композитора над музыкальным оформлением спектаклей и кинофильмов по произведениям русских классиков Ф. Достоевского, А. Пушкина, А. Островского, А. Гончарова, И. Тургенева, А. Чехова, Л. Толстого, М. Горького.

В 1938 году Исаак Шварц начал брать уроки композиции у замечательного педагога В.Г. Фере. В последующие годы ссылки он приобрел ценные профессиональные навыки, работая концертмейстером в Киргизском государственном театре. Во время Великой Отечественной войны он руководил хором и оркестром Красноармейского ансамбля песни и пляски Фрунзенского военного округа. В 1943 году он женился, вскоре родилась дочь Галина.

Во Фрунзе Шварц познакомился с сестрой Д.Д. Шостаковича Марией Дмитриевной, пианисткой, сосланной по аналогичному поводу. Когда в 1945 году срок ссылки окончился, по ее просьбе Дмитрий Дмитриевич принял Шварца в Ленинграде. Шостакович обратился к профессору Ленинградской консерватории Б.А. Арапову с просьбой принять талантливого музыканта, несмотря на его слабую теоретическую подготовку, в свой класс композиции на 1-й курс, с условием, что Шварц интенсивно займется теоретическими дисциплинами. Исаак Иосифович вспоминает, что при первой же встрече Дмитрий Дмитриевич отнесся к нему с большой теплотой и участием. В

дальнейшем Шостакович следил за развитием его творчества, помогал советами, радовался его удачам.

В последующие годы И. Шварц пишет светлую, колоритную по оркестровке Молодежную увертюру для симфонического оркестра (1957), балеты «Накануне» (либретто А. Белинского) и «В стране чудес» (либретто Л. Якобсона).

Балет «Накануне» (Ленинградский государственный академический Малый театр оперы и балета, 1961) вдохновлен сюжетом и образами знаменитого романа И.С. Тургенева. Музыка балета увлекательно повествует о людях и событиях романа. Композитор умеет передать и «лирический пафос» своих героев, и героический порыв, и прерывистые интонации взволнованной речи, заставляет учащенно биться пульс музыки в напряженные моменты жизни героев. Сюита из балета часто исполнялась в концертах оркестром Ленинградской филармонии.

Другой балет, «Страна чудес» (1967), поставленный в Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета имени С.М. Кирова, явился плодом сотрудничества композитора с выдающимся хореографом Леонидом Якобсоном. Повествование о войне с фашизмом здесь облачено в форму русской сказки, музыкальное решение которой связано с традициями Римского-Корсакова, Стравинского и Прокофьева. Сотрудничество с Л. Якобсоном стало важной вехой в творческой судьбе композитора. Для знаменитых «Хореографических миниатюр» Якобсона Шварцем были написаны музыкальные номера «Сильнее смерти», «Подвиг», «Вакханалия» и «Лирический вальс».

Возможность творческого сотрудничества с виднейшими мастерами театра и кино привлекла Шварца к работе над музыкальным оформлением драматических спектаклей и фильмов. В конце 1950-х годов им была написана музыка к знаменитым постановкам Георгия Товстоногова «Идиот» Ф.М. Достоевского и «Горе от ума» А.С. Грибоедова в Ленинградском академическом Большом драматическом театре имени М. Горького. В дальнейшем прославленный режиссер вновь обратился к музыке Шварца, работая над спектаклями «Не склонившие головы» Н. Дугласа и Г. Смита «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского. В разное время композитор сотрудничал также с другими театрами Ленинграда и Москвы. Он автор музыки к спектаклям «Доходное место» А. Островского (Ленинградский театр имени А. Пушкина, режиссер Р. Суслович), «Лес» А. Островского (ЦТСА, режиссер В. Мотыль), «Молва» А. Салынского (Московский театр имени В. Маяковского, режиссер А. Гончаров) и многим другим (всего свыше 35 спектаклей). В театре в полной мере раскрылось яркое лирическое дарование И. Шварца, присущий ему тонкий психологизм, незаурядное чутье музыканта-драматурга.

В 1958 году И. Шварц дебютировал в кинематографе, став автором музыки к картинам «Неоплаченный долг», «Наш корреспондент» и «Балтийское небо». С этих пор работа в кино на долгие годы стала главной в творчестве композитора. Он успешно сотрудничал с такими крупнейшими кинорежиссерами страны, как И. Пырьев, М. Ромм, И. Хейфиц, С. Микаэлян, В. Венгеров, М. Швейцер, Ю. Карасик, В. Мотыль, С. Соловьев, Н. Губенко, Г. Аронов, А. Бобровский, А. Герман, П. Тодоровский, Р. Нахапетов, С. Бодров, П. Лун-

гин, В. Бортко, Е. Татарский. Исаак Шварц написал музыку более чем к 110 фильмам, многие из которых вошли в золотой фонд отечественного и мирового кинематографа: «Братья Карамазовы», «Живой труп», «Дикая собака Динго», «Семейное счастье», «Карусель», «Бегство мистера Мак-Кинли», «Соломенная шляпка», «Егор Булычов», «Станционный смотритель», «Сто дней после детства», «Дерсу Узала», «Из жизни отдыхающих», «Избранные», «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья», «Обрыв», «Нас венчали не в церкви», «Мелодия белой ночи», «Блондинка за углом», «Проверка на дорогах», «Каникулы Кроша», «Необычайное пари», «Не стреляйте в белых лебедей», «Последняя жертва» и др. С Исааком Шварцем в кино работали замечательные дирижеры Ю. Темирканов, Э. Хачатурян, А. Лазарев, В. Понькин, Е. Колобов, В. Джордания, М. Эрмлер.

Когда знаменитый японский режиссер Акира Куросава начал снимать в России свой фильм «Дерсу Узала», из многочисленных композиторов, с чьей музыкой он познакомился, он выбрал именно Шварца. И не случайно. Музыка Шварца входит в фильмы как неотъемлемая часть их художественной сущности, вступает в полифоническое взаимодействие со зрительным рядом, открывая в запечатленных образах заранее непредставимые глубины. Композитор обладает замечательным умением «не иллюстрировать события на экране, а лирически осмысливать их в музыке» (В. Мотыль). Это высоко ценят режиссеры.

Владея разными типами композиторской техники, Исаак Шварц превыше всего ценил в музыке искренность, простоту, мелодическую естественность, его музыка насыщена добротой и человеколюбием. Композитор всегда оставался верен своей музыкальной стихии, где нежная мелодичность, грустная улыбка и драматизм объединены его любовью к героям, стремлением вместе с ними поразмыслить над их печалью и радостями.

Многие мелодии, песни и романсы Шварца из кинофильмов сошли с экрана и получили самостоятельную жизнь в музыкальном быту и на эстраде, принесли автору всенародную любовь: Вальс и «Песенка кавалергарда» из кинофильма «Звезда пленительного счастья», песня «Ваше благородие, госпожа разлука» («Белое солнце пустыни»), романс «Наряд подвенечный» («Нас венчали не в церкви»), песни из кинофильма «Соломенная шляпка» и др. В концертах исполнялись сюиты из кинофильмов «Егор Булычов», «Звезда пленительного счастья», «Мелодия белой ночи», «Станционный смотритель».

Особую роль в жизни композитора сыграли дружба и долготелее плодотворное сотрудничество с поэтом Булатом Окуджавой, на стихи которого он написал 32 песни и романса.

«Мы с Булатом были из тех, кто не забывал, откуда мы родом... Нет, мы не были активными противниками строя, не были антисоветчиками. Мы были патриотами своей страны, своей истории. Еще чуть-чуть, наверное, и мы могли бы стать диссидентами. Во всяком случае мы им очень сочувствовали... Поэтому всю литературу, которая тогда начала выходить в самиздате, мы читали, знали и через гул глушилок слушали «радиоголоса» из-за рубежа...

Многие из них стали поистине народными («Не обещайте деве юной», «Ваше благородие...», «Любовь и разлука», «Капли датского короля», песенки из кинофильма «Соломенная шляпка» и др.). Окуджава очень высоко ценил

редкостный дар Шварца «извлекать музыку из самого стихотворения, ту самую, единственную, которая только и существует для каждой строки».

В 2000 году композитор вновь обращается к симфоническому жанру, с которого начиналась его творческая жизнь. Он пишет Концерт для оркестра «Желтые звезды» (или «Пуримшпиль в гетто») в 7 частях. Идея создания этого сочинения возникла у него под впечатлением документальных записок одной из узниц каунасского гетто, особенно потрясших композитора описанием празднования Пурима — веселого еврейского праздника, ставшего в нечеловеческих условиях лагеря смерти праздником «с петлей на шее». Исаак Шварц посвятил свой концерт памяти шведского дипломата Рауля Валленберга, в годы Второй мировой войны спасшего от смерти десятки тысяч евреев. Концерт «Желтые звезды» — лирический гимн мужеству, мудрости, достоинству и чувству единства людей, преодолевших страх гибели.

После премьеры, состоявшейся 10 мая 2000 года в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии имени Д.Д. Шостаковича (дирижер В. Альтшулер), концерт исполнялся в Москве Российским национальным оркестром (дирижер П. Сорокин), в Киеве (дирижер Р. Кофман) и снова в Петербурге (дирижер Н. Алексеев) — каждый раз с неизменным успехом. В 2002 году концерт «Желтые звезды» был записан на компакт-диск в исполнении Владимира Спивакова и Российского национального оркестра.

Исаак Иосифович Шварц скончался в поселке Сиверский Ленинградской области, где жил и работал последнее время.

Замечательный, добрый, трогательный музей после посещения которого остается теплое чувство знакомства с прекрасным, великим, но таким близким искусством, а в душе еще долго будут звучать мелодии белой ночи.

Ева Талая
(Украина, г. Харьков)

ПОЛЕТ К РЕАЛЬНОСТИ (Продолжение)

НЕБЕСНЫЙ ЧЕРТОГ

От торжественности момента крылышки Херувима трепетали и светились ярче. Сегодня ему предстояло явиться в Чертог и он, как и подобает в таких случаях, очень волновался. Просвещённые собрались в большом зале храма с главным порталом и очень скоро все продвинутые херувимы предстанут перед ними, для инициации. Перси понимал, что уникальное событие в его жизни, к которому он так долго себя готовил, вот вот свершится и ему нужно будет собрать все свое умение и знания, чтобы воплотить в реальность силу своего предназначения.

У главного грота собрались другие обитатели планеты Луга, все они были не менее взволнованы, чем он. Присутствовали несколько душ, которым предстояло также отправиться в Чертог, их путь был окончен, и после инициации херувимов должно было состояться таинство их просвещения. Они небольшой группой собрались сразу за малышами херувимами, вселяя благоговейный трепет в рядах последних, излучая благодатную энергию спокойствия. Пройденный ими путь давал им преимущество перед любыми эмоциями этого мира, ибо беспредельная радость предстоящего события и возвращение к Любви служили великим утешением пережитых ими трудностей. Они не разговаривали и не общались между собой, похожие на молчаливые колоссы, излучающие энергию. Рядом с ними были души тех, кто ещё должен вернуться на путь свой, но решил присутствовать на церемонии продвижения. Этих ничто не удерживало от бесед и общения, ибо ещё сильны были привычки мирских образов их воплощений и неутолимая жажда информации. Некоторые просвещенные также присутствовали здесь, чтобы поддержать молодых херувимов и дать множество ответов и советов всем, кто пришёл на праздник. Обычные жители этого мира стояли вокруг иницилируемых широким полукругом.

Почти вся площадка у главного грота была заполнена обитателями, величественные многовековые ивы прикрывали их от брызг водопадов, мириады бабочек спустились с поверхности для украшения пространства, в храме звучала музыка, доносящаяся из широко открытых дверей. Собравшимся обитателям было видно все внутреннее убранство храма, алтарь и портал над ним, зеркала отражали свет, цветы источали аромат. Старейшины и просвещенные, продвинутые души и те, кто только готовился стать ими, столпились в храме, ожидая начала момента. Планеты почти выстроились в ряд, и солнца выходили на позицию... Алтарь засветился лиловым светом и явился Архангел. Началось.

Радость приветствия и наполненность энергией радушия переполняла разношерстное общество на церемонии. Обитатели создали единое поле благодатной энергии, центром которого был Архангел. Воздух задрожал, близится момент «ом», все были готовы соединиться с Истоком.

«Ом» — зазвучало пространство. «Ом» — запели все присутствующие. Первыми в портал стали проходить Херувимы. Один за одним они прикасались к алтарю и, причащаясь светом, исчезали в портале. Потом прошли души предпосвященных, последним, заключающим момент «ом», прошёл Архангел. Портал ровно засветился голубым светом и под ликующие возгласы обитателей все оставшиеся в храме рукоплескали и радовались — церемония началась и перешла в зал просвещения Чертога.

Перси одним из первых шагнул к алтарю, уж так не терпелось ему поскорее явиться в Чертог. Старейшина ласково приободрил его улыбкой и мысленно сказал: «У тебя все получится»!

На том конце встречал другой Архангел, приветственно улыбаясь, он каждому указал на его место. Зал просвещения был огромен, сводчатые стены, поддерживаемые колоннами, уходили ввысь к почти теряющемуся в вышине потолку. Мягкий свет струится из огромных окон, за которыми было неожиданно темно и были видны скопления галактик. Зал был круглым, в его центральной части, как и подобает каждому храму, был алтарь. Этот алтарь явно не был главным, на нем не было великой книги истины, а значит он лишь питал собой главный алтарь и был одним из важных, судя по его размеру и свечению. Перси вдруг понял, что они находятся как бы на острове, круглый зал был окантован резными перилами, за которыми до самых стен и огромных окон была пустота. Оглядевшись ещё немного и чуть умирив свой трепет волнения, он понял, что это место находится над великой библиотекой судеб, которая многочисленными этажами спускалась вниз, дна которой никто не достигал. В центре каждого этажа был колодец-алтарь, к которому, как спицы колеса, были прикреплены многочисленные стеллажи, по ним к алтарю каждого этажа-зала стекалась энергия, аккумулировалась и передавалась единым лучом вверх к главному алтарю зала просвещения и оттуда ещё выше, туда, куда рано или поздно попадают все обитатели жизни.

Знания об этом месте уже постигались херувимами одним только присутствием здесь. Архангел тем временем приветствовал пришедших предпосвященных. Обе группы вновь прибывших разделились. Одни ушли с Престолом по лестнице вверх. Другие — херувимы, в сопровождении своего Престола прошли по широкому мостику к единственной двери направо, в огромный колонный зал, сплошь уставленный столами и помостами, похожими на кафедры. Это был читальный зал для работы херувимов. Здесь трудолюбивым крылатым помощникам предстояло вносить записи в книги судеб их подопечных. Это была очень ответственная работа, требующая скрупулезности, внимания и любви.

После всех торжественных мероприятий каждого Херувима проводили к стеллажу судеб его подопечных. Перси, предчувствуя восхищение своей подопечной душой, с любовью в глазах посмотрел на уходящий вглубь стеллаж «его» души. Это была двухъярусная, двусторонняя полка с книгами, они

испускали лёгкое свечение разных по интенсивности оттенков, от белого до лилового, включая жёлтые и зелёные оттенки, голубые. Первая книга была самой яркой, солнечного свечения, это настоящая судьба воплощения его души, он не стал её трогать, ему предстоит ещё очень много времени провести над её страницами, и он не торопился. Перси пошёл вдоль стеллажа, касаясь ладонью корешков книг. Они были толстыми и потоньше, тёплыми и холодными. Пройдя несколько метров, он наугад взял книгу. Подержал ее, прижал к груди, почувствовал сколько чувств и эмоций, боли и радости она вмещает, как греет любовью. «Прочту эту первой» — решил херувим, и приготовился к нелёгкому труду своему. Ибо пока он не изучит тонкости подопечной души, он не сможет приступить к написанию новых страниц судьбы. Он поднялся в читальный зал, к своему месту творчества, трепетно и аккуратно положил книгу на стол, и произнёс имя, начертанное рунами на титуле этого труда предшественником, который до него старательно начертил — «ЭЛИЗАБЕТТА».

БЕТТИ

Вероника почти не чувствовала больше боли, схваток больше не было, и изнеможение достаточно измотало роженицу, чтобы ей уже чудился покой. Повитуха беспокоилась, ее подопечная потеряла много сил и крови, а ребенок никак не мог появиться на свет божий. Она уговаривала молодую женщину собраться с силами и в последний раз постараться вытолкнуть из себя плод. Женщина, видя проблеск слабого сосредоточения в глазах роженицы и слабую попытку тужиться, резко и сильно нажала ей на живот и наконец-то показалась голова младенца. Через пять минут комнату наполнил слабый плач малыша, это была девочка...

— Ну, Саманта, говори сейчас же, что там! — потребовал мужчина в генеральской форме. Его усы и бакенбарды были взъерошены, потому как он постоянно трогал свое лицо в порыве отчаянья и страха за жизнь своей дочери.

Повитуха стояла в двери комнаты, в которой находилась роженица, и не давала пройти туда генералу:

— Родилась девочка, — устало произнесла та, — госпожа Вероника очень слаба. Пошлите за доктором, пока я буду занята ребеночком.

— Проклятье! — выругался озабоченный генерал и бросился раздавать команды и поручения.

Доктор пришел как раз в тот момент, когда повитуха положила на живот матери ребеночка, та нежно коснулась рукой своего ребенка, улыбнулась, и тихо отошла в мир иной...

Девочку называли Бетти, Элизабет, как и ее бабушку, красавицу генеральшу, что так же как и матушка бедного дитя, уже была на небесах, и вся забота об этом крошечном создании выпала сильному и единственному родному человеку, генералу Билу Кроуфорду. Отец ребенка на горе был индейцем из племени Кайова, и генерал как неутешный отец только теперь, после смерти, смог простить дочь за такой позор.

На второй день от рождения дочери, молодой индеец, прослышав о рождении ребенка, пришел к воротам форта, чтобы спросить о своей возлюбленной и ребенке, но его избили у ворот, погрузили на лошадь и вывезли в прерию, строго наказав даже не появляться на глаза генералу. О том, что возлюбленная умерла, а ребенок жив, и прекрасную девочку называли Элизабет, Дин узнал от старой индианки, что прислуживала в доме генерала.

С тех пор много воды убежало... Мир менялся, и менялись люди. На земле индейского народа все больше появлялось вновь построенных фортов. И все меньше понимания было между пришлыми народами бледнолицых людей и местными жителями прерий, которые не могли и не хотели уйти с обжитых годами земель, таких удобных новым хозяевам.

История любви Вероники и Дина стала легендой, о ней уже никто почти не вспоминал. Помнил лишь Дин, так называла его Вероника, а в племени, в котором он стал вождем, его звали Гром Неба, потому что когда его родила мать, была страшная гроза, и молния расколола старое дерево в горах. Как бы то ни было, но на этой брэнной земле оставался след их любви, маленькая Бетти, и даже когда он взял себе в жены девушку из племени, он часто вспоминал о своей Веронике. Первая любовь — это самая важная любовь в жизни человека, она дает начало жизни вне себя, человек впервые чувствует любовь к другому человеку и перестает думать, что весь мир принадлежит только ему одному, и начинает делиться этим миром с другим человеком, растворяясь в том другом и обретая еще больше. Сила этой любви дает нам энергию на всю жизнь, наполняя смыслом каждый день, заставляя приблизиться к истине еще хоть раз.

Маленькая Бетти росла, окружённая заботой и вниманием всех и вся, и уж коль генерал не смог уберечь свою дочь, то внуку он берег, как зеницу ока, и весь легион был призван охранять это маленькое сокровище от всех бед и напастей, а особенно от попыток ее отца заявить о своем существовании. Все труднее было отвечать на вопросы маленькой пятилетней Бетти. Она понимала, что ее внешность немного отличается от других детей форта, и дети стали так же обращать на это отличие свое внимание. Кареглазая с красноватым оттенком кожи, малышка была очаровательна, ее смуглая кожа и разрез глаз, немного смягченные европейскими чертами, делали ее красавицей, а добрый и покладистый характер — всеобщей любимицей. Но бывало, нет да нет и заупрямится маленькая Бетти, закапризничает, и ни в какую, хоть ты что, но от своего не отступится. Тогда старый генерал, уходя к себе в комнату, бубнил себе под нос, что это кровь ее отца дает о себе знать, и принимался пить виски. И уж где бралась мудрость у малого ребенка, но Бетти всегда первая приходила к бабушке и, ласково уткнувшись в его плечо, просила не сердиться на нее и уступала разумным требованиям заботливого деда быть благоразумной.

К шести годам озорная, темноволосая девочка уже умела быть и благоразумной, и вообще разумной, чтобы понять то, что каждый ее каприз был неустанно выполнен по приказу ее бабушки. Умело сочетая в себе качества, требуемые от нее другими, она также умела приспособить свой характер к исполнению другими ее капризов. Избаловать ребенка не сложно, слож-

но не перейти черту вседозволенности, когда ребенок уже перестает понимать, где граница дозволенности переходит в безнаказанность и сумасбродство. Слава Богу, Бетти была мудрым ребенком, и порой сама не любила проявления дурного настроения и неучтивости в своем характере, хоть и бывало это крайне редко. Куда приятнее было видеть вокруг себя довольные лица окружающих людей и авторитетно быть «хорошей девочкой».

Этой весной выпало много осадков, и прерия зацвела как никогда. Чудесный аромат трав и цветов даже за высокими стенами форта наполнял собой даже самый отдаленный уголок дома. Бетти просилась поехать посмотреть, сколько цветов растет на равнине, и насобирать большой букет. В конце концов, генерал сдался и позволил своей внучке в сопровождении охраны и няни покинуть стены дома и прогуляться в прерию. Бетти не позволили ехать на своей лошадке, хоть она и превосходно держалась на маленьком пони, и усадили девочку с няней в небольшую и удобную повозку без верха, запряженную двумя лошадьми, несколько солдат ехали рядом с ружьями наперевес, пристально всматривались вдаль и по сторонам.

— Ненси, а правда, что в каньоне живут индейцы, которые снимут с нас скальп? — вдруг спросила девочка.

— Бог ты мой, откуда ты услышала это? — забеспокоилась няня.

— Мне рассказал Смит, сын нашей кухарки.

— Дрянной мальчишка, вот вернемся, я покажу ему, как пугать маленьких девочек.

— А еще он сказал, что они меня не тронут. Потому что примут меня за свою, я такая же, как они смуглая, и у меня глаза, как у них.

— Ты милая девочка, тебя никто не посмеет обидеть. С нами солдаты.

— Я не боюсь вовсе, — спокойно заявила девочка. — Помнишь индейца, которого заперли в тюрьме, а днем выводили на плац и привязывали к столбу? Мы со Смитом подкрались к нему близко-близко, и когда он увидел нас, то напугал Смита страшной гримасой, а мне мило улыбнулся, прижал ладонь к сердцу и поклонился.

— Не следовало вам со Смитом делать ничего подобного, узнает об этом ваш дедушка, шкуру с меня снимет.

— Не бойся, Ненси, я ему не расскажу, ты тогда была занята и просила меня остаться в комнате и нарисовать картину. Но пришел Смит и мы через кухонное окно ушли посмотреть на индейца.

— О, Бетти, я теперь не смогу вам доверять, — расстроилась, узнав про обман молодая няня.

— О, какие прекрасные цветы, давайте остановимся прямо здесь и соберем букет! — воскликнула юная леди и почти на ходу собралась спрыгивать с повозки.

Девочка радостно бегала среди дикорастущих цветов и собирала букет, Ненси тоже не спеша бродила за своей воспитанницей и собирала особенно понравившиеся цветы. Лошади, запряженные в повозку, норовили пастись прямо в упряжке, а солдаты постоянно одергивали своих лошадей, чтобы те не соблазнились сочной травой. Кони вели себя очень взволнованно и солдаты думали, что причина в том, что они видят много вкусной

травы, но причина была не в этом. Из-за груды каменистого склона показались индейцы, и охранники стали звать Ненси и Бетти скорее вернуться к повозке. Началась перестрелка, никто не понимал, что хотят от них индейцы, и стрелять первыми стали солдаты. У индейцев было только одно ружье, остальные стали стрелять отравленными стрелами. Бетти при звуках палбы из ружья присела в траву и стала наблюдать, в то время как Ненси подбежала к ней, подхватила ее и стала бежать прямо туда, откуда доносились выстрелы, надеясь, что их спасут от индейцев солдаты. Одна из стрел пролетела так близко к Бетти и вонзилась в землю перед ними, что девочка даже успела рассмотреть красную тесьму, которой были привязаны перья на конце стрелы. Бетти вскрикнула и споткнулась. В ноге Ненси торчала стрела. Бетти испуганно закричала, и они тут же повалились на землю.

Сердце бешено колотилось, Бетти старалась помочь своей няньке подняться, но та рыдала и стонала, ее слезы смешались с пылью на лице, и на руках у молодой женщины появилась кровь, в которую она выпачкалась, пытаясь вынуть стрелу со своей ноги. Бетти видела, как кровь из раны няни пачкала собранный ею букет, и все вокруг словно остановилось, в ушах появился неприятный звук. Как в страшном сне вокруг творилось что-то ужасное, девочка поднялась и со злостью стала искать глазами того, кто сотворил всю эту беду. На краю утеса стоял индеец и пристально смотрел на девочку. Когда она его заметила, он поднял руку, давая ей какой-то знак, и приложил ладонь к груди. Этот странный индеец, пока все воевали, просто стоял и смотрел на нее. Ей даже показалось, что она смогла рассмотреть его лицо и взгляд, он не был злым, и даже улыбался ей. Потом поднял свой лук и прицелился прямо в нее, но Бетти не было страшно, она знала, что он не станет ее убивать. Стрела вонзилась в землю у самых ног Бетти. На стреле был привязан клочок бумаги. Бетти аккуратно отвязала его и развернула. Там было что-то написано, но так неразборчиво и непонятными буквами, что умея читать только печатные буквы, маленькая Бетти ничего не смогла прочесть.

Индейцы исчезли так же внезапно, как и появились. Солдаты подбежали к Ненси и Бетти и на руках отнесли обеих в повозку. Был ранен еще один солдат, кроме молодой женщины, а все остальные были живы и здоровы. Бетти даже казалась не напуганной, чего нельзя было сказать о раненной Ненси.

Какой переполох поднялся по возвращении в форт! Генерал так громко кричал на кого-то в своем кабинете, что его было слышно даже на кухне, куда привели взволнованную Бетти и ее няньку.

— Смит, Смит, — тихо позвала Бетти мальчика, притаившегося в углу за очагом. — Они в самом деле не тронули меня.

Мальчик несмело подошел к девочке, пока взрослые промывали рану Ненси и накладывали повязку:

— Тебе было страшно? — с волнением спросил мальчуган.

— Неа, нисколько! — восторженно сказала девочка, и явно прочла в глазах друга восхищение ее смелостью. — Только жалко бедную Ненси, она так кричала и плакала, ее кровь рекой лилась на землю, — преувеличивала с гордостью девочка, — весь мой букет промок от ее крови. А потом они исчезли, как под землю провалились. И знаешь что?

— Что? — почти беззвучно спросил мальчик, видя предельно заговорческий вид своей подруги по играм.

— Смотри, что у меня есть, — девочка достала из кармана клочок бумаги, — это было привязано к отравленной стреле, здесь записка.

Дети внимательно развернули послание, и Смит попытался по слогам прочитать то, что там написано. Но дети так увлеклись, что не обратили внимания на то, как генерал подошел к ним со спины и заметил странную вещь в руках своей внучки. Его огромная ладонь сгребла бумагу с руки Бетти и не говоря и слова, хотя никто бы ничего и не посмел сказать, таким злым и суровым было лицо старого генерала, он прочел послание. На какую-то долю секунды на лице деда вспыхнула неопишуемая ярость, а потом он издал звук, похожий на рычание раненого медведя, его лицо стало непроницаемым, словно он увидел перед собой разверзшийся Ад, и скомкав бумажку, Бил Кроуфорд бросил ее в огонь очага, и долго смотрел, как листок корчится и корежится от огня, словно это был и не листок в огне, а лютый его враг.

Все боялись шелохнуться. Генерал овладел своими эмоциями и дрогнувшим голосом спросил у внучки:

— Ты цела, ангел мой?

— Да, дедушка, со мной все в порядке.

— Кто тебе дал это? — он не глядя, указал на очаг, в котором и следа не осталось от послания, принесенного Бетти.

— Это было привязано к стреле, которая вонзилась в землю перед моими ногами.

На лице генерала дрогнули мышцы, но никакого звука не последовало. Девочке показалось, что она слышит, как скрипят дедушкины зубы. Генерал сурово смотрел на ребенка, и девочке показалось, что он винит во всем ее, но вдруг маска гнева спала с лица, и чтобы не пугать и без того напуганную, как ему показалось, девочку, генерал неловко погладил внучку по голове и собрался уходить из кухни. Ненси застонала, и это заставило его остановиться:

— Ненси, как ты? — без эмоций спросил он.

— Спасибо, хорошо. Стрела, слава Богу, не отравлена, и только слегка зацепила бедро. Было очень больно и страшно... — Ненси не успела договорить, как спина генерала уже скрылась в дверном проеме. Молодая женщина горько заплакала, еще раз переживая ужас нападения.

Девочка сидела и наблюдала за всем, словно ее самой здесь и не было: по лицу Ненси текли крупные слезы, и она рассказывала столпившимся вокруг, как все произошло, а Смит, слушая рассказ няньки, с завистью смотрел на свою подругу, жалея, что он не оказался на ее месте. Вот он бы сумел оказать сопротивление этим краснокожим дикарям, не то, что эти девчонки. Бетти посмотрела на огонь в очаге и не могла отделаться от ощущения, что там сожгли что-то очень важное, важное и секретное. Недаром так исказилось лицо дедушки, и он швырнул это в огонь. Ей вдруг захотелось вернуться туда, где она подобрала эту записку и снова увидеть глаза того индейца. Она вспомнила, как ветер развивал его волосы на ветру и перья на его голове, какими добрыми были его глаза, хоть с такого расстояния

и нельзя было хорошенько рассмотреть лица индейца, но она чувствовала, что он по-доброму смотрел на нее. Она не могла понять, откуда ей это известно, но казалось тогда, она видела не глазами, а всем своим существом. Иногда не только глаза могут видеть, есть еще видение, когда даже в темноте ты знаешь наверняка, что перед тобой, будь оно даже невидным. Так было и в этот раз. Так было всякий раз, когда она выходила на террасу и, закрыв глаза, вдыхала запах трав, приносимый ветром с прерии. Она видела дальше крыш, и знала, что где-то там ее ждет чудесный мир, а над этим миром небо, полное звезд, которых не видно днем, и может откуда-то оттуда на нее смотрят мамыны глаза, которых она не видела в своей жизни, но знала, что они были прекрасны и полны любви.

А теперь ей почему-то показалось, что она потеряла способность видеть и слышать, вместе с бумажным листочком сторело что-то очень важное в ее душе. Девочка встрепенулась от своих мыслей и подошла к своей няне Ненси и крепко-крепко обняла ее, прижавшись к ней всем телом, чтобы почувствовать стук ее сердца.

А в своем кабинете, словно раненый зверь, метался от угла к углу взбешенный произошедшим событием генерал, и повторял мысленно то, что прочел на листке бумаги — «Вы не сможете прятать ее вечно, она моя дочь».

Человек в своем бессилии способен на многие безумные вещи. Мы так часто пытаемся доказать окружающим то, что так противостоит природе в принципе, что борьба с ветряными мельницами становится смыслом нашей жизни, и руководя нашими помыслами, превращает жизнь в череду испытаний и борьбу с самим собой. Человеку свойственно все усложнять, и теряя силы от пустой возни с безумными идеями, находить себе утешение в том, чтобы искать виновных. Как результат — мы в итоге теряем на самом деле что-то очень важное, но не понимаем это, только лишившись его.

Бил Кроуфорд положил бы жизнь на то, чтобы не допустить встречу Бетти, его внучки, с ее отцом. Но отправить ее в Англию он не мог, там не осталось доверенных ему людей, все его состояние теперь было здесь, и приезжая в эту благословенную страну, как ему казалось, он успел сжечь за собой все мосты. Потеряв дочь, он все свое внимание сосредоточил на воспитании Бетти, это все, что у него было. И теперь он не собирался отдавать ее этому негодяю и дикарю, как он считал, который вскружил голову его дочери Веронике. Но он настолько любил Бетти, что все же позволил себе безумие и отправил ее в пансион в Англию. Разлука разбила генералу сердце, он стал нелюдимым и жестокосердным. Без колебания не дрогнувшей рукой он подписывал указы и грамоты, которые ущемляли права местных жителей прерий. Росла буря негодования, но поддерживаемый своей Королевой, он воплощал в жизнь самые дерзкие планы колониальных замыслов цивилизованного мира, не смотря ни на что.

Через прерии, от одного берега американского континента до другого берега, решено было построить железную дорогу. На пути попадались поселения индейцев, которые выдворялись с насиженных мест, а те, кто не соглашался по доброй воле покинуть свои земли, лицом к лицу становились перед лицом цивилизованного европейского солдата, что без сожаления

спускал курок во славу отечества и веру в светлое будущее. И племя Кайова, в котором отец его внучки был вождем, не избежало этой участи. Железную дорогу можно было провести в пяти милях к югу, но Бил Кроуфорд уговорил подрядчиков сместить план дороги и проложить путь именно через владения этого племени. Таким образом, он осуществил свою давнюю месть Грому Неба за поруганную честь, не понимая, что судьба не делает подарков дважды. Ведь плодом непризнанной любви его дочери была Бетти, самое дорогое сокровище в его жизни, что он собственно и не желал признавать.

Прошло почти десять лет, как Бил снова мог обнять свою внучку. Все это время она была на расстоянии целого океана от него, и только длинные и душевные письма, доходящие к нему с Родины, говорили, что его маленькая Бетти уже взрослая девушка, которая очень скучала и рвалась обратно в те места, где родилась.

«Иногда мне кажется, что закрой я глаза и моя душа уже в прериях, летит над бескрайними равнинами диких цветов. Красные скалы, окаймляющие эти поля, чередуясь с лесами, в которых гуляют дикие мустанги, направляют ветер в сторону Англии, и я улавливаю его, чувствую запах, и не могу удержать свое сердце, что рвется туда. Должно быть, все уже неузнаваемо изменилось, с тех пор, как я покинула Америку. Как я хочу скорее вернуться. Не понимаю, почему ты настаиваешь, чтобы я так долго томилась в этой душной и мрачной стране. От постоянной сырости я скоро окончательно заболела и умру. Умру от скуки и бессилия. Здешние молодые люди чванливы и спесивы, им всем не достает жизненности, и они так скучны и не интересны в своих ограниченных умах. Никакого воображения, все только и говорят о раутах и балах. А я так мечтаю сесть на лошадь, и промчаться по прерии верхом, касаясь стремянами выгоревшую на солнце траву. Ведь ты мне позволишь? Ты писал, что с индейцами все меньше проблем, вы добились успеха в переговорах с ними, а значит, не нужно будет бояться. Я так хочу поскорее вернуться, пожалуйста, дорогой мой дедушка, заведи меня отсюда, нет сил больше терпеть эту тоску и разлуку с тобой», — писала в своем письме Элизабет. И генерал понимал, что держать Бетти в Англии без присмотра тоже не дело. И наконец он поручил одному из своих преемников доставить Бетти вместе с ценным грузом в Америку. Он знал, что в племени Кайова назревал конфликт с соседним племенем, которое было вытеснено строительством железной дороги со своей земли и теперь претендовало на часть земель Кайова. Больше того, в самом племени назревал конфликт за власть, половина племени не разделяла методов правления Громом Неба. Молодые и дерзкие воины жаждали расправы над притесняющими их племенами и надвигающейся бедой с евро-пришельцами. Куда им было задуматься о неравности сил, горячая кровь в их жилах кипела и бурлила, каждый хотел умереть в бою, и непременно во имя свободы своего народа. Что было толку объяснять, что их напрасная смерть не прибавит чести народу, оставшемуся без защитников.

И как бы то ни было, корабль с молодой Элизабет, названный, так же как и ее пассажирка, пересекал океан, в надежде в скором времени причалить к берегу земли обетованной и доставить ценный груз. Трюмы были

полны оружия и всяких безделушек на подкуп необразованных индейцев, лекарства для больных и пострадавших в битвах; там были даже автомобили для богатых владельцев железнодорожных корпораций. Но ничего из этого не видела молодая девушка, каждый день, выходя на палубу корабля, она всматривалась вдаль, закрывала глаза и на полную грудь вдыхала воздух, стараясь различить в нем знакомые с детства ароматы родной прерии. Другие пассажиры с интересом наблюдали за странной девушкой, так не похожей на них. Женщины шушукались и сплетничали, а мужчины удивлялись красоте, грации и простоте этой девушки. Казалось, ее ничуть не интересовало все, что происходило вокруг, она не жаловалась на холод, ни на жару, ни на лишения долгого плавания, ей все было по нраву, только бы дул ветер и приближал корму к берегу.

— Говорят, ее мать выкрали индейцы и силой женили на одном из дикарей, — шептала одна из пассажирок корабля, богатая дама, жена магната, которая в узком платье, сжимающем ее грузное тело, никак не могла надыхаться на юте, бессовестно сплетничала, разглядывая Бетти, стоявшую спиной к ветру, на баке*.

— Вы почти угадали, мадам, — сказал капитан, лениво смотрящий вдаль с бокалом бренди в руках. — Ваше здоровье, — и он залпом выпил все содержимое бокала.

— Капитан, не напивайтесь так, кто же будет править курс и вести корабль? — игриво причитала грузная дама.

— Не переживайте, мадам, мы прибудем вовремя, вам еще надоест земля дикарей и вольных зверей.

— Не пугайте меня, я и так наслышана о своеволии диких племен, и вот эта особа на корме вашего корабля яркое тому подтверждение.

— Она абсолютно цивилизована, ее мать такая же англичанка, как и вы, и воспитана она в лучших традициях Англии.

— Но ее отец, очевидно, был дикарем, и это видно по ней. Все-таки кровь берет свое. Трудно будет ее выдать замуж на нормального англичанина.

— В Америку не едут нормальные англичане, так что будьте внимательнее со своим сыном, как бы его не пленила молодая индианка.

— Бог с вами, право же шутки у вас, — обиделась дама и ушла в каюты.

В конце концов, переход через океан завершился, и пассажиры пересели кто на фургоны, запряженные лошадьми, кто на автомобили и разъехались в разные стороны. Бетти ехала в одном из маленьких фургончиков небольшого обоза, их сопровождал военный конвой до самого форта. Когда Бетти из окошка своего фургона увидела знакомые места, она остановила погонщиков и сошла, чтобы почувствовать ногами твердую землю, такую ей желанную. Растительность в прерии пожухла, вдалеке за скалами темнел лес, в котором ей никогда не довелось побывать. Форт еще не было видно, оставалось всего несколько метров до поворота дороги, за которым будет видно дом, где она родилась, и Бетти побежала по дороге. Как же радовалось ее сердце, видя дом и стены форта, все такие же, какими она их помнила. Остаток дороги она беспощадно подгоняла погонщиков, жаль ей не разре-

* Бак — передняя часть корабля (около фок мачты), ют — задняя часть над кормой.

шли бежать пешком. Только отворили ворота форта, Бетти бросилась в объятия своего деда, немного постаревшего, но все с такой же безупречной военной выправкой. Они долго держали друг друга в объятиях.

— Ну, дай я тебя рассмотрю, красавица моя! — со слезами на глазах вымолвил генерал, и ласково отстранил от себя хрупкую и красивую девушку, какой стала его внучка.

— Как же я скучала по тебе и по дому, по моему дому!

Позади генерала стояла Ненси, и Бетти бросилась обнимать и ее.

Такого радушного приема, что ей устроили все, кого она помнила, молодая леди не ожидала. Смит, симпатичный и взрослый парень, преподнес ей букет цветов и смущенно улыбался. Она помнила его только ребенком, а теперь они оба были смущены переменами в друг друге. Обнять Смита Бетти не решилась, только поблагодарила за букет и подала ему руку.

В своей комнате, в которой она провела детство, Бетти вспоминала все те годы, которые она провела в Англии, и понимала, что только здесь ее душа, словно птица на своей ветке. Даже дышится легче и, закрыв глаза, она ощущала весь огромный мир вокруг, и небо, и землю, и океан, что плещется у берегов, и все далекие берега материков, только в комнате своего детства мир обрел свои границы, или наоборот вышел за границы темницы, в которую ее заточили в Англии.

— Теперь все будет по-другому!

И это другое пришло сразу же, не заставляя себя долго ждать. Ночью Бетти проснулась от того, что кто-то крепко зажал ладонью ей рот и очень сильные руки утащили ее из комнаты, по коридору, во двор, а потом и за ворота. Она пыталась кричать и сопротивляться, но от страха ее словно парализовало, она только всхлипывала и отбивалась от похитителя. Но ее силы не хватило, чтобы хотя бы разозлить его как следует. Перед похитителем были открыты двери дома, и на выходе из форта их тоже никто не задержал. Бетти охватил ужас.

Похититель поставил ее на землю перед лошадью, которая даже не была привязана, но послушно ждала хозяина в нужном месте. И осторожно убрал ладонь от ее лица.

— Не бойся, — только и сказал индеец, в косы которого были вплетены три пера. Но девушка тут же собралась закричать. Он легонько ударил хрупкую девушку, и она, потеряв сознание, упала ему в руки. Высокий и крепкий индеец-похититель даже не почувствовал тяжести ее тела, запрыгнул на лошадь вместе с девушкой на руках. На его условный свист из темноты вышли еще двое индейцев, ведущих лошадей за гривы, и без седла оседлав своих верных животных, вся группа быстро двинулась к каньону.

Через какое-то время Бетти пришла в себя и первое, что почувствовала, это крепкое тело похитителя, к которому она была накрепко прижата его сильными руками, он удерживал ее очень сильно, но не причинял боли. Они мчались по ночной прерии, лошадь ровно дышала, девушка боялась пошевелиться, чтобы не упасть, от страха ей хотелось плакать, но почему-то она только понимала опасность, но совсем ее не чувствовала. Пахло лошадиным потом, и от близости мужского тела Бетти становилось дурно, и еще Бог

знает о чем успела подумать девушка, пока индеец не догадывался, что девушка в его руках пришла в чувство и притаилась от страха. Он осадил лошадь, и повернул лицо Бетти так, чтобы ему было видно ее глаза:

— Не бойся, я не обижу тебя, — как можно более спокойно и ласково сказал этот громадный индеец.

Она молчала, во все глаза рассматривала своего похитителя. В небе светила полная луна и его было видно в тусклом свете, достаточном, чтобы различить боевую окраску на лице, и черные глаза. Довольно суровое лицо, редко знающее мимику улыбки, только во взгляде лишь чуть было видно спокойное добро сердца этого человека. Он был молод, трудно было определить точное количество лет этого человека, он был уверен в каждом движении, прекрасно держался на своей лошади, и казалось, составлял со своим животным единое целое, предугадывая каждое движение лошади, его мускулы реагировали за мгновение до противодействия, удерживая седока с пассажиркой на месте.

У края каньона их встретили еще пять всадников. Лошади остановились, и воин поставил девушку на землю.

Она только теперь почувствовала, как сильно замерзла в одной ночной рубашке. И даже немного пожалела, что теперь не чувствует тепла тела этого индейца, который хоть немного согревал ее пока они мчались от форта к каньону.

К ней подошел индеец в пышном головном уборе из перьев, которые спадали с его плеч и почти касались земли. Он накрыл ее плечи индейской накидкой и внимательно посмотрел в ее глаза.

Они показались Бетти очень знакомыми — это были ее глаза.

— Добро пожаловать домой, — сказал индеец, а потом, не дождавшись реакции девушки на его слова, добавил, — меня зовут Гром Неба, или Дин, так называла меня твоя мать, я твой отец.

Бетти почувствовала, как земля уходит из-под ног, стало трудно дышать, и она почти лишилась чувств, но отец успел подхватить ее и обнять.

В поселении индейцев, когда воины и вождь вернулись туда с Бетти, почти все спали. Несколько старейшин ждали вождя у главного типи*. Один из них, самый старший на вид, стал что-то говорить Дину, преграждая вход. Два индейца неспешно о чем-то говорили, разговор был не похож на спор, Бетти не понимала ни слова, но старик то и дело указывал на нее. В какой-то момент старик умолк и опустил взгляд. Никто не двигался с места, все как призрачные фигуры стояли в полутьме под светом луны, и лишь свет костра неподалеку придавал лицам людей признаки жизни. Бетти слышала, как бьется ее сердце, и желала, чтобы всё это обернулось просто сном. Наконец старик отошел, и дал войти внутрь жилища. Дин взял дочь за руку и, поднимая полог своего дома, провел ее внутрь.

Типи внутри был ярко освещен пламенем очага. Очевидно, что их ждали, две женщины подошли навстречу к вошедшему вождю. Одна из них по-

* Типи — переносное жилище кочевых индейцев Великих равнин и некоторых горных племен Дальнего Запада. Типи имеет форму пирамиды или конуса (слегка наклоненного назад или прямого), изготовленного в виде каркаса из шестов и покрытого полотнищем из сшитых шкур оленей или бизонов.

старше с интересом рассматривала Бетти, а та, что на вид была такого возраста, как и гостя, дружелюбно улыбалась.

Бетти осмотрелась: на главном месте лежала шкура леопарда и большой круглый камень. Посреди типи стоял деревянный столб, похожий на тотем, какими индейцы помечают свои территории, на нем были вырезаны разные фигуры птиц и зверей, и яркие узоры покрывали все его основание. К столбу были прикреплены разные предметы, вырезанные из дерева фигурки, сплетенные перья, мешочки и ленточки. В менее освещенном месте были разложены шкуры зверей, это были индейские кровати, Бетти вдруг поняла, как сильно ей хочется спать. Над очагом на треноге кипел котелок, и пахло травами. Вдоль стен стоял резной сундук из дерева, и несколько плетеных коробов, очевидно служивших мебелью для хранения вещей. Чуть ближе к лежанкам, был столб пониже, и около него стояла широкая плоская миска с водой, в которой Бетти почему-то заметила лепестки ее любимых полевых цветов. На этом сооружении висели женские украшения и головной убор индейца, только не такой пышный, как был сейчас на голове у вождя. Полы были застелены шкурами, циновками и пестрыми плетеными ковриками.

Вождь Дин сел на свое главное место в типи, Бетти предложили место около него, рядом сели женщины, по другую сторону сели трое воинов, один из которых и выкрал ее из дома.

— Почти двадцать лет назад я встретил твою маму. — Начал свой рассказ Дин. — Была весна, и природа удивительно была прекрасной, как и твоя красавица мать. Не все случилось, как хотелось, мне очень жаль, что Вероники нет сейчас с нами. Кто знает, как бы сложилась твоя и моя жизни, останься она живой. Но теперь я рад видеть тебя. И хочу объяснить, почему вынужден был украсть тебя из дома, в котором ты росла.

Бетти сидела, не проронив ни слова, только и замечала, как пристально смотрит на нее тот воин, который так сильно прижимал ее к себе. В горле пересохло от волнения. Девушка подала ей чашу с душистым и горячим напитком, тем временем вождь не спеша раскуривал свою трубку, набивая ее табаком и прикуривая от уголька, который ему подал один из присутствующих мужчин. Он продолжил:

— Когда-то давно я старался вернуть тебя. Но твой дедушка был непреклонен. Помнишь, когда ты была маленькой, мы виделись с тобой у каньона. Жаль, что тогда я напугал тебя, и твоя нянька была нечаянно ранена. Но с тех пор генерал и я стали не просто врагами, он ни перед чем не остановится, чтобы отправить меня к духам моих праотцов. Не то, чтобы я винил его или ненавидел, но за этой местью он перестал видеть угрозу более опасную, чем мое существование. То, что приезжает из Англии внучка генерала известно и в племени моего врага, им также ведомо, что ты моя дочь. Я не мог позволить, чтобы они первыми выкрали тебя. Не стану разьяснять, какие опасности могли бы подстергать тебя, скажу только, что здесь ты дома, и за твою безопасность я полностью отвечаю, пока буду жив я, и мои верные воины. Духи не подарили мне сына, у меня есть только ты и Апони, моя вторая дочь. Моя жена Йоки, Апони и я теперь мы твоя семья и принимаем тебя в свою семью.

— Но как же генерал Кроуфорд, он не переживет этого. Я не знаю, смогу ли жить здесь с вами, ведь...

Вождь поднял руку, давая знак замолчать. Бетти послушно умолкла, и почувствовала, как слезы наполняют ее глаза.

— Ты будешь здесь всё время, какое понадобится. Тебе нельзя сейчас быть в форте.

Бетти заплакала.

— Тебе понравится здесь, — добавил Дин, и погладил свою дочь по голове, приглаживая ее растрепавшиеся волосы. — Я так долго ждал встречи с тобой. Ты очень похожа на свою маму.

Глаза человека, который называл себя ее отцом, выражали столько любви и нежности, которой Бетти никогда не видела, ни в детстве, ни потом. Ведь ее дед, бравый генерал, не был способен на проявление нежности и любви как таковой, хоть и ничуть не меньше любил ее. Тогда в детстве, когда она впервые встретила глазами со своим отцом, они тоже казались ей добрыми. Бетти была напугана, но в глубине души что-то успокаивало девушку, в таком странном месте она чувствовала себя почти как дома. Если бы только не одно но — этот молодой индеец, что не сводил с нее взгляда.

— Какой она была, моя мама?

— Она была чудесной, — вымолвил вождь и мечтательно отвел взгляд куда-то перед собой, не видя предела, он устремился в глубь своей памяти и, выпуская клубы курительного дыма, предался воспоминаниям. — Я никогда не видел таких прекрасных глаз, веселого нрава, смеси красоты и мудрости, как у Вероники. Она понимала меня без слов, а мне так хотелось ей о многом рассказать. Она была терпеливой учительницей, пока учила меня своему языку. Ее легко было любить, как любят небо и жизнь, это как дышать воздухом. Даже теперь, когда я наконец-то вижу тебя, и со мной моя семья, я чувствую ее рядом, но мне мир без нее все равно кажется пустым.

Как Бетти провела ночь в типи своего вновь обретенного отца, не трудно догадаться. Рано утром ее разбудил шум, она вскочила так, будто ее кто-то ударил. Ни Дина, ни его жены в жилище не было, а ее сводная сестра сидела около нее, и как только она открыла глаза и спохватилась, Апони крепко схватила ее за руку.

Как выяснилось, сестра не владела английским и быстро что-то говорила на своем наречии, о чем, Бетти не могла знать. Но как только гостья попыталась встать, ее снова удержала Апони. Еще сонная девушка пыталась понять, что происходит, стала вырываться, но безрезультатно. По интонации голоса сестры и шуму за пологом дома, Бетти наконец-то поняла, что что-то происходит там, и ее не пускают туда по важной на то причине. Она притихла, но интуиция подсказывала, что стоило начинать волноваться.

Апони нервничала, не скрывая своей тревоги. Чтобы разрядить ситуацию и не дать снова разреветься Бетти, она предложила своей сестре причесать ей волосы. И быстро справившись с прической предложила ей посмотреться в широкую миску наполненную водой, как в зеркало. И там все так же плавали лепестки цветов. На зыбкой поверхности воды Бетти увидела в отражении свое серьезное и сосредоточенное лицо и не узнала себя, выражение ее глаз показалось ей чужим и не знакомым. Пока молодая

индианка причесывала Бетти, и плела ей косички, на площадке около главного типи вождя разворачивались бурные события.

Группа молодых индейцев под предводительством Вихо, молодого воина, требовали сместить Дина и позволить выбрать племени другого вождя. Как ни пытался мудрый воин образумить горячие головы, но они не стали слушать ни его, ни старейшин. Дело принимало плохой оборот, Вихо требовал помимо переизбрания вождя позволить ему как единственному достойному претенденту на статус вождя взять в жены Бетти как залог того, что Дин не посмеет нанести удар со спины. На защиту вождя встали не менее сильные воины, в том числе и Кваху, тот самый, что минувшей ночью похитил внуку генерала из форта. Но люди племени выглядели растерявшимися, напуганные рассказами Вихо, что теперь из-за этого бледнолицые сотрут их племя с лица земли, и что только он, как сильный воин, сможет защитить их, и Бетти будет находиться в его типи как заложница и гарант того, что войска генерала не станут нападать на поселение. В конечном счете, сдались и старейшие, они не стали поддерживать Дина, но и не перешли на сторону Вахо. Когда переворот в племени стал не отворотом, Кваху тоже заявил право на избрание себя вождем и Бетти в жены, но на его сторону перешло меньшинство.

Когда полог, прикрывавший вход в жилище вождя, был резко отдернут, а на пороге показался незнакомый индеец, с торжествующим лицом, жадно всматривающимся внутрь шатра, Бетти замерла. Казалось и ее сердце перестало биться. Из-за спины этого громадного воина удерживаемый другими индейцами вошел ее отец. Он словно постарел, и по его лицу читались крайние эмоции беспокойства. Таким счастливым было его лицо накануне ночью, какими добрыми казались его глаза. Теперь в свете тревоги, охватившей его, черты лица ожесточились и глаза стали колкими и безжалостными.

Апони и Бетти инстинктивно попятнулись в глубь жилища, все эти мужчины, ворвавшиеся с бурными эмоциями на лицах, напугали девушек.

Незнакомый индеец протянул руку Бетти, давая понять, что она должна идти с ним, но даже Апони преградила ему дорогу и не позволила прикасаться к сестре. Мужчина жестко обратился к Дину, и они не долго спорили.

По происходящему не трудно было догадаться, что молодой воин позволил себе восстать против вождя и ситуация для Бетти обернулась опасностью. Перепуганная Бетти молящим взглядом смотрела на отца, требуя разъяснений. Когда мужчины сказали каждый свою последнюю фразу, нависла зловещая тишина. Гром Неба заговорил первым, обращаясь к Бетти на понятном ей языке.

— Я больше не вождь этого племени. Вихо требует права сильнейшего и занять мое место. Он требует тебя в жены как гарантию, что я не стану мстить ему и мешать.

На лице Бетти было полное непонимание и неприятие этой новости. Все, кто втиснулся в типи, начинали терять терпение, и Вихо первым из присутствующих стремился к действию. Его буйный нрав полностью завладел им и требовал сиюминутного удовлетворения всех его желаний, эта сила передавалась и тем, кто его поддерживал, и они чувствовали себя хозяевами положения. Квахо, чувствуя накал страстей, встал перед Вихо и потребовал

дать Грому Неба поговорить с дочерью и обратиться к народу его племени. Вихо взялся за оружие, но Дин поспешил его остановить.

— Если ты хочешь все изменить, действуй по закону. Я выступаю в поединке с тобой и, если ты будешь сильнее меня, все будет так, как ты сказал.

— Позволь мне! — вмешался Квахо, — ты не можешь сражаться с ним.

— Могу, — успокоил его Дин, — мне не остается ничего другого.

Дин долго и многозначительно посмотрел в глаза Квахо. Кто знает о чем бессловесно хотел сказать старый индеец, и понял ли его верный друг, но молодой воин с достоинством принял решение вождя, которого он до сих пор считал вождем.

Вероломный Вихо довольно ухмылялся, он был уверен, что одолеет старого вождя и слава достанется ему, и вместе со славой и девушка, новость о появлении которой сразу всколыхнула все племя. Вихо затаил злость на Дина еще в тот момент, когда на похищение своей дочери из американского укрепленного форта он выбрал не его, а выскочку Квахо, каким считал его Вихо.

Как быстро ветер перемен сменил знамена и действующие лица менялись местами, но по закону бумеранга всякое зло непременно настигнет расправа. Вихо знал об этом законе, но не сомневался, что сумеет все обернуть так, что зло распознать будет трудно, и он введет свой закон — закон сильнейшего.

— На закате будет поединок. А пока у тебя есть время вразумить свою дочь и объяснить своему верному псу Квахо его место. Вечером за победителем пойдут все. И мы наконец-то перестанем быть жалким и трусливым племенем, дадим отпор Нахаро, а потом избавимся от бледнолицых. Вихо вернет вам ваши земли! — выкрикнул новоиспеченный герой, и его приближенные пособники стали выкрикивать слова в поддержку самозванца.

На глаза Бетти наворачивались слезы. Она инстинктивно спряталась за спину Квахо, и желала одного, чтобы все эти люди исчезли, остался только этот смелый воин и ее отец. Так много хотелось спросить о матери, так здорово было обрести отца, но таким коротким был миг радости.

Наконец-то грозный и самоуверенный Вихо ушел и забрал с собой всех своих приспешников, не позабыв оставить у входа воинов на вахте. Дин быстро и полушепотом отдавал Квахо какие-то распоряжения, торопясь успеть пока их никто не услышал в суматохе. Апони прижалась к Бетти и старалась успокоить ее и себя саму, она очень верила мудрости своего отца и не теряла надежды, что у того есть план, которой все вернет на круги своя и в племени будет все так, как и было до этого злополучного утра. А Бетти тем временем казалось теряла всякую чувствительность к обстоятельствам, у нее уже не дрожали руки, и даже не было страха в глазах, она просто притихла и смиренно потупила взор.

Гром Неба с трудом нашел слова, чтобы начать разговор с дочерью. Что мог сказать человек так долго любивший свое дитя лишь на расстоянии, и обрета ее, не сумевший оградить от беды?

Бетти слушала голос своего отца и старалась не проронить ни звука, чтобы не перебить его речь, чтобы не спугнуть, как ей казалось, миг единения

их душ. Только бы вечер не наступал, только бы солнце больше не садилось, только бы время сумело остановиться...

Как жаль, что все случилось не так, как хотелось ее родителям. Любовь индейца Дина и красавицы Вероники не нашла поддержки гордого генерала, деда Бетти, все это время они лишали себя и друг друга любви, способной помочь всем пережить потерю близкого им человека, ее матери Вероники. Как много ошибок совершают люди, как часто не хотят увидеть простых решений, простых вещей, когда хватает всего слова, всего взгляда, и мир обретает смысл без зла и мести, без сожаления и разрушений.

Они напали на селение, когда солнце только клонилось к закату. Поединку не суждено было случиться. Нахаро со своими воинами атаковали без предупреждения одновременно с отрядом англичан. Они вступили в стовор с бледнолицыми, чтобы завладеть землями племени Небесного Грома. Генералу было выгодно избавиться от ненавистного врага, коим он считал Дина, а Нахаро поверил вероломному обещанию генерала, что его племя позволят остаться в этой долине и их не будут выгонять с земли предков.

Услышав шум и крики одновременно, отец прервал свое повествование. Он бросился к выходу, на секунду остановился, оглянулся, и подарил своей дочери самый теплый и сердечный взгляд, его глаза выражали безмерную любовь и нежность. И потом скрылся за пологом...

Бетти понимала, что отец простился с ней, она чувствовала, что больше не увидит его, она понимала, что сейчас происходит то, на что она никак не может повлиять, она плакала. Слезы мешали видеть, суетилась и металась из угла в угол Апони, потом ее сестра по отцу схватила нож, разрежала веревки удерживающие одну из стенок жилища, с взяв за руку Бетти протиснулась с ней сквозь образовавшееся отверстие наружу.

Бетти показалось, что она очутилась в аду! Вокруг кричали, стонали и плакали люди, женщины и дети. Многие типично полыхали огнем, были слышны выстрелы и стоны. Справа от них индеец другого племени на пятнистой лошади с силой опустил свой томагавк на спину молодой женщины, пытающейся спастись с ребенком на руках, она упала на землю, не издав даже звука от боли, прикрыла собой малое дитя, надрывно рыдающее в ее руках, она была мертва. Это зрелище почти парализовало Бетти, она не могла двинуться с места. Убийца заметил убегающих женщин и поспешил догнать и их, но в этот момент упал с лошади, сбитый хлыстом Квахо. Мужчины принялись бороться на земле, а Апони все пыталась увести подальше Бетти.

Ноги не слушались, девушка не могла ступить и шагу, её всю трясло как в лихорадке. Солнце заслонил собой страшный индеец на мустанге, он замахнулся на девушек хлыстом и изо всех сил опустил его на них. Весь удар пришелся на Апони, она вскрикнула и упала на колени, а Бетти от дикой боли в спине, ей тоже досталось, упала на землю. Враг одним ударом поразил обеих девушек, и стал доставать топор, но не успел. Квахо расправился с противником и метко бросил свой томагавк до того, как беспощад-

ный убийца смог расправиться с двумя незащищенными девушками. Оружие ярости, направленное твердой рукой индейца, сразило врага наповал, и мустанг поскакал мимо горящего типи уже без воина. Квахо схватил за поводья лишившегося седока коня и молниеносно оседлал его. Девушки приготовились по очереди запрыгивать на мустанга, чтобы спастись, но Апони вдруг навалилась на Бетти всем телом и стала тихо оседать на землю, в ее спине торчала стрела, она прикрыла собой сестру от смертельной опасности. Из рта девушки появилась струйка крови, она улыбнулась, и упала рядом с телом матери плачущего младенца. Бетти стояла как вкопанная, наблюдая все это и не могла сделать над собой усилие, чтобы бежать или спастись. Крепкие руки Квахо подхватили остоленевшую от ужаса девушку, и они помчались сквозь этот ад и смерть, мимо горящих жилищ и умирающих людей, прочь. Пули свистели вдогонку, пару раз на пути вставали противники, последним Бетти увидела лицо солдата, которого помнила еще с детства, он часто помогал ее деду с новобранцами разучивать тактику на плацу, Квахо выбил его из седла одним ударом, и Бетти успела заметить, как исказилось лицо солдата, не то от боли не то от отчаяния, и дальше она не видела больше ничего...

Они скакали по прерии покуда конь мог нормально дышать, солнце уже село, и сумерки окрасили каньон в серый цвет смерти. Как в первую встречу, Квахо крепко прижимал к себе Бетти, и они неслись на мустанге, как ветер. Сбавив шаг, молодой воин дал немного отдохнуть загнанному животному и прислушался к звукам. Погони не было слышно, лишь тихо всхлипывала на его груди девушка. Они были уже в каньоне, и скалы могли служить им убежищем.

— Ты сможешь сидеть сама на лошади? — спросил он Бетти.

— Смогу, — сильным голосом ответила та.

Он спешил, помог сесть девушке поудобнее, и повел мустанга вперед, ища укрытие. Бетти стонала от боли, спина очень болела, болели все мышцы, и хотелось пить. На небе показалась полная луна, и стало светло до такой степени, что молодые люди смогли видеть лица друг друга. Они оба опустили глаза, встретившись взглядами. Бетти не смогла спросить, Квахо не смог бы ответить, они поняли и без слов, что ни Апони, ни ее отец выжить не смогли.

События этого дня изменили мир девушки настолько, что она была не в состоянии осознать всего. Душа попросту онемела и даже боль уже не доставляла мучений. Квахо понимал, что девушке не под силу пережить такое потрясение одним днем.

— Я отвезу потом тебя к твоему деду, если ты захочешь. А сейчас нам нужно спрятаться, пока головорезы Нахаро рыщут повсюду и ищут нас.

— Зачем он это сделал?

Квахо не понял, кого имела в виду Бетти, но ничего отвечать не стал.

Мустанг почуял неподалеку горную реку, и потянул туда, им всем нужна была вода, чтобы напиться и смыть с себя ужас дня. На берегу ручья беглецы решили сделать привал. Напоили животное и утолили жажду сами, устроились под валуном на ночлег. Без огня костра было довольно холодно, и Квахо не смотря на возражение Бетти, обнял девушку за плечи и стал со-

гревать ее теплом своего тела, через минуту она уснула, или забылась тяжким сном, вздрагивала и всхлипывала, а он слушал как, бьется ее сердце, как звучит мир, и смотрел на Млечный Путь. Звезды своим вечным светом меланхолично поблескивали в небе, оставаясь абсолютно безучастными к трагедии людей.

Беглецы встретили утро с первыми лучами солнца. Без огня они совсем озябли к утру, нуждались в тепле. Бетти все чаще стонала от боли, её рубцы от плети на спине воспалились и кровоточили. Едва свет вечного светила вернулся на грешную землю рассветом, Кваху осмотрел раны на теле девушки и поспешно, но при этом абсолютно беззвучно ушёл.

Девушка и без того до смерти напуганная не поняла, почему он внезапно её оставил, и сидела, растерянно озираясь по сторонам, готовая расплакаться. Боль в спине, пережитый ужас и страх лишили её стойкости. Больше всего её теперь мучила совесть, что это её дед приказал убивать индейцев — всех без разбора, и женщин и детей, никого ведь не пощадили.

Кваху вернулся так же внезапно, как и ушёл. Погружённая в свой страх и мысли, Бетти даже не успела испугаться в очередной раз. Она схватила его за руку и горячо глядя в глаза сказала:

— Не смей меня бросать без предупреждения! Или ты хочешь, чтобы я померла от страха?

— Нет, не хочу, — без капли раскаяния ответил индеец, подумав про себя, — «Сколько шума от этих женщин!» — вслух же он произнёс: — я ходил за листьями трилистника, если его растолочь и приложить к ране, боль и воспаление уйдёт.

Он подобрал подходящие камни, чтобы растолочь лекарственное растение, но остановился:

— Сперва нужно промыть раны, пойдём.

Он помог девушке подняться, та изо всех сил старалась не стонать и не подавать виду насколько ей больно. Так и держась за руки, они направились туда, где слышался шум воды. Когда они подошли ближе к расщелине, в которой словно нарочно был спрятан от посторонних глаз небольшой ручей, спадающий с прискальных валунов небольшим водопадом. Сразу под струями образовалось крохотное озеро. У воды росло больше зелёной травы и два дерева, обвитых старым плющом. На эту поляну уже проглядывало солнце, и оно словно плескалось в воде, отражаясь солнечными бликами. Кваху, не долго думая обнажив торс, зашёл в воду прямо в штанах, и приступил к тщательному смыванию с себя прошлого дня. Он делал это как-то ритуально, словно разговаривая с водой. Вода доходила ему почти до пояса, зачерпывая своими огромными ладонями воду, он омывал свое тело, и было заметно, что с каждой порцией пролитой на себя воды он возвращал себе силу и жизненную энергию.

Бетти невольно залюбовалась им. Он был молод, красив и силен. Его тело было крепким, и каждая мышца на нем говорила о его силе. Очарованная мужским телом девушка почувствовала, как краснеют её щеки и ей становится теплее. Она спохватилась, зайдя за дерево спустила платье, чтобы оголить спину и крепко прижала его к груди, стараясь как можно меньше оголиться. Держа платье, она поняла, что ей самой никак не дотянуть-

ся к своей израненной спине и, тем более, обработать раны. Словно по мысленному зову за её спиной встал Кваху. Он закрыл собой солнце и стало даже темно. Бетти не смела оглянуться. Она слышала его дыхание и выжидала. Молодой мужчина положил ей на плечо руку, и она вздрогнула. Словно поток неведомой ей силы пробежал по её телу, и где-то там внизу живота притаился тяжелым комком.

— Пойдём к воде, я помогу, — наконец-то произнес индеец.

На ватных ногах, Бетти пошла за ним, теряя самообладание. У воды стало понятно, что взбаламученная в озере вода не годится для промывания ран, и они молча, не сговариваясь, пошли к водопаду.

— Платье нужно снять, оно намокнет, и ты замерзнешь.

Бетти робко прижимала платье к груди. На несколько мгновений в её глазах вспыхнул протест, но потом она очень пристально посмотрела в глаза молодому воину. В этот миг их взгляды не нуждались в словах и фразах, смысл всей жизни в это мгновение обрёл ясность, все тайны мира не были для них новостью... когда души говорят, они все знают, все помнят, и ничего не боятся.

Поддаваясь порыву уверенности, девушка сбросила платье к ногам, переступила его, и оставшись только в панталонах, шагнула в воду.

Струи воды словно обожгли её, вода была холодной, а кожа больной и разгоряченной. Корчась от боли, или от неожиданности соприкосновения с водой, она застонала. Ей потребовалось приложить усилия, чтобы остаться на месте и не выбежать прочь из воды. Квахо предугадывая её желание, уже стоял позади, перекрывая путь к отступлению. Он подождал, когда холодная вода немного обезболит рану и очень осторожно и нежно коснулся кожи девушки. Стонов не последовало, она даже не вздрогнула, словно ожидала этого и набралась мужества стерпеть процедуру.

Его руки были нежными и очень чуткими, Бетти почувствовала облегчение, не то от воды, не то от прикосновений. Вспомнила тепло тела этого мужчины, когда он увёз её из порта, и прижимал к себе, чтобы не упала с лошади и не замерзла. Ей очень захотелось согреться. Медленно, как во сне, она повернулась к Квахо и, абсолютно нагая, прижалась к его груди своими упругими от холода грудями.

Кваху не удивился, но какое-то мгновение стоял с разведенными в стороны руками, боясь обнять прильнувшую к нему девушку. Потом он все же медленно заключил её в свои объятия, что она почти полностью была согрета его телом. Струи прохладной воды уже не в силах были остудить чувства этих двух людей. Квахо поднял на руки милое дрожащее создание и понёс её к деревьям, около которых оставил свою одежду.

Касались руки тел, душа души касалась, и они не в силах были разомкнуть эти объятия. Им было нужно стать единым целым, чтобы выжить, чтобы понять и простить, чтобы любить и ненавидеть. Все это потом, а сейчас они были одни в целом свете и впервые открывали для себя жизнь, то есть любовь...

Солнце уже уверенно было на небосклоне, когда нежась в объятиях Квахо, Бетти услышала шум. Они оба подскочили одновременно, как ужаленные, стали быстро собирать разбросанные вещи. Сомнений быть не могло, их настигла погоня.

Небольшим отрядом индейцы под предводительством предателя Нахаро, как загонщики, демонстративно прочесывали местность. Понять было не сложно, что они не собирались отпускать беглецов, Бетти была слишком ценным пленником для них.

— Нужно подниматься в скалы. В каньоне мы для них слишком лёгкая добыча, — прошептал Квахо. — Хорошо, что мы задержались здесь и не углубились в каньон дальше. Мы были бы, как в мышеловке.

— Но в скалах нам тоже некуда деться, если только мы не научимся летать.

— Я не дамся им так легко!

— Мне страшно, — шептала, прижимаясь к сильному мужскому плечу, девушка.

Он не стал её успокаивать, лишь молча дал понять, что пора идти.

Самый зоркий из преследователей вскоре заметил пару влюблённых, карабкающуюся по склону каньона. Началась погоня.

Силы были не равными. Бетти не могла быстро передвигаться по камням. Преследовали быстро нагоняли их. Добравшись до уступа, который опоясывал край скалы и поднимался вверх пологой тропинкой к небольшой площадке, за которой можно было без труда подняться почти на самый верх скалы, Квахо разжал ладони и сказал:

— Иди вперёд и ничего не бойся. Я задержку их здесь, а ты, когда поднимешься наверх, беги на запад, там будет небольшое ущелье и спуск, спрячься в камнях, я найду тебя там.

— Нет, я не уйду без тебя! — запротестовала Бетти.

Квахо обнял девушку, трепетно и ласково, поцеловал её в макушку, вдохнул чудесный аромат её волос, и очень строго сказал ей:

— Уходи же, не теряй времени!

Они встретились взглядами, он был непреклонен и беспощаден в своей твердости. Его глаза, ещё совсем недавно такие добрые и нежные, теперь излучали неведомую силу. Бетти отшатнулась от него, и, глотая слезы, стала подниматься вверх по тропе. Она в кровь разбила ноги, до крови исцарапала пальцы, у неё болела спина, но больнее всего было ощущать, как растёт между ней и её любимым расстояние. Она почти физически чувствовала разрыв, будто ее раздирали надвое.

Достигнув площадки, Бетти осмотрелась и с отчаянием подумала, как много она потратила времени и как не далеко смогла подняться. Внизу преследователи уже почти добрались к камню, за которым прятался Квахо.

Ей нужно было дотянуться к выступу, чтобы подняться дальше, но она никак не могла ухватиться за острый край камня. Её покидали силы. Она отчаянно царапала руки и ноги о камни, но у неё так ничего и не вышло. Бросившись обратно к краю уступа, чтобы посмотреть как там разворачиваются события у Квахо, обессиленная в край девушка, горько пожалела об этом.

Бетти до боли сжала кулаки и закричала от отчаяния. Она наблюдала, как в не равной схватке погибал Квахо. Его недавние соплеменники безжалостно расправлялись с ним. Молодой воин погибал, сопротивляясь до последнего. Отбиваясь сразу от нескольких противников, он разил их,

а они его. На один его удар приходилось два-три удара от соперников. Решающий удар нанёс Навару. Без стога воин упал на землю от руки врага своего, и над каньоном раздался надрывный женский крик. Наверное он уже не слышал, как кричала его Бетти, кто знает какую боль перенесла в этот момент сама девушка.

В небе кружил орёл.

Изнеможенная беглянка иступленно посмотрела вверх и улыбнулась. «Всё кончено» — подумала она. Это была даже не мысль, это было похоже на понимание истины.

Мыслей в голове не было, лишь шум крови в ушах. Гулкие удары собственного сердца Бетти не давали окончательно завершиться истинному положению дел. Не было злости, да и отчаяния больше не было...

Душа девушки уже кружилась где-то в небесах, где широко раскинув крылья парил встревоженный орёл. Он пронзительно вскрикнул — девушка на краю обрыва вздрогнула. Люди суетились внизу, и птица невольно следила за этим. Группа людей поднималась снизу на скалу к одинокой фигуре девушки, вторая группа людей на лошадях, обогнув скалу поднималась по пологому её склону к самой вершине. Почти к тому месту, где было гнездо этой гордой птицы. Раскинув крылья орёл предупредительно спикировал почти к головам людей и вновь набирая высоту снова пронзительно вскрикнул.

Бетти уже слышала как осыпаются камни под ногами индейцев, быстро поднимавшихся к её укрытию. Интуитивно пятясь назад она неуверенно и шатаясь поднималась на ноги у самой кромки обрыва, оглянулась и посмотрела вниз. Высота совсем не напугала её так, как пугали её приближающиеся с обоих концов люди. Утренняя природа была прекрасна. Ветер приносил запах трав и цветов из прерии, и почему-то сладкий вкус ветра стал приторным и неприятным. Бетти вдруг поняла, что ненавидит этот запах. Ей не хотелось вдыхать этот воздух, в груди растекалась немая боль, сладкая и давящая одновременно. Сердце ровно отмеряло минуты её душевной боли.

Тук-тук... На площадку первым поднялся Навару...

Тук-тук... он стал медленно подходить к девушке, держа в руке окровавленный томагавк, с которого, как показалось девушке, ещё капала кровь Квахо.

Тук-тук... Перья на его головном уборе были растрепаны, и их колыхал ветер, а лицо, покрытое боевым раскрасом, показалось Бетти маской.

Тук-тук... И вот, на этой маске, проявилась самодовольная ухмылка и, почти орлиные глаза торжественно заблестели...

Тук-тук... Он что-то говорит, но девушка молча смотрит то ему в глаза, то на топор. Навару убрал руку с оружием за спину и сделал несколько шагов вперёд.

Тук-тук... Бетти медленно поворачиваясь к обрыву, успела заметить на верху скалы всадников, среди них своего деда.

Тук-тук... Один шаг... Падение... «Какая лёгкость!» — было последней мыслью девушки.

Орёл вскрикнул ещё раз. Люди под ним на скале, уходили. Не примиренные, каждый со своей сутью и пониманием. Птица кружила в воздухе

уже более спокойно и широкими кругами. Солнце высвечивало день и две растерзанные неподвижные фигуры. Они сливались с реальностью и почти терялись в неподвижности не прекращающего движения мира.

Далёкий горизонт ещё тонул в лёгкой дымке. Небо прозрачное сверху и чуть лиловое на горизонте делило мир на твердь и лёгкость. И непостижимо, вдалеке, две грани мира соединялись и принимали в себя противоположности друг друга. Туда обычно уходит солнце, и туда затем уходит рождённая ночь, забирая с собою звезды. Туда уходит жизнь.

(«Полет к реальности» — начало было опубликовано в 4 (33) номере за 2016 год.)

*Мария Дьяконова
(Россия, Санкт-Петербург)*

ОРДЕН ТВОРЦОВ РЕАЛЬНОСТИ

Пару раз слышал от тебя, что они «как обезьяны». Может в массе, оно и так, но пути-то Господни неисповедимы. Все просветляться хотят! Так это еще и пространственный центр, середина груди. Тут мы переживаем события своей жизни, здесь проявляется наша открытость миру, ну и людям, как же без этого!

Здесь умение давать и принимать. А вот с принятием и доверием у тебя точно сложно.

Помнишь ящерицу броненосца? Открыться трудно и страшно, но двигаться без этого никак невозможно! С этого и придется начинать! Я эту штуку называю: «доверие к Вселенной».

В теле энергия течет, подниматься и опускаться она должна. Если у тебя в сердце блок, энергия огня не получает энергию воздуха, пространство узко или вообще разделено.

Это с вопросом о принятии нового опыта тоже прямо связано. Зачем нам открываться и принимать других, да? А я тебе скажу:

каждый человек может быть для тебя вестником, принести знак или уникальный опыт. Как там говорится? «Каждый встречный нам не враг, но великий Учитель». Не принимая новый опыт, ты застаиваешься.

Вот гляди: я знаком с тобою три дня, как только начинаю останавливать твоё внимание на том, или на этом, ты тут же высказываешь своё суждение. Я о твоём видении мира знаю уже много, поскольку слушаю. А ты о моем? Без обид!

Гийом озадаченно почесал переносицу, поскольку никогда не обращал на это внимание.

— И вот что ещё интересно: ты молод, удачлив, и было бы логично думать о том, как счастливо жить.

Впервые встречаю человека, который более всего был бы озабочен, как правильно умереть. Как бы унести своё ценное знание и передать его дальше. Ты чувствуешь, что это — намерение не из этой жизни. Из прошлых. Почему ты так заиклен на нем? Что было не так?

— Вы мне поможете понять?

— Э-э-э, не знаю. Я если верно всё чувствую, не я — твой учитель. Помочь отстроиться — пожалуйста, осознать — очень возможно. Есть чувство у меня, что набит знаниями так плотно, как мешок.

Придется сначала всё высыпать, чтобы понять, что не так.

— Тогда, буду отстраиваться, — улыбнулся Гийом.

— Коли останется интерес, я тебе расскажу об опыте умирания и о Бардо.

Гийому очень нужно было побыть одному. Эдд много рассказал, и оно было не очень приятно для его самолюбия, но он хорошо понимал всегда, что без руководства у него не хватит энергии измениться, а главное — не заблудиться в пути. Пусть сейчас Эдд будет, как хирург, но главное, пусть его ведет, пока он сам не встанет на ноги.

Он чувствовал, что есть запредельные вещи, как тайны ночного неба, но есть более ощутимые здесь и сейчас, простые действия, которые помогут ему постепенно измениться, окрепнуть и найти ответы на сложные вопросы.

Об этом Гийом и рассказал Эдду. И о том, что один только их разговор так расширил границы сознания Гийома, что ему нужно время к этому привыкнуть.

— Хорошее дело, — согласился Эдд, — поэтому начнем с малого: выровняем асимметрию тела; правое левое, усилим проявление воды и начнем работать с внутренним пространством. И тебя там ждет — уборка! — хлопал он Гийома по плечу.

«ВОЛНУХА»

Эдд с Гийомом завели график, каждый день после обеда, когда Эдд заканчивал свой нелегкий труд в библиотеке, они собирались и занимались практикой.

Сначала Эдд рассказал Гийому вот что:

— Есть, парень, такая группа движений, силовых, то есть с применением силы, которые помогают простроить внутренний «силовой костяк». Если мы так условимся: энергия, которая течет с огромной интенсивностью — это сила. То в теле есть русла, по которым эта сила распределяется оптимально. Это называют «линии силы». Если ты умеешь задействовать силовые линии, то у тебя появится ресурс. При поднятии тяжестей, например, или при сильном ударе в бою. Кстати, об этом знали еще в средние века, когда устойчивость латника могла спасти ему жизнь! Уж ты-то, как никто, об этом знаешь!

Гийом кивнул.

— Так вот, эти движения — сильнодействующее средство, чтобы чистить «русла силы». Это «земной» элемент. Другая группа движений — это динамические, собственно волновые, они много чего полезного делают, в частности выравнивают асимметрию тела, ту самую, что у тебя есть. Самое главное в этой группе — текучесть — волна движения проходит от пят до головы, очищая энергетику, снимая телесные блоки и главное, связывая все тела человека в единую целую систему. Сбалансированную, понимаешь?

Гийом живо кивнул.

— Ага, ну вот, эта группа движений — «вода», конечно. Вот этого-то тебе, парень, очень недостает, шибко ты «сухой», угловатый! Потом идут движения-вибрации: это «огонь» и «воздух». И сюда же я отношу звуки. Волшебные звуки! — протрубил он.

Так они и практиковали три группы движений и пропевание звуков. Тут уж Эдд строго держался «тибетцев» и их пять звуков-воинов.

Дни текли один за другим, Гийом упорно тренировался. Изменения стали видны, собственно, со второй недели занятий — во-первых, отметил для себя Гийом, прибавилось сил и бодрости. Эдд говорил, что прокачка силовых линий способствует выбросу эндорфинов. Гийом перестал «западать» на правую сторону и у него прибавилось равновесного состояния. Многие события мая в Невере виделись ему в ином свете. Особо он себя корил за глупейшее поведение с Фламенкой. Он очень по ней скучал.

Лето, осень, зима, и наконец, весна. Год на острове Святого Якова прошел очень интенсивно.

Гийом понял смысл слов «служение учителю», он научился чинить и заправлять соляркой котел, чистить снег лопатой, колоть дрова одним ударом и бегать, с валуном на плече, на гору. Полоть сорняки, косить траву дедовской косой, варить чудесный кофе на песке. Драться на палках. Говорить прямо, что чувствует и быть полезным другим. Эдд научил его хитрому массажу, через нажатие на точки напряжения. Слушать тело. Это было главным. Наконец, пребывая в медитации прекрасным утром, Гийом понял, что пора двигаться дальше.

Эдд заметил перемену сразу:

— Да, сынок, вижу — ты готов! Эх, привязался я к тебе, скучать буду! Когда-нибудь приедешь с женушкой и детишками — порадуюсь за тебя! Ну, когда поедешь?

— Как свяжусь с Лари. Можно я буду писать?

— А как же, парень, откуда же я узнаю продолжение твоей истории?

— Спасибо, Эдд, за дружбу и за науку!

Когда Гийом уезжал, и они с Эддом шли по деревушке, он слышал слева и справа: «Доброй дороги, мистер Невер!» Мадам Оливер смахнула слезу. А он-то думал, что его никто не замечал, а оказывается, его приняли и по-своему любили.

Из Дублина он написал Мадам, спрашивая, как Фламенка. И уже в Нанте получил ответ, что она в Марокко, у Базиля.

Рассказ Гийома удивил и порадовал нас обоих, и меня и Базиля.

— Воистину Мастер — Эдд Бэкз, все что ты рассказал — очень круто! — воскликнул Базиль.

— А знаешь, что самое удивительное, милый? Я знаю этого русского, у которого учился Эдд! Мир так тесен, Гийом и волновое движение — это нечто! — Гийом почесал переносицу.

— Чем, друзья, займемся? Мы с Ясин собирались на один проект в Каир. Не поедешь ли с нами, вагабонд?

Гийом широко улыбнулся, обнял меня за плечи и сказал:

— Конечно, я с вами!

Вот так и закончились наши приключения в Марокко. И были еще три чудесных дня у моря, полных рассказов о том, как все мы жили этот год, и что мы испытали и открыли.

— Вот она, награда, после туманов Ирландии, — блаженно говорил Гийом, — столько солнца!

Впервые за все время совместной жизни я видела, как Гийом каждый день практикует движение. Вслед за Эддом, он называл его «волнуха».

Еще он показал нам практику пяти звуков. Базиль подначивал меня, спеть Гийому песню ветра.

И я спела ее однажды, когда был ветер, так, как я научилась у Радуа — с взлетающей снизу-вверх звенящей ноты, призыв тем самым звуком-свистом монголов.

В эту поездку к морю с Базилем нечто было не так. Это заметил даже Гийом:

— Что с ним происходит?

— Сейчас я не знаю. Это началось у Хассана. Если я поняла правильно, Базиль пережил там очень серьезный опыт, он даже был не в себе, какое-то время. Но об этом он сам не говорит, а я не спрашиваю, ему нужно время. А его прошло совсем немного, ты нас поймал в кульминации процесса.

— Надеюсь, он расскажет, когда придет время, Ясин.

— Что? Ты назвал меня Ясин?

— Ну, да, ты перестала быть Фламенкой, это так, — он ласково меня обнял, — вот оно, когда я тебя обнимаю, у меня такое чувство, будто я на своем месте в родном доме.

Я погладила его по голове, он перестал стесняться своих чувств, это было непривычно.

РАССКАЗ БАЗИЛЯ

«Если человек по-настоящему пытлив и стремится выразить свое открытие в творческом акте — ему необходимо стать прозрачным. Тем, кто пропускает через себя великие творческие энергии — не искажая их сути!» Пьер Блэз

«Связывать разрозненные части в целое, творить Игру, которая становится Мистерией, и единственная цель этой Игры — открыть еще одну грань великой Триады: Человек, Мироздание, Бог». Мэтр Авель

Базиль, наконец, созрел к речи. Я и сама была в некотором непонимании, что же за проект нас ждет в Каире.

— С этим человеком меня свели в Италии. Он был на фиесте в Сиене, но ничем не выразил свое отношение к тому, что увидел. Я так и не понял, понравилась ему моя работа или нет.

Он спросил, знаком ли я с работами Питера Брука, англичанина. Да, ответил я, поскольку видел «Сон в летнюю ночь» в Лондоне. «Это хорошо, — сказал он, — но вы не видели «Махабхарату»?

Я смотрел только фильм, но речь была о спектакле, который прошел за ночь, от заката до восхода солнца в Африке, на пленере. И он шел 9 часов.

Первое, что я подумал: у стоящего передо мной человека — сумасшедший масштаб! Брук — мог позволить себе такое, но я усомнился, сможет ли также вот этот человек...

Возможно, дело еще было в том, что я не мог прочесть по его лицу совершенно ничего, совсем не ощущал, какое намерение, какая цель у него.

Будто передо мною была маска с изображением человека, а позади нее читалась Пустота. Это вызывало смутную тревогу. Только я обо всем об этом подумал, мой собеседник широко улыбнулся и сказал:

— Не тревожьтесь, у нас будет достаточно денег, чтобы оплатить любые ваши фантазии.

И он пояснил, что проект финансирует государство в рамках развития национальной культуры. И будет задаток. Я был обескуражен и попросил подробностей о проекте.

В Египте театра в европейском представлении нет. Такой театр даже не особо заинтересовал бы зрителей, воспитанных в иной традиции. Естественная форма «народной драмы» — это только мистерия. Где слово не бывает на первом месте.

Это действие с пением и танцами, где вместе со зрителями происходит таинство очищения души. И только так!

Поэтому первое и главное условие: материальное пространство спектакля должно быть очень лаконично и сворачиваться в минуты, как палатка, которую можно перенести на другое место и снова развернуть. Вот тут, внимание, самое интересное: было бы идеально, если бы материальное пространство спектакля сворачивалось и разворачивалось, как магическое, сказал мне этот человек!

— Задача жизни! — молвил Гийом.

— Дальше — больше, — увлеченно продолжал Базиль, — все материальные предметы, что будут наполнять пространство мистерии, должны быть вне времени, из тех, чем человечество пользуется всегда! Костюмы мистов должны быть просты, с неконкретными национальными чертами. Как одежда одного тайного ордена, адепты которого живут по всему свету, обрядовой!

— Ого! Я даже не знаю, что тут должны быть за костюмы, — мне воображение даже ничего не подсказало, разве что только белый цвет.

— Чему же посвящена мистерия, Базиль? — подал реплику Гийом.

Базиль развернулся к нам всем корпусом:

— Разве я не сказал? Сотворению мира. Тех самых времен жрецов, фараонов и пирамид. Когда я спросил его о музыке, он ответил философски: «Мы не знаем, какова была тогда музыка. Жрецы практиковали исцеление звуком и умели исполнять музыку Сфер. Магическая медицина, это не совсем музыка».

Я так понял, что современной музыки быть не должно. А инструменты музыкальные должны быть очень архаичные и их нужно мало. Главное: это голос — музыка Сфер! Теперь ты понимаешь, зачем я тебя притащил сюда, Ясин? А вот Гийома, просто привела судьба! Новое понимание тела — мистерия будет танцем, но ясно, что не по законам хореографии! Очень кстати, что ты не знаешь, кто такой Бежар!

Гийом улыбнулся и добавил:

— Все очень и очень заманчиво, Базиль: музыка сфер, танцы из ниоткуда, сворачивающееся магическое пространство! Так все неясно, призрачно, просит исследования — это именно то, что нужно!

— Ты стратег, Базиль! Притащил, научил, впутал, как тебе отказать?

— Невозможно, — захохотал Базиль.
Я погрозила ему пальчиком.
— Знаете, что? «Пустота» за обликом мне уже знакома, вспомним мэтра Жеана, — тут я поглядела на Гийома.
— Не смотрите на меня, я-то до последнего считал, что он «добрейший дядюшка Жеан» и обычный человек. О его великолепии рассказал мне Эдд.
Вот так мы все и решили, оставалось сыскать для меня хиджаб.

ПОСТЫДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Может быть, и нет никакого Ордена Творцов Реальности? Может, я его придумала, потому что глубоко убеждена — он существует?

Впервые услышав о том, что реальность творит каждый сам, подумала, что должны быть в этом деле особые Мастера — магистры. Истинные мастера никогда не бывают на виду, поэтому редкая удача, если вам удастся обнаружить их след.

Но есть такая странная вещь в душе, она называется «зов». Она тебя будоражит, захватывает и ведет. И не будет тебе покоя, покуда ты не отправишься искать неведомо что, неведомо где, да и неведомо зачем. Это такая Жажда Души и утолить ее очень и очень трудно.

«От жажды умираю у ручья.
Смеюсь сквозь слезы,
И тружусь — играя.
Куда бы ни пошел,
Везде мой дом.
Чужбина мне — страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю».

Франсуа Вийон знал об этой жажде, когда писал эти слова.

«Вагабонды», бродяги — так зовут их французы, «странники» говорят у нас на Руси, «искатели» — говорят на Востоке.

И я пошла искать по свету «своих», мастеров Ордена Творцов Реальности. Зачем? За мастерством, честно говоря, потому что, нет без этого покоя.

Мастера этого Ордена живут повсюду, и между ними есть нерушимые незримые связи! Так связан Мишель с Хасаном, Амель с Эддом, Жак с Константином, и все они — с Тэо.

Главное — я нашла их, и душа моя радуется!

ЕГИПЕТ И МАСТЕР ХАКИМ

Путь выдался нелегкий. Марокко по сравнению с Египтом, вполне цивилизованная страна. Египет оказался достаточно дик. Наш путь лежал не в Каир, а местечко Л., где была «штаб-квартира» мастера Хакима.

По дороге Базиль нам рассказал, что сам Хаким относится к коптам, народу, который, собственно, и есть по-настоящему египетский, а не арабский.

Копты гордятся, что были первыми восприимчивыми учения Христа в его чистом и первоизданном виде. И это явление далеко от привычного

понимания христианства. Для коптов Христос — Учитель, носитель и податель священного знания Творца о любви. Иногда к коптам относятся, как к сектантам, но это полное заблуждение.

Ехать пришлось чуть ли не к подножию Синайских гор. На берегу была небольшая деревня, домов 15 и необычное строение. Оно выглядело как остаток сторожевой башни, круглое, с плоской крышей и оконцами в верхней части, под самой крышей. Большое, диаметром не менее ста метров. К нему вела дорога, отсыпанная мелким белым камнем, и у развилки стоял человек в белой шапочке, завернутый в шерстяную накидку. Это и был мастер Хаким.

С каждым из нас он поздоровался отдельно, бережно касаясь правой руки. Взгляд прямой, открытый и внимательный. Ничего особенного, но он мне понравился. Гийома Хаким оглядел с живым интересом, пока Базиль рассказывал, кто Гийом такой, и чем может быть полезен.

Говорил Хаким на вполне сносном английском, так что все друг друга замечательно поняли.

— Прощу, друзья, заходите! Это и есть сердце Театра мистерий, — указал он на вход в то самое круглое строение.

Когда мы вошли — замерли от изумления: чудесное пустое, открытое пространство круглого зала. Дощатый пол и белые стены! Ничего больше. Была правда, незаметная сразу другая дверь, тоже белая, через которую мы потом вышли в квадратную пристройку к башне, здесь жил хозяин и те, кто работали с ним, в комнатах наверху. На первом этаже располагалась комната вроде кухни с открытым очагом и полками для посуды. Тут на треноге над очагом кипел медный чайник, Хаким готовил нам горячий напиток — по ночам здесь очень даже холодно.

Когда мы устроились на табуретах вокруг огня, хозяин налил нам по пиале напитка, чем-то напоминающего грог. Много специй, цитрусовые и еще плоды и листья каких-то растений, которые заваривают вместо чая. Это было очень вкусно. Мы начинали блаженно расслабляться. Разговор порхал с одной вежливой темы на другую. Мы пристраивались друг к другу. И вот я решила, что пора перейти к настоящему:

— Странное здание для театра, — заметила я посреди общей глади разговора.

На что Хаким ответил, не моргнув глазом:

— Этим домом владели десять поколений моей семьи. И отец, и дед — создавали и играли мистерии, это наше цеховое занятие.

Что ж, после Невера, мне было не страшно сталкиваться с преемственностью такой длины!

— Удивительно, что такое в мире еще бывает! — я вполне показала свою храбрость, но отступить было некуда: мужики мои упорно молчали.

— Да! Мне очень повезло, — заметил Хаким, — особенно помог опыт учебы в России, в Москве.

— Почему же в России, а не в Европе? — спросил Базиль.

— Россия не так уж далека от нас, как кажется. Жить там — также не просто, как и в Африке. Но трудности невероятно закаляют дух и развивают тонкие творческие способности.

— Какие же, например, — поинтересовался Гийом, покосившись в мою сторону.

— Доставать нужное знание из недоступных тебе источников.

Гийом и Базиль на меня дружно посмотрели, я изобразила непонимание.

— Как это? — невинно спросил Базиль.

Хаким оставался спокойным и открытым:

— Европейцам это трудно даже представить, а у русских есть такое явление, как «железный занавес» и «закрытая информация». Иными словами, даже если у тебя есть время и деньги, тебя могут не выпустить из страны. Перенестись в Лондон или Рим ты можешь только мысленно, в воображении.

Или другое: если у тебя нет высшего образования, тебе недоступна, например, публичная библиотека и все, что в ней хранится.

Тут мужики обратились ко мне за подтверждением — я им улыбнулась.

— Зато, — продолжил Хаким, — мало кто знает, что любой человек может располагать каким угодно знанием, если обучен соединяться с полем познания. Для этого соединения нужно очень хорошо развитое воображение и намерение. Людям свойственно искать вовне то, что находится внутри.

— Мастер Хаким, Ясин это может! — похвастал Гийом.

— Вижу, — Хаким улыбнулся широко и радостно. — Может быть потому, что она — русская?

— Точно, Ясин! — воскликнул Базиль.

Я ощутила кожей шанс быть самой собой:

— А вы расскажете нам про мистерию?

Хаким поклонился, даже несколько церемонно:

— Обязательно. На народные праздники люди собираются с определенной целью — участвовать в поддержании Мировопорядка. (Не менее). Уклад народа не изменился. Правители приходят и уходят, а люди — просто живут. И то, что проверено временем, незачем менять, ведь так?

Думаю, географию Египта вы немного знаете? — обратился он к Гийому, который рассеянно кивнул, — зима начинается у нас холодным ветром с гор и пустыни. Даже оазисы замирают, их засыпает песком, и пальмы роняют свои листья на это время. Миф дает нам глубокую метафору: это время Сэта, брата Озириса, который беснуется и разрушает все, даже тело Озириса. И Озирис, как и Христос, приносит эту жертву, во имя продолжения жизни.

Он — Бог-колос, чья жизненная сила прорастает вопреки всему.

Время Сэта, время разрушения отжившего, косного, время раздумий и борьбы со стихией внутри себя.

Но приходит весна, сменится ветер, разольется Нил и начинается пахота и сеяние! И до этого люди собираются, чтоб отпраздновать вечное торжество Жизни и попрание Смерти, испытать силу обновления.

— Очень похоже на Пасху! — вырвалось у меня. На самом деле мной овладевал внутренний восторг, будто я делаю открытие Вселенского масштаба, Хаким владел магией слова.

— Правильно, смысл один — разные протоколы праздника, ритуальные действия, — Хаким, не спеша, налил нам еще по чашечке, — когда приходит время праздника специальный человек обходит поселок и звенит медными тарелочками, это сигнал. Семьи наряжаются, в доме наводится порядок, срезается пальмовая ветвь и все собираются у дома старосты.

Сэту делают подношения в виде специальной еды и начинается танец, смысл которого собрать всю энергию рода и поблагодарить Сэта за работу по обновлению мира.

Песню благодарности исполняет только мист (участник мистерии, так я его по-гречески для ясности буду называть), который обучен тому, как эту силу направить.

Танец танцуется кругами, он очень ритмичный, трансовый — относятся к нему чрезвычайно серьезно: с силой Разрушения нужно обращаться очень почтительно.

Потом наступает важный момент — поиск частей тела Озириса Изидой: их символизируют хлеб, молоко, зерно, масло, плоды.

Она соединяет их в целое. Женщина-мист исполняет плач Изиды, и ей вторят женщины Рода. Когда собираются части «тела» Озириса, мист проговаривает, что именно становится целым с этой частью. Например, «С сердцем Озириса восстанавливается дружба и доверие между всеми нами!»

Так обходят вниманием все главные для общины основы, чтобы о них никто не забыл. Так их поддерживают. Самое основное происходит дальше: это и есть Мистерия.

Род окружает двумя кольцами Изиду, которая творит в центре магический танец оживления тела Озириса, а люди танцуют и поют гимны, чтобы Изида смогла сотворить чудо.

Кульминация мистерии — появление Озириса из-за снопа колосьев — живым и утверждающим закон любви и творения.

Дальше, чтобы дать выход радости, танцуются круговые танцы, и первым танец мужчин с палками, которыми они ритмично стучат о землю, будто призывая звук цепов при молотье хлеба.

— Боже, это как у нас на праздники солнцестояния, суть так похожа! — нечто внутри у меня раскрывалось и расширялось.

— Да, так и есть, миропорядок держится на природных циклах и это очень правильно, люди так живут испокон веков!

— Хаким, меня мучает вопрос, как же вы готовите мистов? Это должно быть непростые люди; вы сказали, они должны держать и направлять энергию, как их обучают? — спросил Базиль.

— Вы это узнаете! Для этого я и позвал вас заранее, Базиль. До того, как вы приступите к творчеству, я буду вас учить — разворачивать пространство, наполнять его, держать и направлять энергию. Согласны? — рассмеялся Хаким, — внутри мистерии все равны — и художники, и музыканты, и мисты.

НАУКА О ДУШЕ

Хаким был человеком дела, и прямо с утра установлено было заниматься подготовкой.

Шла она в пустом зале, потому что все на свете рождается из Великой Пустоты Атома. Его сильное творческое дыхание дает жизнь божеству ветра Шу. Шу — первое создание Пустоты, конечно же напоминает мне тибетский лунг, тот чудо-ветер, который переносит жизненную энергию — она же прана. И из нее творит реальность.

Шу приводит жизненную силу в движение, покуда пустота Атома-пространства порождает разные энергии. Эти изначальные энергии существуют в парах, Изида — Озирис, Геб и Нут, Сэт и Нефтис.

Земля и Небо — Геб и Нут — мужское и женское. Огонь и вода — Сэт и Нефтис. Изида и Озирис — жизнь и смерть. Супруги порождают Мир во всех его проявлениях и прежде всего — Гора, Небесный свет, который всегда ведет к светоносной силе Творца, ее и называют Ра — солнце.

В созданном мире царит РАвновесие: Гор перевозит силу Ра по мирам. Днем по небу, ночью по подземному царству Озириса.

Душа же человека, называемая Ка, соткана из тех же сил, что и Божества, а потому — Божественна. Естественная ее потребность — стремиться к силе Творца, чтобы с ним слиться.

Именно эта сила ведет ее в царстве мертвых к возрождению.

Ка перемещается на крыльях птицы Ба. Ба — дух-помощник, она делает Ка подвижной. Ее энергии устанавливают с Ба связь, прочную, как пуповина. Ба всегда приходит на помощь Ка: во снах, в путешествиях вне тела, и после смерти — когда Ба несет Ка к месту встречи с Озирисом для великой трансформации.

У людей бывает несколько Ка. Чем больше Ка, тем больше сила Души человека. У фараонов, сынов Неба — сорок Ка. Все они могут находиться в разных измерениях реальности, но время от времени, их необходимо собирать вместе, чтобы избежать безумия.

Первое, что научил нас делать Хаким — это собирать свои Ка, чтобы мы всегда находились в полном присутствии духа.

Суть практики заключалась в том, чтобы сначала хорошо заземлиться, представить, что твой копчик, как корень, уходит в землю, и, соединившись с силой земли, позвать все свои Ка, пропевая самый низкий звук, который ты способен спеть.

Если, это проделав, удавалось с силой земли соединиться, то начинал чувствоваться подъем энергии по спине от копчика вверх, и соединение с макушкой, над которой ощущался Ветер.

Ка собирались и соединялись внутри. Для этого было достаточно принять позу «мумии»: скрестить на груди руки и находиться в неподвижности, соединяя части себя в целое.

Сначала, полагалось отследить Шу — ветер в себе. И когда все уляжется и уйдут лишние мысли, ты наблюдаешь рождение из себя новой сути — держа внимание на центре груди. Мне очень нравится метафора бабочки: когда ты внутри кокона и все твои Ка соединяются, сплетая свой опыт,

еще не ясно, кем ты появишься на свет. Приходит время, и из тебя рождается абсолютно новая суть — бабочка!

Теперь понятно, почему саркофаги имеют форму коконов. В них вызревает новая духовная суть!

Теперь у меня никаких сомнений нет: в лице Хакима, мы встретили, наконец, настоящего Мастера Ордена Творцов Реальности, такого же мощного, как Хассан!

ПОДГОТОВКА

Очень трудно описать то, что мы делали в процессе подготовки.

Много работали над осознанностью дыхания: дыхание выполнялось в парах, и коллективно. Обращая внимание на его длительность и соразмерность, и на то, какое действие происходит после выдоха, что изменяется. И еще на суть взаимодействия внутри круга или пары. Обычно, мы действовали в паре с Гийомом, а Базиль с Фатимой — девушкой из учеников Хакима. За глаза я называю ее «прекрасная Нубийка», она напоминает пуму, цвет ее кожи очень темный, а черты лица правильные, и абсолютно — европейские. Хаким говорил, что так и выглядят потомки древних Нубийцев.

Хаким просит, чтобы мы в парах разделились на роли: Ка и «тело». От этого получается, что Ка вдыхает жизнь в «тело», а «тело» — дает прибежище Ка. Прочная связь, это нам нужно было хорошо почувствовать.

Сначала, я не видела внутренней логики в наших упражнениях; мы делали растяжки, определенные статичные позы, которые выдерживали подолгу, пока Хассан нам рассказывал о божествах и Мироздании Египта. И так называемые, «упражнения на доверие»: ловить и поддерживать расслабленное тело товарища.

Вызывать слог «Ра» волной, чтобы он нарастал, как лавина и опадал. Действовать сообща, как один человек. Порой я задавала Хакиму вопросы из разряда «зачем, что и почему», на что я слышала в ответ: «А зачем, что и почему?» или же загадочное: «Смотри и увидишь». Я не понимала, на что смотреть, и как это понимать, буквально, или тонко материально, и поэтому раздражалась иногда.

Но ситуация не особо менялась в понимании вещей, а вот наша чувствительность и доверие друг к другу заметно выросли.

Удивительно, даже с Гийомом, с которым мы очень близки, оказалось можно чувствовать друг друга еще сильнее и тоньше.

Теперь мне стала понятна в ощущениях метафора «половины одной души».

Но один вопрос, мне удалось разъяснить. Мы часто практиковали три позы: Писатель, Мужчина и Женщина. Я ломала голову, для чего? И однажды поняла — они позволяют «управлять» трансом! По крайней мере, если мне нужно более активное участие сознания в течение транса, я использую позу «мужчина». «Писатель» дает позицию наблюдателя. Если хочешь хорошо запомнить свое путешествие, нужно выбирать однозначно, «писателя». «Женщина» позволяет уйти вглубь ощущений, усилить проживание.

Процесс обучения с Хакимом был таким захватывающим, что даже ленивый Гийом стал вести записи. Поскольку мы все, конечно же, обсуждали, я поделюсь в общих чертах, что для себя открыли Гийом и Базиль.

Гийом интересовали, прежде всего, телесные ощущения. Он не прерывал своих ежедневных тренировок, поэтому ему хорошо чувствовалось различие в подходах. Для него различие было в поляризации: Хаким создает и усиливает два полюса, душа-тело, они начинают ярче проявляться, как отдельные компоненты.

Тонкость души, её гибкость, даже, подчас пластичность и не привязанность к материальному, плотно уравнивается крепостью тела, его устойчивостью и погруженностью в простые вещи, здесь и сейчас.

Тело устроено сложно, не менее сложно, чем душа, но оно потрясающе проявляет видимое в ощущениях. Это дает пищу душе. Материя питает дух! Удивительно! У души появляется столько возможностей, благодаря телу!

И еще: «поляризация» Хакима рождает сильное притяжение двух полюсов в целом!

Базиль непрестанно мучился с задачей «свернуть-развернуть» пространство Мистерии. Он говорил нам, что видит, как оно рождается из абсолютной Пустоты Атома:

— Этот миф очень схож с основным представлением бон-буддизма о Ригпа, совершенной пустоте, что говорит о единстве сферы духа и в этом единстве растворяются индивидуальные и национальные черты.

Кресало, котел, палка, шкура, веревка.

Вещи, которые вне времени, следуют за бытием человека.

Ещё чаша. Человек — сам, как чаша, вместилище. Он представляет собой то, что в него налито. Как бы я создал бытие из Пустоты?

Я принес бы с собою на палке узел, развязал бы веревку, достал бы чашу, кресало и котел. Если привязать один край шкуры к палке, а два других подпереть камнями, то получится палатка от зноя или ветра.

Когда я собирал свои Ка, ко мне опять пришел старый знакомый — мой Ветхий человек. Он уже не страдал, но переживал печаль утраты, казалось, он скорбел. У него было много Ка, казалось, гораздо больше сорока! В том-то было и дело, что ему давно пора было уйти, но он не смог собрать самого себя. Он был не цел, его частицы носились по разным мирам, потеряв знание о том, кто они и откуда.

И самое страшное было в том, что это он сделал сам, собрав свою силу в магический бросок. Жадный до знания он затеял эксперимент: послав свои Ка, как гонцов, в разные измерения, но это его так ослабило, что он не смог их вернуть. Он умер и не умер. Ужасный конец!

Самое странное, что я думал он — это я. Оказывается это он приходил ко мне, неся с собою просьбу или послание. Мне довелось пережить его боль, чтобы я смог его понять и услышать! Но кто он, почему я должен его спасать? И как я вообще могу это сделать?

ПОЛЕТЫ В ТЕЛЕ И ВНЕ ТЕЛА

В один прекрасный день мы застали в зале много людей, не менее двенадцати человек. Мужчины и женщины, все разных национальностей и разного возраста.

Хаким сказал:

— Мы собрались поприветствовать певицу, постановщика и художника нашей мистерии. Ясин, Гийом и Базиль. С этого дня мы будем работать сообща.

И начнем мы с самого важного дела, нам нужно подарить Ясин бесценный опыт.

Не сказал, какой именно. Попросил меня лечь на пол, положил под голову валик, а сам сел рядом, в головах:

— Выдохни и глубоко-глубоко вдохни!

Я сделала то, что он просил, а Хаким издал низкий гортанный звук, и не успела я и глазом моргнуть, как по команде Хакима, на меня стали ложиться мисты ровно и ловко. Быстро, будто только того и ждали: один, второй, пятый...

Я уже давно не могла дышать и поняла, что умираю. В этот момент я ощутила некий внутренний звук, будто нечто лопнуло, шум в ушах и движение вверх с большой скоростью.

Дальше случилось то, что я никак не могла объяснить: поглядев вниз, себе под ноги, я увидела, что лежу на полу, а мисты взяли меня за руки, за ноги и «встряхнули» меня вверх. Потом осторожно положили на пол.

— Не бойся, все хорошо, — услышала я голос Хакима, хотя могу поклясться, он не открыв рта, сидел рядом. Ну да, он скорее «говорил» в моей голове:

— Двигайся как во сне, усилием мысли, плыви. Давай коснемся потолка.

Я не могла оторваться от вида своего тела внизу и от ощущения, что я вверху.

— Соберись, у нас мало времени и нужно запомнить все ощущения! Давай, коснись потолка!

Это было сказано так, что я вдруг абсолютно доверилась Хакиму и как ребенок, старательно попыталась. Сделать это оказалось нелегко: я старалась, но не могла добраться до потолка!

— Хорошо, представь, что ты касаешься его рукой и вслед за этим, окажешься на месте.

Это сработало. Удалось. И тут я попробовала оглядеться, чтобы найти Хакима. Но рядом со мной был только комок света, никого больше. Теперь уже становилось ясно — что он и есть Хаким!

— Сейчас ты будешь падать, и потом соединишься со своим телом. Давай! Нырять!

Я сделала, как он говорил. Открыла глаза: закладывало уши, и было трудно отдышаться. Рядом по-прежнему был Хаким и все остальные спокойно сидели на местах. Будто и не было ничего.

Чьи-то заботливые руки накрыли меня пледом. Я задремала.

Когда проснулась, увидела: все сидят в кружочке и слушают Хакима:

— Каждый, кто сидит здесь в кругу из мистов, однажды испытал разделение души и тела. В Европе это называют отделением тонких тел или астральным выходом. Чтобы глубоко понимать, что именно происходит с другими людьми во время путешествий души — мы должны сами многое испытать.

Ясин сейчас получила первый опыт, скажем так, управления действиями Ка. И это было нелегко, правда? — обратился он ко мне.

— Очень неуклюже, — подтвердила я.

Сидящие по-доброму рассмеялись: действительно, самое бытовое действие в мире, коснуться рукой потолка на высоте десять метров! Рук и ног у тонкого тела-то нет! И я добавила вслух:

— Особенно ужасен был говорящий Комок света!

— А я не говорил, я — думал! Только очень громко! — засмеялся Хаким, сверкая зубами.

— Прошу прощения, а сколько я пробыла в разделенном состоянии?

— Секунд тридцать, — ответил мне один из мистов, похожий на Шведа.

— Ого! А мне казалось не меньше тридцати минут! Мы столько движений успели сделать! — «швед» понимающе кивнул.

— У меня есть ответ, по поводу Ба, — продолжила я, — эта птица — нечто вроде «крылев воображения». Только все вместе взятое: мысль, намерение, толчок воображения, а вот дальше, все идет само собой, и трудно предугадать, что ты увидишь, и что может случиться.

— Все верно, Ясин, это так! — подтвердил Хаким.

— Мне, например, достаточно было осознать существование разделения, — начал Гийом, — это перевело внимание туда, на чем его раньше не было: на возможности души, имеющей тело.

Я стал чувствовать, что метафорические танцы стихий в теле можно выразить вовне, и это будет, как мандала, только телесная, динамическая.

Думаю, я готов это проделать с мистами. Божества, дети Атома, это первоэлементы, ведь так?

— Точно так! Ты готов начать, так тому и быть! — согласился Хаким.

И тут дозрел Базиль:

— Тогда и я расскажу, что нашел и как это случилось.

Представьте, как в пустое место пришел человек. Он немного напоминает дервиша своей шапкой, но одежда его из отдельных полос ткани, нашитых сверху. Ветер может играть этими полосами. И если человек начнет кружиться — они расправятся и образуют конус. На плече у человека длинная палка и узел из шкуры, перевязанный веревкой. Человек втыкает в землю палку, развязывает шкуру. Внутри оказались: кресало, котел и чаша. Шкуру он привязывает к палке и получается подобие палатки. Осталось сложить камни в очаг и зажечь трут. Мир дервиша, сказочника, странника — уже существует.

Дервиш начинает звучать, глубоко и мощно, издавая звук До. Он собирает все свои Ка из миров. Ему вторит звук странного инструмента, напоминающего горн или трубу, это похоже на гул ветра в трубах. Звук открытого пространства! На зов человека приходят мисты, собираясь в круг, они готовятся к великой трансформации: делают массаж, грим-бальзамирование,

настройки дыхания. Потом они образуют круг и замирают. Мистерия начинается!

— Мощно, — только и молвил Гийом.

— Похоже, дело сделано — «мир уже существует», ты сказал — и развернул его, — не торопясь говорил Хаким, — теперь он живет, а мы будем лишь наблюдать, и рассказывать людям, каков он сейчас, пока мы все вместе.

— В моем трансе я попробовал отпустить Ка, — продолжал Базиль, — раскрыл руки и представил, как множество бабочек вспархивают и разлетаются в разные стороны, но каждая из них — маленький я. Не знал, как их по-другому «маркировать». Потом я попробовал их собрать: зажег огонь в сердце и представил, что у каждого Ка загорается маленький огонек.

Они слетаются обратно к источнику света. На звук, впрочем, тоже. Но в моем исполнении, это — почти крик, каким подзывают лошадей: «Хэйю!»

Далее я пошел таким путем: дал задание одному Ка. Сначала я увидел маленького ночного мотылька с черными пятнами на крыльях у него было тело маленького Базиля, и отправил его через образ пустого пространства.

— Ну и что, получилось? — поинтересовалась я.

— Неожиданно я встретился там с одним человеком, которого уже неоднократно встречал. Он показал мне, в чем его беда, но я не знаю, как ему помочь.

— Тот Мастер, что готовил вас во Франции, прекрасно поработал — ваше воображение крылато, вы создаете нужные образы и легко их трансформируете. Для меня это больше, чем поддела.

Душа собирает опыт переживаний, как пчела мед. Все наши путешествия — поход за опытом, и дальше — важно то, как он складывается из фрагментов в целое. У простого человека это случается во время кризисов души и самой главной трансформации — смерти.

У одних этот опыт становится стартом, у других — обнулением. Тогда приходится все начинать сызнова.

Но великая эта трансформация скрыта от нас завесой тайны, никто не может вернуться обратно из мира мертвых. Однако Боги подарили нам таинство, приоткрывающее завесу. Думаю, вы готовы его пройти, если пожелаете.

— Таинство смерти? — шепнула я.

— Именно.

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

ПИСАТЕЛИ ГЕРМАНИИ (18 в.) — РАСПЕ И БЮРГЕР, И. МУЗЕУС, ГЕТЕ, Л. ТИК, ШИЛЛЕР, ЛЕССИНГ

Рудольф Эрих Распе (1737-1794) — создатель популярного литературного героя — барона Мюнхгаузена. Из-за финансовых приключений (обвинение в краже) Распе в 1785 г. бежал в Англию, где опубликовал на английском языке книгу о небывалых приключениях некоего рассказчика-фантазера из немецкого журнала «Спутник веселых людей», с добавлением им самим сочиненных эпизодов из английской истории. Фамилия рассказчика не указывалась, но со временем читатель узнал его полное имя — Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен. Он много лет был на службе в России. Вернувшись домой, он в кругу друзей поведал о своих удивительных похождениях в «стране белых медведей». Среди историков литературы существует предположение, что в числе слушателей его небывалых рассказов были Распе и Бюргер.

Распе в своей книге придерживался просветительской идеей — наказывать ложь, но вместе с тем и осудить тех людей, которые проявляют нетерпимость к необузданной фантазии рассказчика. Выдумки барона должны были развлекать читателей и вместе с тем исправлять их нравы. Распе подчеркивал особую черту своего героя — не полагаться на удачу, а более доверяться силе своего разума и воли в преодолении трудностей. Книга Распе продолжала сатирическую традицию Свифта, Филдинга, Рабле.

Заслугой Распе литературоведы признают включение главы о поиске несуществующего королевства Бробдингнег — своеобразной утопии. Фантастика помогает автору найти на Луне идеальное справедливое государство, где решены проблемы повседневной жизни.

Из книги Распе «Барон Мюнхгаузен на Луне»:

«...Глаза свои они могут вынимать и вставлять. Держа глаз, они видят им так хорошо, как будто он у них в голове. Если глаз испортится или потеряется, они идут на базар и покупают себе новый. Поэтому на Луне очень много людей, которые торгуют глазами.

Там то и дело читаешь на вывесках: «Дёшево продаются глаза. Большой выбор оранжевых, красных, лиловых и синих».

Каждый год у лунных жителей новая мода на цвет глаз.

В тот год, когда я был на Луне, в моде считались зелёные и жёлтые глаза.

Но почему вы смеётесь? Неужели вы думаете, что я говорю вам неправду? Нет, каждое моё слово есть чистейшая истина, а если вы не верите мне, отправляйтесь сами на Луну. Там вы увидите, что я ничего не выдумываю и рассказываю вам одну только правду...»

Готфрид Август Бюргер (1747-1794) — поэт и писатель, представитель «Бури и натиска», большой почитатель сказок «Тысяча и одна ночь». Он перевел произведение Распе на немецкий язык. Бюргер существенно дополнил книгу о бароне Мюнхгаузене новыми историями. У него барон не всегда комический персонаж. Это — фантазер, который свое стремление к подвигам осуществляет в несбыточных мечтах, пытается найти выход из тяжелых жизненных ситуаций. Литературоведы считают его героя — Рыцарем веселого образа, вооруженного находчивостью и бескорыстием. Мюнхгаузен у Бюргера фигура противоречивая: герой велик и мелочен, неустрашим и труслив. Историки считают, что Бюргер превратил «Мюнхгаузена» в «народную книгу».

В России перевод «Мюнхгаузена» появился в 1791 г. под заглавием «Не любо — не слушай, а лгать не мешай», впоследствии подвергаясь многочисленным переделкам.

Из книги Бюргера «Барон Мюнхгаузен — приключения на море»:

«..Едва мы успели ударить по рукам, как несколько матросов, которые, сидя в шлюпке, привязанной к корме корабля, занимались рыбной ловлей, убили необыкновенно крупную акулу. Они тут же втащили ее на борт и принялись потрошить. И подумайте только — в ее желудке мы нашли... шесть пар живых рябчиков!

Несчастные птицы так долго находились в заключении, что одна из самок уже сидела на яйцах, из которых одно вскрылось как раз в ту самую минуту, когда акуле взрезали брюхо.

Птенцов мы вырастили вместе с котятками, появившимися на свет несколькими минутами раньше. Старая кошка так любила этих птенцов, словно это были ее четвероногие детеныши, и невероятно волновалась, если наседка улетала слишком далеко и долго не возвращалась. В числе рябчиков было четыре самки, из которых постоянно то одна, то другая высиживала птенцов, так что в течение всего пути стол капитана в избытке был обеспечен свежей дичью. Бедняге Трею, в награду за сто гиней, выигранных мною, отдавали по моему приказу все косточки, а иногда ему доставалась и целая птица...»

Иоганн Карл Август Музеус (1735-1787) — вошел в историю литературы переработкой фольклора немецкого, романских и славянских народов. Его сборник «Народные сказки немцев» (1786) включает легенды и волшебные истории, в которых реальности и фантастике придан иронический назидательный смысл. Затейливый сюжет, тонкая психология делают сказки занимательными. Их причудливый мир интригует остроумием, теплотой и человечностью. Разные персонажи — добрые и злые, мстительные и всепрощающие увлекают читателя в сказочный мир. В «Легендах о Рюбецале» горный дух как раз пронизан этими качествами. Музеус продолжил путь к авторской литературной сказке, предвосхитив бр. Гримм и А. Шамиссо.

Из сказки Музеуса «Кладоискатель»:

«..Мастер Петер довольствовался солидной рентой со своего гарцевского клада, описание которого, впрочем, он не оставил и в старости имел такое состояние, что и сам не знал, насколько он богат. Но богатым человеком все считали его зятя.

Фридрих жил с прекрасной Люцинией счастливо и в довольстве. Вскоре он был избран в Совет и стал бургомистром, ибо богатый человек, если захочет, всегда может стать почётным гражданином своего города».

Иоган Вольфганг Гете (1749-1832) — писатель, мыслитель, разносторонний ученый. Он родился в семье императорского советника. Гете получил домашнее воспитание, которое пополнил в Лейпциге и Страсбурге, занимался юриспруденцией. Знакомство с немецким просветителем Гердером приобщило его к культурному движению «Буря и натиск», названному по одноименной пьесе Клингера, который ратовал за преодоление пассивности и смирения, за выражение сильных характеров, не сломленных деспотизмом.

Литературное наследие Гете огромно — лирика, поэмы, драмы, проза. Венец его творчества — драматическая поэма «Фауст» (1831). Писатель взял сюжет из лубочной книжки о докторе-чернокнижнике Фаусте, был преобразован гением писателя в «величайшее создание поэтического духа» (А. Пушкин), герой которого — бесстрашный искатель истины, никогда и ничем не удовлетворявшийся и признававший смысл жизни в борьбе за счастье, служении людям, вечной неутолимой жажде знания. Главная проблема книги сформулирована в прологе. Это вечные, философские вопросы: что такое человек? В чем его сущность? Спор между Господом и Мефистофелем призван разрешить Фауст, который познал книжную мудрость и ощущает, что еще не понял главного — «вселенной внутренней связи». Поиск истины Фауст осуществляет в непрестанном споре с Мефистофелем. Испытания-соблазны, которым подвергает Мефистофель Фауста в первой части трагедии, протекают в обстановке повседневности, в реальном мире. Вторая часть — более сложное, условное повествование, где действуют исторические и мифологические персонажи. В глубокой старости, на пороге смерти Фауст познает истину:

«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой».

В романе «Страдание юного Вертера» (1774) сентиментализм от Гердера и Руссо явственно чувствуется читателем. В основу произведения была положена история несчастной любви Вертера, молодого человека, одаренного пытливым умом, поэтическим восприятием природы, проницательностью и чуткостью. Его стремления отдать свои способности и знания на благо людей и юношеская любовь к Шарlotte натавливаются на эгоизм и насмешки окружающих людей. Неудачи героя романа терроризируют душу влюбленного юноши и приводят к трагическому финалу.

«...По первому известию прискакал старик. Он поцеловал умиравшего и горько зарыдал. Двое старших его сыновей пришли вслед за ним. Они упали перед постелью Вертера и, рыдая, целовали его руки и лицо. Старший, его любимец, повис на его шее и принял от него последней вздох; его насилу могли оттащить. В полдень несчастный скончался. Присутствие советника и его распоряжения подняли весь город. В ночи, около одиннадцати, Вертера похоронили по завещанию на им указанном месте. Советник и двое его сыновей шли за гробом; его несли ремесленники. Альберт не мог его проводить. Опасались за жизнь Лотты».

В неоконченном романе Гете «Театральное призвание Вильгельма Мейстера» отразились биографические мотивы писателя. Его герой посвящает себя искусству, пытается создать национальный театр в Германии. Так писатель показал литературный персонаж, который нес идею формирования современного человека.

В семейном романе «Избирательное средство» (1809) Гете возвратился к вертеровской теме в противоположном варианте — проблема свободы чувств решается путем верности семейным устоям.

После смерти Шиллера в 1805 г. Гете создает книгу «Поэзия и правда из моей жизни». Книга охватывает ранний период его жизни и деятельности до переезда в Веймар. В этом произведении автор критически пересматривает бунтарство «Бури и натиска».

В поэзии Гете имеет свое творческое лицо. Лирика Гете — это выражение личности, которая восходит к непосредственности чувства и к широте мира. Гете властвовал над поэзией. Он гениально-дерзко изменял язык. Литературоведы считают, что ранний Гете поэтически смел — однако зрелый и поздний несравненно смелее — язык преобразается, придумываются новые слова и формы слов, их значение резко и тонко переакцентируется. Гете любил, чтобы стих был «из одного куска», как писал он в одном своем сонете.

Лирическое. Март

«Снег падает все боле,
И не приходит час,
Чтоб все цветочки в поле,
Чтоб все цветочки в поле
Порадовали нас.
Сиянием июня
Нам только лжет весна.
А ласточка-то лгунья,
А ласточка-то лгунья
Примчалась, но одна.
Один я. В дни расцвета
Уныло все кругом.
Но вмиг настанет лето,
Но вмиг настанет лето,
Лишь будем мы вдвоем».

Сущность художественного творчества Гете, его роль в жизни общества и воздействие на окружающих людей показаны в историко-биографическом романе Т. Манна «Лотта в Веймаре».

Людвиг Тик (1773-1853) — поэт, драматург и прозаик. Он родился в семье ремесленника. В своей жизни много сил отдал переводческой, издательской и театральной деятельности. Своими сказками и новеллами Тик вошел в историю культуры как предшественник романтической беллетристики середины 19 в. Под внешней простотой повествовательной манеры писателя скрывается противоречивость тематических, сюжетных и стилистических традиций. Эмоциональная приподнятость без иронической насмешливости не переходят в произведениях Тика мягкого юмора. Наиболее значительным

в его творчестве явился роман «Странствия Франца Штернбаля (Старонемецкая история)» (1798). Это произведение представляет собой и житейский разговор, и светскую беседу, вовлекающую читателя в раздумья о судьбах искусства. Оно также является обрамлением для историй о смятении человека, выбитого из привычной жизненной колеи, но желающего встать на истинный путь. Поиск прекрасного побуждает молодого художника Франца, ученика Альбрехта Дюрера, посетить страну живописцев — Италию, обрекает на вечные странствия, во время которых он обнаруживает, что не является сыном того, кого считал своим отцом. Сосредоточенность на чувствах и переживаниях Франца сопряжена с открытием какой-то неизбежности в человеческой душе. Тик ставит своего героя в традиции Сервантеса, показывая различные ситуации во время его странствий, чтобы он мог убедиться в истинности своего призвания и идеала женщины, царящего в его воображении.

Из романа Тика:

«...С новой силой пробудилась в нем любовь к искусству, воспоминания о юности в Нюрнберге, о верном Себастьяне вновь ожили в его душе во всей своей прелести. Он укорял себя за то, что до сих пор память его так редко обращалась к Дюреру и Себастьяну. Он вновь извлек дорогой его сердцу альбом и осыпал его поцелуями, увядшие цветы растрогали его до слез.

— Ах, и ты теперь увяла, тебя больше нет, — вздохнул он.

Достал он также и портрет, который получил от отшельника на горе. И тут в руках его оказалось письмо графини, о котором он совсем забыл».

Фридрих Шиллер (1759-1805) — поэт, драматург эпохи Просвещения. Родился в маленьком городе Марбахе Вюртембергского герцогства в семье военного фельдшера. Учился в академии для подготовки государственных чиновников. Там Шиллер начал писать драму «Разбойники», которую закончил в 1781 г. В следующем году одна из лучших театральных групп в столице соседнего герцогства — Пфальцского, ставит ее на сцене. За самовольный отъезд на премьеру собственной пьесы Шиллер был посажен под арест на две недели. Ему было запрещено в дальнейшем заниматься литературной деятельностью. Писатель решается на побег. Пять лет он скитался по разным городам Германии, пока не поселяется в Веймаре, где живет Гете. Дружба с Гете помогла развитию писательского таланта Шиллера. Литературоведы отмечают, что Шиллер проходит в своем творчестве два основных этапа — период «Бури и натиска» и «Веймарского классицизма».

Драма «Разбойники» относится к периоду «Бури и натиска». Пьеса обращена против тирании во всех ее проявлениях. Сюжет драмы возник из многих источников. Мотив пьесы — изображение «благородного разбойника», который был взят из английских баллад о Робин Гуде и из истории реально существовавших разбойничьих банд в Германии. Популярная тема вражды двух братьев, решена как масштабный гражданский конфликт. Символическими воплощениями добра и зла становятся — «благородный разбойник» Карл Моор и циничный эгоист Франц Моор. Конфликт между героями усиливается особым контрастным построением сцен. Великодушного героя Карла Моора мучает неизбежность насилия, у него возникают сомнения

в справедливости избранного пути. Этим Шиллер показывает антигуманность способа насильственной переделки общества. В конце драмы писатель показал, что разбойник Моор понял свою ошибку — исправить нравы с помощью злодеяний, и он решает сдаться в руки правосудия. По дороге в замок Моор разговаривает с бедняком, у которого большая семья и предлагает тому сдать себя, знаменитого разбойника, властям и получить за это крупное вознаграждение.

«Разбойники» Шиллера — одно из тех драматических произведений, которые захватывают читателя необычайной цельностью и силой характеров, накалом страстей и выразительностью монологов.

К этому периоду творчества Шиллера относятся драмы «Заговор Фисеско в Генуе» (1783) и «Коварство и любовь» (1784). Писатель называл драму «Коварство и любовь» — «мещанской трагедией», но это — одно из лучших его творений. Жестокому миру вельмож и придворных противопоставляется здесь семья скромного музыканта Миллера, человека, полного достоинства и моральной чистоты. Его дочь Луиза и молодой человек Фердинанд фон Вальтер, сын влиятельного придворного, честолюбца и карьериста, любят друг друга. Но против них ополчается весь герцогский двор с его гнусными интригами. Это приводит к гибели влюбленных. «Коварство и любовь» — пьеса о реальной немецкой действительности того времени.

После 1790 года в творчестве Шиллера начинается новый период так называемого «веймарского классицизма». После стихотворной трагедии «Дон Карлос», знаменовавший отход Шиллера от бунтарских настроений и все растущий интерес его к морально-этическим проблемам, он на долгое время оставил драматургию и погрузился в область философских, эстетических и исторических исследований.

Шиллер стремился перенести формы античного искусства в современную литературу. Образец прекрасного он искал в античности. Об этом свидетельствует его известное стихотворение «Боги Греции», где прозаическая современная жизнь противопоставляется светлому миру древних греков.

В «Антологии на 1782 год» Шиллер опубликовал 60 стихотворений философского и политического содержания.

Из лирики Шиллера:

Руссо

«Монумент, возникший злым укором
Нашим дням и Франции позором.
Гроб Руссо, склоняюсь пред тобой!
Мир тебе, мудрец уже безгласный!
Мира в жизни ты искал напрасно —
Мир нашел ты, но в земле сырой...»

Поэзия Шиллера пронизана высоким гуманистическим пафосом. Поэт прославляет величие человеческого духа («Художники»), воспекает служение родине, мир и труд, преобразующий природу («Песнь о колоколе»).

В период Веймарского классицизма большое место в поэзии Шиллера занимают вопросы эстетического воспитания людей («Поэзия жизни»).

Одним из поэтических увлечений Шиллера были эпиграммы. А 1796 год историки называют в творчестве поэта — «годом эпиграмм». Зато следующий, 1797 год, получил наименование — «год баллад».

Баллады занимают видное место в поэтическом наследии Шиллера. Сюжеты их поэт заимствовал из народных легенд, а также из истории древних веков, средневековья, Возрождения («Кубок», «Перчатка», «Ивиковы журавли»).

Из баллад Шиллера:

Кубок

«...В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она;
Он видит: в ней жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...»

В последние годы жизни Шиллер обращается к жанру «высокой трагедии». Он создает исторические драмы, вошедшие в состав классического мирового репертуара. Трилогия «Валленштейн» (1797-1799) — «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна» — драма из эпохи Тридцатилетней войны в Германии. Шиллер создал образ полководца Валленштейна, который осознал историческую необходимость объединения немецких земель, но ставшего жертвой своих политических интриг и личного честолюбия.

В 1800-1802 гг. появляются исторические трагедии Шиллера — «Мария Стюарт» и «Орлеанская дева», в 1803 г. — «Мессинская невеста». В 1804 г. писатель создал одно из самых светлых и патетических своих произведений — драму «Вильгельм Телль». В центре пьесы образ альпийского охотника Вильгельма Телля — легендарного борца за национальное освобождение швейцарцев от австрийского гнета. Преступления захватчиков заставляют его стать народным мстителем.

Смерть Шиллера (1805 г.) не позволила автору закончить драму о Лжедмитрии.

Литературоведы считают Шиллера талантливым историком. В его трудах — «История отпадения объединенных Нидерландов от испанского владычества», «История Тридцатилетней войны» — прямое тому доказательство. В этих работах автор на первое место выдвигал идею борьбы за национальную независимость.

Большой интерес к творчеству Шиллера проявляли у нас в России — В.А. Жуковский, А.С. Пушкин и др.

Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781) — вошел в историю немецкого просветительского движения как его наиболее передовой деятель. Он был глашатаем национального единства Германии, врагом княжеского деспотизма. И.В. Гете писал: «Сатира, прозаическая и поэтическая, до тех пор остерегалась трогать князей и дворянство. Но самый решительный шаг был сделан Лессингом в его «Эмилии Галотти».

Философское и литературно-художественное наследие Лессинга сложно и противоречиво. Как философ он сыграл серьезную, прогрессивную роль в развитии немецкой общественной мысли. Лессинг смело обличал схоластику с ее лозунгом — «наука — служанка теологии», оспаривал богословские книги. Историки считают, что Лессинг-философ значительно уступает Лессингу-драматургу и особенно Лессингу-пропагандисту реалистической теории искусства.

Лессинг создал два выдающихся эстетических труда: трактат «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» (1766) и сборник театральных рецензий «Гамбургская драматургия» (1769). Обе эти работы активно служили утверждению принципов реализма в искусстве.

В «Лаокооне» он выступил против пустой и бессодержательной описательности современных ему поэтов, он ратовал за высокоидейное, социальное искусство. Сравнивая образ скульптурного Лаокоона в выдающемся памятнике изобразительного искусства и в поэзии — эпическая поэма Вергилия «Энеида», Лессинг устанавливает границы двух видов искусства — изобразительного и словесного. У изобразительного искусства — область пространства, у поэзии — времени.

Лессинг писал о красоте, что высшая форма красоты — красота живого человека; красота — это не отвлеченная идея, она заключена в самой деятельности.

«Гамбургская драматургия» Лессинга явилась подлинным манифестом просветительского движения в Германии. В этом труде он выступал как борец за реалистическую эстетику. Лессинг убежден, что искусство только тогда отвечает своему назначению, когда оно отражает жизнь.

Лессинг в 1755 г. написал драму «Мисс Сара Сампсон», где главными героями стали люди простого звания. В 1767 г. Лессинг создал вторую свою пьесу — комедию «Минна фон Барнхельм», сюжет которой связан с событиями, развернувшимися в Германии после Семилетней войны. Достоинства этой комедии заключается в ее народности. Здесь отражены быт и нравы Германии, показаны яркие национальные характеры (Денщик Юст). Литературоведы считают, что самой замечательной пьесой Лессинга является трагедия «Эмилия Галотти» (1771). В этой пьесе показан протест против насилия человека над человеком.

Из трагедии «Эмилия Галотти»:

Одоардо (заколов свою дочь Эмилию)

«Переселись в мир иной. Ну, что же, принц! Нравится она вам еще! Возбуждает она еще вашу страсть и теперь, вся в этой крови, вопиющей об отмирании? Но вы ожидаете, чем это все кончится? Вы, может быть, ждете, что я обращу эту сталь против самого себя, чтобы завершить мое деяние финалом из пошлой трагедии? Вы ошибаетесь. Вот! (бросает кинжал к ногам принца.) Вот он лежит, кровавый свидетель моего преступления!.. Я пойду и сам отдамся в руки тюремщиков. Я иду и ожидаю вас, как моего судью... буду ждать вас перед лицом судьи, который будет судить всех нас!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека всемирной литературы. М., 1971.

ИЛЛЮСТРАЦИИ В. ОРЛОВА

Гете "Страдание юного Вертера" Германия (18 в.)

Музеус. Сказки. Германия (18 в.)

